

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ (УНИВЕРСИТЕТ)
МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

ЦЕНТР ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

А.И. Подберезкин

ВОЙНА И ПОЛИТИКА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Москва
Издательский дом
«Международные отношения»
2020

УДК 327(100-87)
ББК 66.4(0)'6
П44

Издание осуществлено при финансовой поддержке Российского фонда
фундаментальных исследований и Экспертного института социальных исследований
по проекту № 20-011-34021, не подлежит продаже

Подберезкин, Алексей Иванович.

П44 Война и политика в современном мире / А.И. Подберезкин;
[редактор О.Е. Родионов]. — М. : ИД «Международные отношения»,
2020. — 312 с.

ISBN 978-5-906367-97-6

Предлагаемая работа, посвященная анализу и прогнозу развития военной безопасности основных субъектов современной международной и военно-политической обстановки: государств, локальных человеческих цивилизаций и коалиций, представляет собой новый материал по современной военно-политической и внешнеполитической проблематике.

Читателям будет полезно ознакомиться с авторской, субъективной точкой зрения, которая представляет собой первую попытку системного подхода к анализу военно-политической обстановки.

Книга может быть полезна тем, кто изучает современные международные отношения, политологию, историю России и зарубежных стран, а не только очень специфическую, военно-политическую, область.

The proposed research, devoted to the analysis and forecast of developing military security of the main subjects of modern international and military-political situation: States, local human civilizations and coalitions, is a new material on actual military-political and foreign policy issues.

It will be useful for readers to get acquainted with the author's subjective point of view, which is the first attempt at a systematic approach to the analysis of the military-political situation.

The book can be useful for those who study modern international relations, political science, history of Russia and foreign countries, and not only a very specific, military-political area.

УДК 327(100-87)
ББК 66.4(0)'6

ISBN 978-5-906367-97-6

© Подберезкин А.И., 2020

Оглавление

Предисловие	5
Глава I. Война и политика в XXI веке: новое качество военно-политической обстановки	47
1.а). Формирование военно-политической обстановки	61
1.б). Война и силовое противоборство	66
1.в). Экономические средства «силового противоборства»	73
1.г). Уровни развития международной обстановки	83
1.д). Типы взаимосвязей международной, военно-политической и стратегической обстановки	92
Глава II. Основные субъекты, акторы и тенденции формирования военно-политической обстановки	113
2.а). Государства как главные субъекты формирования военно-политической обстановки	118
2.б). Локальные цивилизации и военно-политические коалиции как основные субъекты формировании военно-политической обстановки	131
2.в). Группа цивилизационных и информационно-когнитивных факторов формирования военно-политической обстановки	138
2.г). Группа важнейших акторов, формирующих военно-политическую обстановку	147
Глава III. Новая структура международной и военно-политической обстановки в мире	161
3.а). Основные участники формирования международной и военно-политической обстановки: государства, локальные человеческие цивилизации и коалиции	165
3.б). Перераспределение влияния среди основных факторов и участников на формирование военно-политической обстановки	169
3.в). Изменения в значении факторов, формирующих военно-политическую обстановку	170

Глава IV. Приоритеты субъектов международной обстановки:	
защита идентичности и суверенитета.....	179
4.а). Защита национальной идентичности как главная цель в условиях формирования новой международной обстановки	183
4.б). Защита национальных интересов и суверенитета в новой международной обстановке	186
Глава V. Прикладной анализ современной международной обстановки.....	199
5.а). Государство — лидер локальной человеческой цивилизации.....	205
5.б). Роль локальных человеческих цивилизаций в формировании международной обстановки.....	212
5.в). Концепция многополярности: роль локальных человеческих цивилизаций и развитие международной обстановки в мире	226
5.г). Значение локальных человеческих цивилизаций как главных субъектов формирования международной обстановки в мире	233
5.д). Локальные человеческие цивилизации и современная международная обстановка: основные сценарии развития	244
5.е). Развитие локальных человеческих цивилизаций и новые центры силы.....	260
5.ж.). Центры силы и положение России в мире.....	271
5.з). Возможные последствия для России перехода от однополярности к многополярности.....	286
Источники и литература.....	308

Предисловие

Мир уже не тот, что был несколько лет назад....
Стало ясно главное: однополярный мир не состоялся...¹.
С.В. Лавров, министр иностранных дел России, 2007 год.

Вопрос состоит в том, что необходимо разработать парадигму, которая будет рассматривать более значимые события и давать лучшее понимание тенденций, чем другие парадигмы, оставаясь на том же уровне абстракции²
С. Хантингтон, политолог

Предлагаемая работа, посвященная анализу и прогнозу развития военной безопасности основных субъектов современной международной и военно-политической обстановки (МО и ВПО)³ государств, локальных человеческих цивилизаций (ЛЧЦ) и коалиций, обеспечению военной безопасности⁴ России, представляет собой новый материал по современной военно-политической и внешнеполитической проблематике, который объективно требует внимательного и длительного изучения, выходящего за пределы одного исследования. В силу радикальных изменений в МО это исследование требует совершенно новых подходов и оценок.

Трудности возникают и в силу не до конца решённых теоретических и методологических вопросов даже на принципиальном уровне. Главные трудности связаны с осмыслением глобальных изменений, происходящих в человеческой цивилизации, и, как следствие, в международной и военно-политической обстановке⁵.

Так, в определении «военная безопасность», данном в Военной доктрине России, возникают два важнейших вопроса: во-первых, в доктрине говорится только о применении (или угрозе применения) военной силы, тогда как сегодня не менее актуально использование в военных целях и не военных средств и способов силовой политики, о чём, кстати, не раз в последние годы говорил НГШ ВС РФ В.М. Герасимов, а, во-вторых, Военная доктрина в числе приоритетов

защиты интересов не говорит определенно о национальных интересах и системе ценностей, которые стали в последние десятилетия важнейшими объектами для внешних угроз⁶. Более того, Военная доктрина должна развивать положения Стратегии национальной безопасности, которая была принята 31 декабря 2015 года⁷, а не наоборот. Разница в один год в современных условиях развития ВПО достаточно велика.

Это обстоятельство (приоритетность политических и военно-политических задач), однако, вполне учитывается в аналогичных документах других государств (например, США, где «Национальная военная стратегия»⁸ прямо вытекает из «Стратегии национальной безопасности страны» — по содержанию и хронологически), а, кроме того, изначально искажает весь смысл анализа.

Очевидно, что все аспекты формирования МО и ВПО, а тем более военного строительства в России, невозможно охватить в одной работе (хотя многие из них уже были в той или иной степени освещены в предыдущих работах, которые доступны на сайте Центра военно-политических исследований МГИМО). Поэтому были выбраны только те из них, которые, на мой взгляд, представляют наибольшую актуальность именно сегодня, в 2020 году, связанные, прежде всего, с проблемами обеспечения военной безопасности главных субъектов МО и ВПО.

Главной задачей этой работы является изучение феномена современного состояния и перспектив развития военно-политической обстановки, её особенностей, структуры и наиболее характерных черт. Представление об этом имеет очень важное значение для понимания как современной международной обстановки и перспектив её развития⁹, так и состояния, и перспектив Стратегии национальной безопасности России, возможных её корректировок в период 2020 — 2025 годов¹⁰, дискуссии о которой активно ведутся. В частности, в связи с дискуссиями о поправках в Конституцию РФ (прежде всего, отражающих укрепление суверенитета и идентичности страны), сменой правительства и корректировкой социально-экономического курса, а также новых внешних условий развития страны, которые формируются под влиянием как традиционных, так и таких новых факторов, как эпидемия коронавируса, изменения ситуации на мировом рынке нефти и т.д.

Реальность такова, что споры относительно всех этих вопросов (включая собственно даже точное определение ВПО¹¹) не просто активно ведутся среди учёных и даже представителей правящей элиты¹², но и стали предметом самых острых дискуссий в последние годы именно в связи с особым «переходным периодом» состояния МО и ВПО, который переживает человечество. Особенно в связи с усилением политики «силового принуждения» США и их союзников в отношении России, необходимости выбора нашей страной наиболее эффективных мер (в том числе военно-технических), формирующейся в 2020 году новой концепции военной безопасности России¹³. Это связано, прежде всего, с радикальными изменениями в международной обстановке, которая в основном и предопределяет состояние ВПО, а также с эскалацией в развитии наиболее опасного сценария ВПО в самых разных, в том числе в его самых радикальных, вариантах¹⁴.

Во многом такие споры имеют под собой вполне реальную основу: субъективные оценки в политике, особенно военной политике, — норма. Их избежать невозможно потому, что слишком много факторов задействовано в формировании МО и ВПО. Так, например, оценка деятельности бывшего министра обороны России А. Сердюкова и военной политики тех лет очень разная — от крайне негативной до вполне позитивной. И у каждой стороны есть свои серьезные аргументы. В пользу, например, приводят общее состояние ВС РФ тех лет. Приведем одно из них: «2008 год. Пятидневная война, в ходе которой разгромлена подготовленная американцами и хорошо оснащенная армия Грузии. При этом стоит учесть, что силы сторон, непосредственно участвовавшие в этой войне, были примерно равны по численности и вооружениям (около 18-20 тысяч солдат с каждой стороны сторон, по танкам и бронетехнике примерное равенство). В авиации РФ имела серьезное превосходство, но судьбу войны решили сухопутные войска. Блестящая военная победа без всяких оговорок за рекордно короткий срок. Прошло несколько лет. Наступил 2014 год. Крым входит в состав России без единого выстрела. Что же изменилось с конца прошлого века и откуда у России появилась новая прекрасная армия, если брать сухопутные войска и ПВО, то лучшая в мире на данный момент. На рубеже тысячелетия только ленивый не хоронил Россию. Летчики

имели налет 5-10 часов в год, масштабные учения не проводились десятилетиями. Средний возраст боевой техники приблизился к 20 годам, новая техника вообще не закупалась. Оборонный комплекс дышал на ладан. К 2006 году в РФ насчитывалось 15 тысяч воинских частей, причем полностью боеспособных и укомплектованных, тем более, современной техникой не было ни одной. Большая часть из этих тысяч частей существовали только на бумаге или представляли из себя «кадрированные» полки. То есть, по факту кроме командования части и нескольких офицеров и прапорщиков, и складов с техникой (частью давно устаревшей, разворованной и сгнившей) в них ничего не имелось. В советское время предполагалось пополнять эти части в угрожаемый период мобилизованными гражданами, ранее прошедшими срочную службу»¹⁵.

Ситуация, таким образом, изменилась принципиально. Как и оценки деятельности военно-политического руководства. Так и в настоящее время, когда развернулась дискуссия о будущей военной политике России и её Стратегии национальной безопасности.

Проблема заключается также в том, чтобы в интересах стратегического планирования в России по возможности максимально точно определить состояние МО и наиболее вероятный сценарий её развития, который лежит в основе формирования существующего сценария ВПО. Неопределённость создаёт объективные трудности — международно-политические проблемы, которые традиционно лежат в плоскости внешней политики, за которую отвечает Президент РФ и координирует Совет безопасности РФ, а политико-дипломатические функции реализует МИД РФ, тогда как собственно военные проблемы находятся в непосредственной компетенции Генерального штаба ВС РФ и Министерства обороны (за которые конечную ответственность также несёт Президент РФ как Главнокомандующий. При той же роли координатора со стороны Совета безопасности РФ).

При этом чёткой границы между политико-дипломатическими и военными аспектами обеспечения безопасности и обороны, а особенно взаимосвязи с социально-экономическим развитием добиться не всегда удаётся. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, утверждаемая указом Президента России как норма-

тивный документ наиболее приоритетного порядка, далеко не всегда эффективно координирует задачи опережающего социально-экономического развития и обеспечения безопасности страны. Эти трудности в полной мере отражаются на практике — эффективности политики России, — включая, естественно, исследования, которые посвящены военно-политической проблематике. Немалые сложности возникают и у тех студентов и служащих, которые проходят переподготовку в рамках повышения квалификации в самых разных высших учебных заведениях страны — от ВАГШ и МГИМО МИД РФ, РАГС и других.

Я не считаю, что эта работа решает (или должна решать) все эти назревшие научно-исследовательские проблемы, более того, убеждён, что в сохранившихся школах исследования ВПО в стране будут и другие, даже противоположные точки зрения. Тем не менее, читателям, как мне представляется, будет полезно ознакомиться с этим авторским, субъективным взглядом, который представляет собой первую системную попытку подхода к анализу ВПО¹⁶.

Даже беглое знакомство с ним в рамках данной работы по анализу и прогнозу военных аспектов безопасности государства, может быть полезным для тех, кто изучает современные международные отношения, политологию, историю России и зарубежных стран, а не только их очень специфическую, военно-политическую, область. Эта область сложна не только сама по себе, в полной степени отражая субъективность военно-политических процессов (которые ещё более субъективны, чем внешнеполитические, — она сочетает самые разные представления, знания и опыт международного политика, политолога, военного историка, социолога, экономиста и элементарные знания в области основ военной науки, искусства и техники¹⁷.

Кроме того, необходимо обязательно ориентироваться в основах социально-экономической политики, понимать, что как Концепция внешней политики России, так и Военная доктрина, военная стратегия и военное планирование вытекают именно из Стратегии социально-экономического развития и основных положений государственной экономической, финансовой и социальной, а также научно-технической политики¹⁸. Так, в принципиально важном для целей развития указе В.В. Путина «О национальных целях и стратегических

задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» в качестве первого и важнейшего приоритета обозначалось «осуществление прорывного научно-технологического и социально-экономического развития Российской Федерации, увеличение численности населения, повышения уровня жизни граждан...»¹⁹.

Таким образом, в самом общем виде военно-политический анализ МО-ВПО включает в себя информацию и знания, как минимум, о нескольких десятках областей человеческой деятельности и наук, которые, переплетаясь, могут дать только самое общее представление о всей сверхсложной системе, представляющей собой состояние МО и её органической и основной части — военно-политической обстановки²⁰: Самые разные факторы и тенденции очень по-разному влияют на ВПО и друг на друга. Так, если отношения различных субъектов МО-ВПО могут быть нейтральными или даже благожелательными, но общие тенденции развития МО — могут негативно влиять на эти отношения. Еще хуже могут быть отношения отдельных акторов с этими субъектами — от неблагоприятных до открыто враждебных. Так, если отношения между правительствами России и Афганистана в последние годы можно назвать благожелательными, однако отдельные акторы как в РФ, так и в АР могут быть враждебны.

Подобная сложность объекта исследования (МО и ВПО) требует комплексного изучения и системного подхода отдельных институтов и органов государства. Ни одно ведомство в России в отдельности не способно качественно проанализировать, а тем более спрогнозировать развитие МО-ВПО. Так, анализ состояния ВПО по отдельным субъектам (странам и коалициям) требует не только комплексного изучения, предполагающего анализ социальных, экономических, финансовых, философских, исторических и пр. аспектов, но и влияния на эти субъекты МО мировых тенденций, состояния национального человеческого капитала (НЧК) и его институтов и т.д.

Поэтому изначально требуется, системный анализ с точки зрения, как минимум нескольких стратегических направлений²¹. (Рис. 1)

Каждый из этих «блоков» информации и знаний предполагает не только собственное и часто самостоятельное исследование,

Рис. 1. Основные направления анализа ВПО и структура знаний о современной военно-политической проблематике

но и исследование его взаимосвязей с другими «блоками» и отдельными проблемами, влияющими на формирование МО-ВПО-СО. Важно подчеркнуть, что как МО, так и ВПО характеризуется определенным состоянием систем, которые развиваются, взаимодействуют (иногда противоречат друг другу), противоборствуют. Причём в самом современном состоянии уже заложена их история, традиции, инерция и последствия. И в нём же существуют условия для прогноза будущего состояния, обязательные для стратегического планирования внешней и военной политики. (Рис. 2)

Для целей работы поэтому полезно изложить самую общую логику, достаточно абстрактную модель исследования политики того или иного субъекта или актора МО, которая графически (очень упрощенно) изображена на рис. 3²².

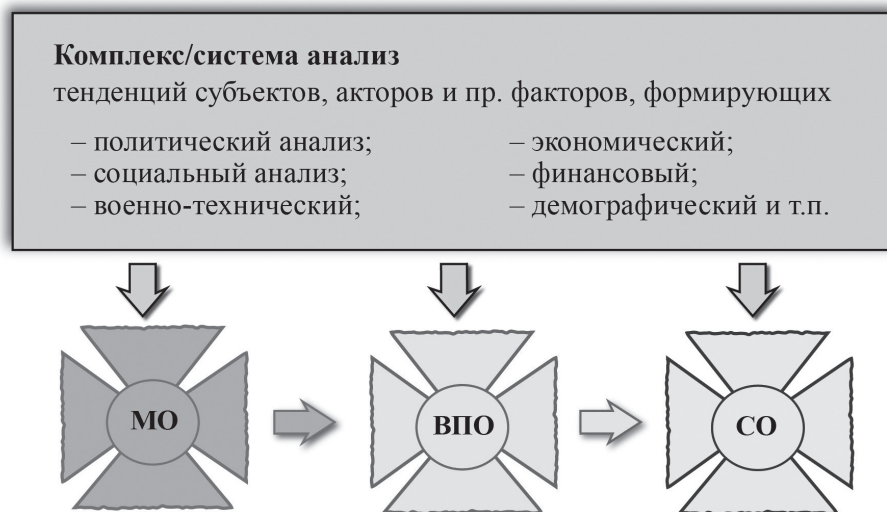

Рис. 2. Общий стратегический (комплексный и системный) подход к анализу и прогнозу развития МО-ВПО-СО

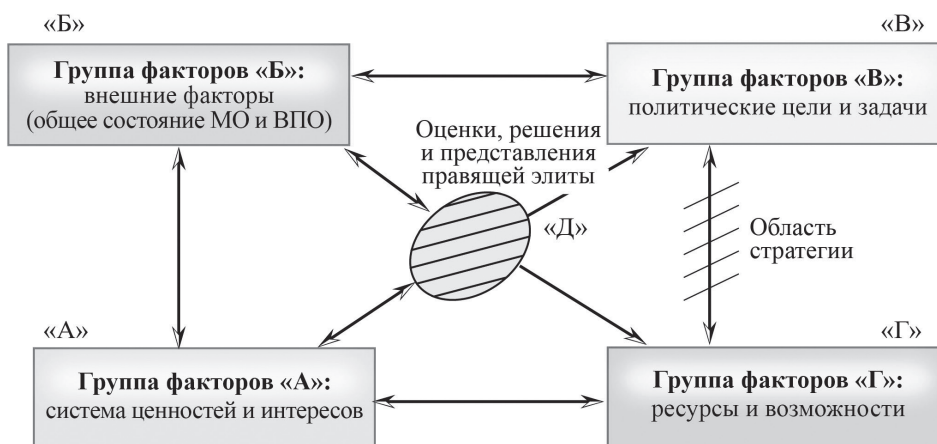

Рис. 3. Модель политического процесса субъекта (актора) МО-ВПО

В процессе развития логики рассуждений основные блоки этой упрощенной модели будут распределяться следующим образом:

— **группа факторов «А»**, — требующая, прежде всего, анализа (и прогноза) состояния и развития представлений правящей элиты о системе ценностей и интересах (глобальных, государственных, национальных, классово-социальных, групповых, личных и т. д.). Это — базовая исходная точка любого политического анализа, требующая очень серьезного исследования всей политики субъекта (актора) МО-ВПО, а не только его внешней или военной политики. Однако нередко как раз в этой области анализ сокращается до nepозволительного минимума, что ведёт к грубейшим ошибкам: нужно знать культуру, историю, традиции субъекта, а не только его военно-экономический и военный потенциал.

Именно на этом уровне формируются основы политических и иных интересов, которые, во-первых, достаточно объективны в отличие от других блоков модели, а, во-вторых, имеют самое общее, долгосрочное и принципиальное значение: цели и задачи могут быстро меняться, внешние условия также могут быть динамично изменены, а тем более динамичны представления правящей элиты и даже некоторые виды ресурсов. Но в отличие от всех этих групп интересы и ценности — **наиболее объективны и постоянны**, хотя это отнюдь не означает, что представление о них может носить искаженный характер (как во времена Ельцина-Горбачева, «Д» — «А»), либо сознательно искажаться извне («Б» — «А»);

— **группа факторов «Б»**, — концентрируется собственно анализ и прогноз развития состояния МО и ВПО и его отдельных групп факторов (например, политики ЛЧЦ) («Д» — «Б»). Трудность анализа этой группы факторов заключается в том, что их численность может составлять десятки тысяч показателей и еще больше взаимодействий. Например, отношения между субъектами МО и ВПО (более 200 государств) или основными акторами (тысячи международных и национальных акторов) составляют очень пеструю и нередко противоречивую картину, хотя с точки зрения формирования политики безопасности субъекта (например,

России), это влияние ограничено 9–11 основными особенностями, сформулированными в Стратегии национальной безопасности и Военной доктрине России;

- **группа факторов «В»**, — представляющая собой собственно анализ и прогноз развития политики и стратегии России («Д» — «В»). Можно сказать, что это наиболее традиционная и известная группа факторов, анализом которой занимаются МИД, разведки, учёные и пр. институты государства и общества. Проблема, однако, заключается в том, что изучение только политики (как это до сих пор практикуется и преподается в наших университетах) имеет мало смысла потому, что требует неизбежно изучения смежных областей, которые отнесены к другим группам факторов;
- **группа факторов «Г»** — анализ существующих и прогноз развития ресурсов и иных возможностей субъекта политики. Она также достаточно традиционна и сводится к классическому изучению военных и государственных возможностей — экономических, военных и пр., которые относят к военному потенциалу государств.
- **наконец, группа факторов «Д»**, — которая отражает информационные, идеологические и когнитивные возможности правящей элиты и её институтов, в конечном счёте, способность оперативного принятия и реализации собственных решений, способности сопротивляться внешнему влиянию и давлению, что означает, в конечном счёте, эффективность государственного и общественного управления. При этом необходимо помнить две главные особенности этой группы факторов: во-первых, эти представления могут быть крайне субъективны и, во-вторых, подвергаться сильнейшему внешнему и внутреннему влиянию. Это означает, что данная группа факторов — **наиболее уязвимое звено** в системе принятия политических решений и, соответственно, — **наиболее приоритетная цель** для внешнего воздействия.

Таким образом, задача разработки эффективной Стратегии национальной безопасности и Военной доктрины России распадается изначально на несколько самостоятельных задач, в центре которых находится анализ 5 групп важнейших факторов, о которых коротко было сказано выше. Очевидно, что для её решения нужен ком-

плексный подход, в котором будут заняты как политологи и военные специалисты, так и экономисты, финансисты, культурологи, социологи и другие эксперты.

Очевидно также, что необходимо будет осветить и **взаимосвязи, и взаимовлияния** множества других областей, имеющих огромное значение, — например: — вектор «Б» — «В» (влияние ВПО на политику страны) — или вектор «В» — «Г» (стратегия государства) и т. д.

К сожалению, российских работ, посвященных военно-политическим проблемам, было опубликовано, в последние годы мало, а те из них, которые охватывают теоретические и методологические вопросы анализа ВПО, — вообще насчитывают единицы, изданные, к тому же, крошечными тиражами. Так, фундаментальная работа генерала А.И. Владимирова («Основы общей теории войны: монография в 2 ч. — М.: «Синергия», 2013), изданная тиражом 1000 экземпляров, осталась фактически незамеченной, впрочем, как и некоторые другие фундаментальные исследования. Таким же тиражом изданы и работы И.М. Попова, М.М. Хамзатова, представляющие собой оригинальный подход к стратегии, и других авторов. Достаточно сказать, что фундаментальная работа авторов ВАГШ о военной политике страны была издана в первом десятилетии нового века под грифом «ДСП».

При этом, как и вообще в политике, в военно-политической области знания, оценки и тем более прогнозы, несут на себе, как уже упоминалось, очень серьёзный субъективный отпечаток (в работе, обозначенный векторами «Д» — «А» и т.д.), избежать которого полностью невозможно, но уменьшить их нередко очень негативное влияние (как это было в России при оценке Д. Трампа) при правильном подходе вполне реально и порой крайне необходимо²³.

Для этого необходимы разработки общетеоретического и методологического характера, имеющие не абстрактный, а вполне прикладной характер. В качестве примера можно привести фундаментальную работу, подготовленную авторами 46 ЦНИИ МО РФ «Концепция обоснования перспективного облика силовых компонентов военной организации Российской Федерации» в 2018 году²⁴.

Именно стремление к максимально объективной (и точной, как следствие) оценке и минимизация негативных субъективных оценок

и прогнозов в области МО и ВПО является, на мой взгляд, главной задачей тех, кто занимается этой работой на практике — в войсках, академиях, университетах, посольствах и резидентурах. Избежать субъективности и неточности невозможно, но снизить влияние субъективных оценок — вполне реальная задача, тем более что решение предстоит принимать в любых условиях. Как справедливо отметил в свое время маршал Б.М. Шапошников, «Каждому военному деятелю хорошо известно, что обстановка никогда не бывает ясна и всегда приходится считаться с неизвестностью. Но это обстоятельство не останавливает ни одного военного перед принятием решения»²⁵. О том, насколько субъективна политика и особенно война писал еще основоположник политического реализма древнегреческий историк Фукидид (ок. 460 — ок. 400 г. до н.э.), который в своей «Истории Пелопоннесской войны», пожалуй, впервые хорошо показал основные военно-политические особенности войны, роль силы, значение мотивов и пр. Можно сказать, что именно Фукидид показал первостепенное значение объективных факторов, которые позже абсолютизировал Н. Макиавелли (1469–1527) в своей легендарной работе «Государь»²⁶.

Иными словами, абсолютно точной и исчерпывающей информации о состоянии, а тем более перспективах развития МО и ВПО не может быть даже теоретически, хотя, надо признать, что в последние годы по мере резкого роста возможностей информационных средств, когда объем и качество такой информации, а также скорость ее передачи выросли на несколько порядков, возможностей стало намного больше. В ещё большей степени эти возможности увеличатся уже в ближайшем будущем в связи с появлением «больших баз данных», увеличением скорости обработки информации и появлением искусственного интеллекта (ИИ). Уже сегодня действующие модели развития ВПО и СО в России, работающие в разных организациях, позволяют в значительно большей степени, чем прежде, опираться на объективную информацию. Тем не менее, говорить о возможности 100% точного анализа, а тем более прогноза развития ВПО, не говоря уже о СО, нельзя. Именно поэтому стоит задача ускоренного развития теории, методик и конкретных приемов точного анализа прогноза развития ВПО.

Динамика изменений большинства факторов и тенденций, формирующих МО и ВПО, такова, что можно говорить о взрывообразном росте численности таких факторов и тенденций, их показателей и критериев, которые прежде не только не учитывались, но даже и вообще не принимались во внимание. Так, если в XIX и XX веках анализ МО и ВПО ограничивался, по сути, только анализом военных потенциалов несколько ведущих государств (демографии, экономики, армии, артиллерии флотов и пр. критериев мощи основных европейских держав и США), то в XXI веке этого стало уже явно недостаточно. Появилась острая потребность и реальная возможность учитывать гораздо большее число факторов, — участвующих в формировании не только ВПО, но и СО. Так, например, существующие возможности позволяют контролировать СО в космическом пространстве с участием 150 тыс. объектов.

Таблица 1. Сравнение количества факторов, учитываемых при анализе ВПО

XX век	Начало XXI века	Середина XXI века
5–7 основных государств	100–150 государств и 10–20 акторов	200 государств и 5–10 тыс. акторов
1–2 коалиции	5–7 коалиций	5–7 центров силы
5–7 критериев (ВВП, демография, ВС, ВВСТ)	50–70 критериев	300–500 критериев
Тенденции: основные глобальные	Тенденции: основные глобальные, региональные и страновые	Тенденции: большинство тенденций

Обратная сторона процесса стремительного нарастания объектов информации и возможностей их обработки заключается в том, что избыток информации нередко лишает возможности своевременного

анализа. Представляется, что развитие ИИ в этой области позволит избавиться от этой неприятности, но и здесь, учитывая огромное влияние субъективных факторов, важна изначально некая система, идея, концепция. Необходим анализ и стратегический прогноз совокупности существенных свойств вероятной военной угрозы, отражающих их специфические особенности в области межгосударственных и внутригосударственных отношений²⁷. Именно эта, прежде всего, политическая часть анализа ВПО стала в настоящее время главной частью военного планирования потому, что именно политические цели войны определяют масштабы и качество необходимых средств (ВВСТ), класс ВВСТ²⁸ и способы силового противоборства.

Поэтому огромное значение, на мой взгляд, имеет широко используемый в работе метод дедукции²⁹ — построения самой общей (авторской) концепции на основе больших объемов информации, опыта и интуиции, методов экспертных оценок военно-политической обстановки³⁰ и некоторых концепций и моделей, которые позволяют объединить огромное количество факторов и тенденций в некую единую логически обоснованную систему. Этот авторский метод применительно к анализу и прогнозу³¹ развития ВПО достаточно субъективен. Но сразу оговорю, что современное состояние экспертизы в России, к сожалению, далеко от идеала — «реформы» военной и политической науки во многом привели к её кризису и отразились на качестве субъективно-интуитивных оценок и прогнозов. Тем не менее, он вполне совместим с общепринятыми методами экстраполяции ВПО³², статистическими методами и различными методами описания МО и ВПО.

В процессе разработки этой системы происходит её конкретизация, уточнение, корректировки и исправление, когда некие эмпирические данные и идеи этого требуют. Т. е. наступает второй этап анализа, основанный на методе индукции³³. Именно таким образом построена структура всей работы: изначально в первой части сформулирована концепция развития ВПО в мире и её прогноз, вычленены основные особенности и раскрыты наиболее характерные черты. Во второй части эта концепция рассмотрена через призму развития отдельных центров силы, ЛЧЦ и военно-политических коали-

ций. При этом я старался не игнорировать те противоречия, которые возникали при сопоставлении с результатами исследования при помощи дедукции базового сценария и его конкретного варианта развития ВПО.

На мой взгляд, это даёт возможность и потребность в анализе множества других, не учитывавшихся прежде факторов и тенденций, влияющих на формирование МО и ВПО. Так, например, несколько лет назад я предложил объединить эти факторы и тенденции в 4 основные группы, где собственно субъекты³⁴ МО и ВПО составляют только одну такую группу (другая группа относительно независимых участников обозначена как акторы³⁵), а в целом все эти группы представляют собой некую систему, которая лежит в основе модели ВПО. Эта модель, на мой взгляд, позволяет представить себе:

- **во-первых**, МО — как систему факторов, влияющих друг на друга в разных направлениях, как производное взаимодействие самых разных факторов и тенденций;
- **во-вторых**, вычленены 4 основные группы факторов и тенденций, которые не ограничены только основными субъектами, но и тенденциями и информационно-когнитивными характеристиками;
- **в-третьих**, дать возможность для дальнейшего расширения числа участников и тенденций, влияющих на формирование МО;
- **в-четвертых**, зафиксировать принципиально важное положение о политическом приоритете при формировании ВПО (МО предопределяет сценарий развития ВПО).

Подчеркну, и то, как количество основных групп, так и перечень, и численность факторов должны быть существенно расширены: если 1-ая группа (государства) достаточно ограничена численностью существующих государств, то 2-ая (акторы) фактически уже не ограничена потому, что численность общественных и иных негосударственных акторов уже насчитывает сотни тысяч, а число реально влияющих на формирование ВПО (например, на внутривнутриполитическую стабильность) — десятками тысяч.

То же самое можно сказать и в отношении других групп. И не только тех, которые указаны в модели, но и тех, существование которых можно обосновать дополнительно.

Рис. 4. Основные группы факторов и тенденций, влияющих на формирование МО ³⁶

Как видно из предлагаемой структуры МО, представляющей основные группы факторов и тенденций, их взаимодействие и взаимовлияние (порой противоречивое) формирует в основном не только современное состояние МО, но и закладывает самые общие основы для формирования ВПО, самых различных сценариев³⁷ и конкретных вариантов его развития.

Военно-политическая обстановка соотносится с международной обстановкой в целом также как понятия «политики» и «война»³⁸, о чём ниже будет сказано подробнее, но принципиально важно отметить, что любой сценарий развития ВПО или даже его конкретный вариант неизбежно предопределяется и вытекает из сценария (и его варианта) развития МО, что схематично изображено на рисунке 5.

Как видно из рисунка, **существующий сценарий развития МО** может развиваться по нескольким своим вариантам, которые конкретизируют объективные и субъективные условия в настоящее время,

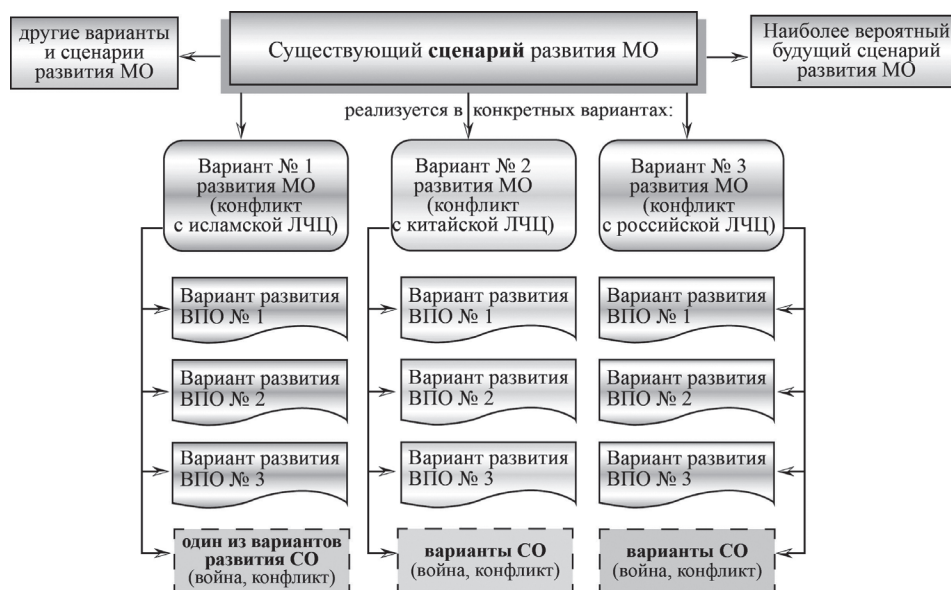

Рис. 5. Варианты и сценарии развития МО

иногда сменяя (или дополняя) друг друга. Так, современный сценарий развития МО развивается по сценарию нарастающего силового противоборства западной ЛЧЦ и ее военно-политической коалиции с другими ЛЧЦ (и их коалициями), прежде всего, китайской, исламской, российской, латиноамериканской и др.

При этом конкретные варианты (№ 1, № 2 и № 3) развития МО иногда меняются, либо «дополняют» друг друга. Например, «Вариант № 1» (конфликт с исламской ЛЧЦ) уступает место «Варианту № 2» (конфликту с китайской ЛЧЦ) и дополняется «Вариантом № 3» (конфликт с российской ЛЧЦ).

Однако принципиально важно попытаться **спрогнозировать наиболее вероятный будущий сценарий развития МО, варианты которого могут принципиально отличаться от существующего.**

Если существующий сценарий развития МО (при горизонте планирования 1-2 года) и его варианты относительно предсказуемы, а значит могут так или иначе и прогнозироваться различные сценарии развития СО, конфликтов и войн, то будущий сценарий развития МО может предоставить качественно (принципиально новые) варианты

своего развития, как и развития ВПО и СО, которые можно охарактеризовать как «фазовый переход» к новому состоянию. Например, если будущий вариант развития сценария МО может означать создание широкой антиамериканской коалиции в составе Китая, Индии, Пакистана и ряда других государств, которые захотят пересмотреть отношения Запад-Восток в принципе.

При анализе ВПО в настоящей работе предлагается использовать метод моделирования ВПО³⁹, в частности метод разработки возможных и наиболее вероятных сценариев развития ВПО⁴⁰.

Военно-политическая обстановка закономерно вытекает из характера МО в качестве результата развития военно-политических отношений⁴¹. Она в дальнейшем конкретизируется в СО, а та — в конкретном типе вооруженного⁴² или международного военного конфликта⁴³.

Для целей конкретного политического анализа необходимо вычленить максимально точно конкретный вариант развития МО и, как следствие, конкретный вариант развития ВПО (вытекающий из него) потому, что этот конкретный вариант ВПО «материализуется» в одном из вариантов развития СО (война, конфликт, столкновение, военно-силовое противоборство и т. д.).

Строго говоря, для практических целей анализа нам необходим всего лишь один **конкретный вариант одного из сценариев** развития ВПО потому, что варианты развития СО слишком субъективны и необходимы только для штабов, организующих военное планирование. Прогнозировать развитие сценариев СО нужно, но с неизбежной поправкой на их корреляцию.

Чтобы проиллюстрировать логику рассуждений и возможного анализа можно обратиться к военно-историческим примерам, в частности, периоду конца 1942 года — начала 1945 года Второй Мировой войны, из которых видно, что МО меняется медленнее (в 2-3 раза) чем ВПО, а ВПО в 3-4 раза медленнее, чем СО. Соответственно ошибка в оценке МО усиливается в несколько раз при оценке ВПО и в десятки раз при оценке СО. В самом общем виде логика выглядит следующим образом.

— **МО 1942–1945 гг. характеризуется:**

- созданием и развитием антигитлеровской коалиции;
 - предпосылками и распадом прогерманской коалиции;
 - поражением держав «оси» и созданием ялтинско-потсдамского мира.
- **ВПО 1942–1945 гг.** — характеризуется изменением качества («коренным перелом») ВПО:
- провалом плана наступления на СССР под Москвой и Ленинградом, контрнаступлением РККА;
 - началом войны Японии с США;
 - крупными поражениями Германии на Восточном фронте (Сталинградская и Курская битвы);
 - началом широкого наступления РККА в 1943 г.
 - высадкой союзников в Италии, Северной Африке и Нормандии;
 - вступлением СССР в войну с Японией.
- **СО 1942–1944 гг.** — делится на несколько крупных этапов:
- нападением на СССР и провалом блицкрига;
 - контрнаступлением зимой 1942 г.
 - наступлением Германии летом 1942 г.;
 - 1943 г. — Сталинград;
 - 1943 г. — Курск;
 - 1944 г. — наступление в Нормандии и Бельгии войск США и Великобритании;
 - конец 1944 г. — выход из коалиции Италии и Финляндии.
 - 1944 г. операции СА в Польше и Германии;
 - завершающие операции СА 1945 г. в Германии, Чехии и Венгрии;
 - 1945 г. разгром Японии в Тихом океане и Ю-В Азии;
 - разгромом Японии на континенте.

Как видно, качественные изменения в МО происходили медленно, ВПО менялась быстрее, но наибольшая динамика наблюдалась в развитии СО в ее конкретных наступлениях — отступлениях и т.п.

Оценка того или иного сценария развития МО и его варианта нередко порой очень сильно отличается даже в рамках одной правящей элиты⁴⁴. Тем более, когда в стране, как в России, происходят радикальные социальные изменения. Такие оценки, как известно

следствие не только реализации национальных или государственных интересов (потребностей), но и социально-классовых, групповых, личных. Кроме того, радикальные изменения, происходящие в последние годы в мире, ведут к ломке всей системы международных отношений и, как следствие, самым радикальным переменам в международной и военно-политической обстановки, а также стратегической обстановки⁴⁵. Настолько радикальным, что современное общество раскололось на тех, кто в настоящее время считает войну нормой существования цивилизации, тех, кто (как, например, я) даже полагает, что война фактически уже идёт⁴⁶, и тех, кто считает её в будущем неизбежной⁴⁷.

Примечательно, что те немногие в России, кто полагает, что ситуация в мире развивается «нормально», как и в предыдущие десятилетия, тоже есть, но с каждым годом их остаётся всё меньше и меньше не только в России, но и на Западе. Буквально за последние 3–4 года отношение к оценке ВПО в мире и в России изменилось радикально — от умеренно-оптимистического к резко пессимистическому. Эти субъективные ощущения отдельных представителей чрезвычайно важны, прежде всего, потому, что они формируют готовность (или её отсутствие) у элиты и общества к мобилизации и борьбе, либо к капитуляции.

Так, обострение ВПО в первой половине 2019 года, провокации США и их союзников привели, например, к пересмотру планов развития ВКС (в частности, увеличения производства самолетов СУ-57 с 20 до 70 единиц), которые озвучил В.В. Путин в мае 2019 года.

От реализма и степени ощущения опасности в области безопасности, правящей элитой, зависит степень готовности к затратам государственных, национальных и собственных ресурсов. Поэтому существовали и существуют как количественные, так и качественные оценки военных опасностей⁴⁸ и угроз⁴⁹.

Опасности и угрозы могут отличаться по реальности (теоретическая, потенциальная, возможная, реальная, непосредственная, неотвратимая), времени (стратегическая/долгосрочная; оперативная/среднесрочная; тактическая/краткосрочная) и т. д.

Вычленение качества опасности/угрозы имеет значение и с точки зрения оценки ее масштабов, так и необходимой реакции.

Так, исходя из негативных оценок ВПО, требуется широкая национальная мобилизация (идеологическая, политическая, экономическая) и создание общенационального органа управления по примеру ГКО СССР в 1941 году, а также как правило, серьёзные коррективы в военном планировании⁵⁰. И, наоборот, оптимистические оценки требуют сохранения нынешнего курса, либо даже капитуляции правящей элиты.

Иногда, правда, есть у третье состояние общественного мнения — неадекватно-оптимистическая оценка ВПО и собственных ресурсов (как в своё время у одного из генералов, защищавших Севастополь в 1854 году, когда тот обещал «закидать шапками» врагов), либо ещё большая неадекватность пессимизма («всё пропало»), которая особенно свойственна для благополучной части российского общества, поспешившей «породниться» с Западом. И первое, и второе состояние чрезвычайно опасны вообще, но особенно для тех, кто профессионально занимается политикой. К сожалению, субъективность подобных оценок скорее правило, чем исключение, с которым приходится считаться в реальной политике. Иногда подобная субъективность даже начинает доминировать (как при М. Горбачеве), фактически искусственно формируя МО и ВПО.

Поэтому при анализе, а тем более прогнозе нужен максимально объективный подход в оценке МО и ВПО. Прежде всего, с точки зрения теории и методологии, которые позволяют уйти от любимых нашими политологами бесконечных цитат западных историков, политиков и журналистов, использования классического советского академического подхода («с одной стороны и с другой стороны», которым прославилась политологическая школа ИМЭМО РАН), когда в итоге так и не ясно, чего же ждать (точнее — ждать всего), что и выдаётся за «академическую науку».

Важно, на мой взгляд, всегда помнить, что формирование современной международной и военно-политической обстановки происходит под влиянием сотен и даже тысяч факторов, из которых в целях нужд практической политики, прежде всего, долгосрочного планирования в социально-экономической и военно-технической области, необходимо (что и делается, как правило, на практике) пытаться

вычленил наиболее важные, решающие в настоящее время⁵¹. Можно признать, что учёт большинства этих факторов и тенденций (тысяч и десятков тысяч) уже стал возможен в связи с новыми возможностями сбора и обработки информации, в частности, в области «больших баз данных» и мощных компьютеров, но практических результатов такого использования в России не известно. Это может говорить, как об их отсутствии, так и засекреченности информации (в своей работе сотрудники Центра военно-политических исследований МГИМО МИД РФ, например, использовали сотни, но не тысячи таких факторов).

В известных работах обычно (даже серьёзные аналитические структуры) выделяют всего до десятка основных субъектов (политику основных государств-субъектов МО — США, КНР, Франция, Япония, Россия, Великобритания и ряд других) и несколько десятков других факторов и тенденций из известных нескольких тысяч. Очевидно, что многие субъекты и акторы остаются «за скобками» анализа. Не учитываются иногда не только быстро приобретающие силу новые государства, но даже формирующиеся коалиции, набирающие силу новые глобальные тенденции, связанные, например, с 4-ым этапом промышленной революции и новейшими военными технологиями, и соответствующей военной политикой отдельных государств⁵².

Так, на мой взгляд, очень важной тенденцией становится тенденция переноса противоборства в когнитивно-информационную область, когда враждебное влияние оказывается даже не на государство и его институты, а на систему ценностей и представления нации⁵³. Этот акцент в противоборстве всё ещё игнорируется, как представляется, по политическим причинам: достаточно большая часть правящей российской элиты считает, что «интеграция с Западом» и «интеграция в западную систему ценностей», это одно и то же.

Естественно, что для детального анализа МО и ВПО требуются огромные человеческие и иные ресурсы, но эти затраты многократно окупаются потому, что даже незначительная ошибка в оценке МО и ВПО «на старте» анализа ведет к колоссальным политическим и материальным потерям в будущем. Так, ошибка, сделанная горбачевско-ельцинской правящей элитой в отношении реального сценария развития МО (стремления США к созданию зависящей от них фи-

нансово-экономической и военно-политической системы, получившей позже название «однополярной») привела к развалу ОВД и СЭВ, а позже и СССР, что уже через короткое время привело к формированию сценария «силового принуждения» России к капитуляции.

Еще опаснее ошибки в стратегических прогнозах, когда желаемое выдается — сознательно или нет — за действительность. В этом случае происходит неадекватное целеполагание и создание национальной стратегии, что может быть отражено на следующем рисунке⁵⁴.

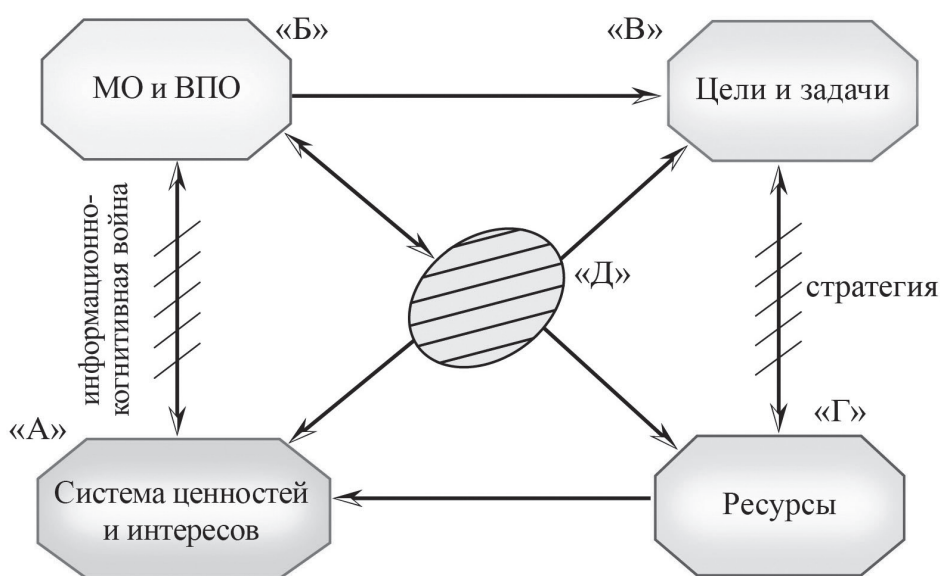

Рис. 6.

Где неадекватность оценки МО и ВПО со стороны правящей элиты (вектор «Д» — «Б») ведёт к:

1. Неадекватности (переоценки или недооценки) значения и масштабов тех или иных целей и задач (группа «В»). Так, на мой взгляд, накануне нападения Наполеона в России существовала определенная недооценка целей внутренней политики, хотя военный министр (Барклай де Толли) и государь-император (Александр I) и предпринимали

действия по материально-технической (запасы артиллерии и пр.) и дипломатической подготовке (мир со Швецией и Турцией) к войне.

Ситуация, на мой взгляд, повторилась накануне Крымской войны, а затем в Первую Мировую войну.

2. Неадекватности (как правило, недооценки или даже игнорирования) степени влияния враждебной МО-ВПО на национальную систему ценностей и интересов, что ведет к системному кризису в самоидентификации (как это было в период 80-х–90-х гг.).
3. Недооценке влияния МО-ВПО на правящую элиту страны (например, перспектив персональных санкций).
4. Принятию, в конечном счёте, неэффективной стратегии.

Кроме того, системный и достаточно полный анализ далеко не всегда удаётся сделать обоснованно в силу противоречивого влияния субъективных представлений о движущих силах и основных факторах формирования МО и ВПО. Простой пример: победа Д. Трампа на выборах 2016 года многими экспертами (даже, порой, их большинством) в самих США и за рубежом, в том числе и в России, была расценена как некая случайность, даже «досадное недоразумение», а не как долгосрочная тенденция в политике страны. И что ещё хуже — этому заблуждению настойчиво верили не только они сами, но и пытались убедить в нём окружающих, сознательно искажая политическую реальность. На это утверждение работали, например, российские СМИ весь период 2016–2018 годов, выполняя, видимо, социальный заказ тех в правящей российской элите, кто искренне и необоснованно рассчитывал на улучшение отношений с США.

Но был и субъективный политический аспект — в ещё большей степени на эту стратегию работал и работает огромный контингент воспитанников Горбачева-Козырева (Сороса и пр.), осевший в политических и научных уголках российской правящей элиты, который очень старался сохранить своё влияние всеми способами на формирование политического курса страны. Для них было важно показать, что либеральная внешнеполитическая парадигма, которой они следовали в СССР и России, не исчезла с приходом Д. Трампа, а произошло временное, случайное отклонение от стратегического курса на глобали-

зацию и либерально-демократические ценности. В целом можно сказать, что эти ученые подтверждают вывод, сделанный С. Хоффманом относительно теории международных отношений (ТМО), несколько десятилетий назад:

ТМО — всепроникающая американская философия, навязываемая миру, как и тот социальный порядок, который навязывается схемами классификации⁵⁵.

В этом смысле предлагаемая работа содержит попытки собственной классификации и формализации как некоторой основы для теории анализа и прогноза развития ВПО в мире и политической стратегии России и США. Если говорить о стратегии США при администрации Д. Трампа, то она, на мой взгляд, максимально адекватно отражает как национальные и государственные интересы США, так и потребности значительной части правящего класса страны на опережающее промышленное и научно-технологическое развитие, а сама стратегия страны стала мощным толчком для формирования новой МО и ВПО.

Это изображено на рисунке 7, отражающем часть модели политического процесса.

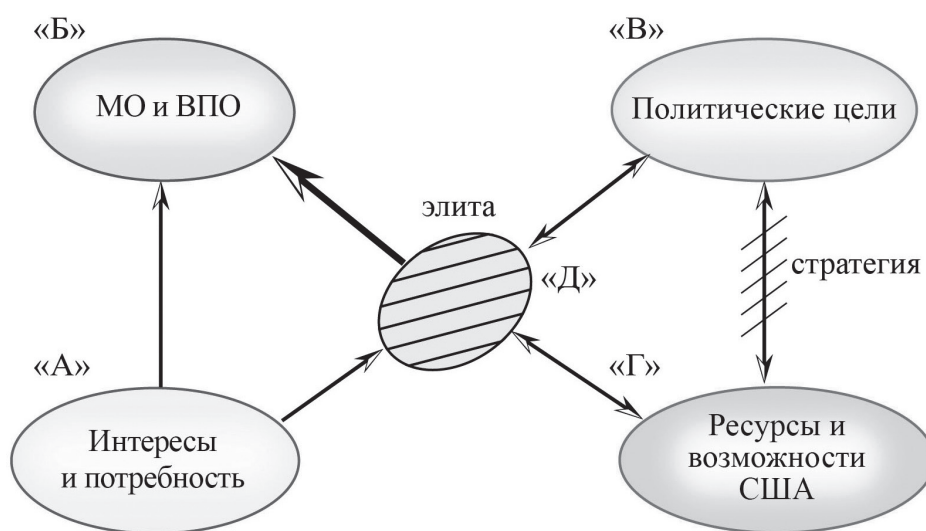

Рис. 7. Модель политического процесса США при администрации Д. Трампа

Иначе говоря, те или иные случайные факторы помешали большинству профессионалов в мире изначально обнаружить фундаментальные и объективные (и долгосрочные) сдвиги, которые потрясли не только американскую, но и западную политику в целом⁵⁶. В итоге, как оказалось, как минимум, на время были сделаны неточные политические выводы, за которыми последовали негативные последствия — начался ускоренными темпами процесс разрушения всей системы международной безопасности и её «приспособление» де-факто под практические потребности США. Не увидели (или не захотели или не смогли увидеть) претензии администрации Д. Трампа, которые имели далеко идущие, а главное, — системные и обоснованные с точки зрения сохранения американского господства последствия, которые сознательно не замечались⁵⁷.

Проблема, таким образом, стала заключаться в том, что должна была быть найдена новая научная парадигма, объясняющая объективные и закономерные тенденции развития МО и ВПО в последнее десятилетие, позволяющая, с одной стороны, вычленив новый уровень абстракции и обоснованные концепции, а, с другой, сделать его практически применимым, а не «затеоретизированным» в угоду псевдополитологическим аксиомам. Большое значение в этой связи приобретают новые политические реалии и целые группы факторов, которые выпадают из «традиционного» политического анализа или модного («постмодернистского») подхода к формированию МО.

Одной из таких решающих групп факторов является новая роль и значение локальных человеческих цивилизаций⁵⁸, которые позволяют нам гораздо концептуальнее, объективнее и точнее представить состояние современного мира, что, в свою очередь, «обеспечивает довольно простую и ясную систему понимания мира, позволяет определить узловые моменты многочисленных конфликтов и предсказать возможные пути развития будущего, а также даёт ориентиры политикам... не приносит реальность в жертву теоретизированию, как в случае с парадигмами одно- и двухполюсного мира...»⁵⁹ — очень точно в конце XX века писал С. Хантингтон. В частности, если речь идёт о таком явлении как военно-политические коалиции ЛЧЦ.

К сожалению, в практическом плане этот вывод С. Хантингтона не нашёл массовой поддержки среди российских политиков и учёных, хотя все последующие годы ВПО в мире развивалась именно в рамках этой, цивилизационной, тенденции. Прежде всего, потому, что пришлось бы отказаться от полюбившегося во времена Горбачёва-Ельцина тезиса о «европейскости» интересов и систем ценности России, которых в действительности **никогда не было в истории Европы**. В том числе увидеть, что Запад уже не только создал широкую военно-политическую коалицию, но и опробовал её применение в Югославии, Афганистане, Ираке, Ливии, Сирии и по отношению к России. Это означало бы признать ошибочность и даже преступно-наивное поведение правящей элиты СССР-России в последние десятилетия.

Подтверждений этому, однако, оказалось слишком много и чем дальше развивается ВПО в направлении эскалации противостояния, тем отчётливее проявляется эта тенденция, которая приобрела форму создания широкой западной военно-политической коалиции, в которой участвуют не только страны-члены НАТО, но и другие европейские, азиатские и прочие государства⁶⁰. Так, в частности, в мае 2018 года Швеция и Финляндия подписали новые документы о военном сотрудничестве с НАТО, которые стали продолжением этой тенденции прошлых лет (у Финляндии к 2018 году было подписано более 500 соглашений с НАТО)⁶¹.

Другая группа факторов, изменившая радикально ВПО и стратегии основных субъектов, — перенос центра тяжести силового противоборства, как уже говорилось, из военной в когнитивно-информационную область. В сентябре 2018 года, например, был опубликован доклад Международного центра стратегических исследований (США), в котором эти изменения были характеризованы самым определённым образом в пользу идеологии западной ЛЧЦ. Так, говоря о современной стратегии государств в мире, в докладе Центра следующим образом прописывается идеологическая неэффективная стратегия России и Китая: «Стоит отметить, что ни одна из этих стран не говорит о «смерти от 1000 укусов» или атаке критической инфраструктуры в стиле «кибер-Перл-Харбор». Хотя эти идеи (наряду с понятием

атак негосударственных субъектов на критическую инфраструктуру) являются основой для обсуждения кибербезопасности в Соединенных Штатах, нет никаких реальных доказательств в их поддержку.

Первоначальная оценка заключается в том, что российские, китайские и, возможно, иранские усилия были более эффективными с их собственным населением, а российский контр-нарратив (и сопутствующие активные меры) имели успех в нанесении ущерба Соединенным Штатам и в дестабилизации западных демократических процессов. Однако, ни Россия, ни Китай (даже при всем своем богатстве, институтах Конфуция и группах экспатриантов) **не смогли предложить привлекательную альтернативу либеральной идеологии** (подч. — А.П.). Путинское повествование о рациональной, националистической России обращается к славянскому населению и крайне правым группам за пределами России, но ее усилия добиться влияния на иностранную аудиторию подрываются ее репрессивными действиями, коррупцией и ее враждебной риторикой. Сладкоречивые описания Китая Си Цзиньпином являются неубедительными для некитайской аудитории. Обе страны и Россия и Китай безуспешно борются с широко распространенными негативными впечатлениями среди иностранного населения».

Совершенно другая история в области идеологии Запада представляется, если говорить о западной политике по отношению к России. Вот как её описывает один из участников информационного противоборства: «...я приведу только один факт: наши заклятые американские «друзья и партнеры», скупившие оптом в 2014 году тысячи и тысячи ай-пи адресов с украинскими доменами, активно их использовали против прежней власти, находясь, отнюдь, не на берегах Днепра, а на берегах Потомака. Фабрика троллей работает день и ночь, не покладая рук уже 5 лет. Американцы свое дело знают и все доводят до конца. До полного логического конца (посмотрите на РПЦ, и что от неё останется после «откола» от нее 30% паствы с Украины).

Как говорил известный прусский военный теоретик и историк Карл фон Клаузевиц: «Война есть продолжение политики другими средствами» и «целью любой войны является мир на условиях, благоприятных для победителя». Т. е. в, конечном счёте, любая война

развязывается только для того, чтобы в результате ее заключить мир на более выгодных для себя условиях. Это в полной мере относится к современной военно-политической установке США, сформулированной в документах администрации Д. Трампа, в частности «Обзоре национальной военной стратегии», где подчеркивается, что все ресурсы США — политические, информационные, и военные представляют собой «единое целое» с точки зрения их использования в интересах внешней политики»⁶². Но это правило, как представляется, не касается ядерной войны, после которой мир заключать будет уже не с кем и некому, что, на самом деле, не устраивает США. Отсюда и настойчивое стремление уничтожить только ядерное оружие, всемерно развивая другие виды и системы ВВСТ. Это объясняет и акцент на когнитивную войну, которая вообще направлена не на Вооруженные силы, а на подрыв противника изнутри, когда внутренние деструктивные процессы разрушают его настолько, что делают неспособным к сопротивлению.

Как видите, война, реальная война против нас, это не миф, она уже идет полным ходом, и США, даже и не скрывают этого, считая это ниже своего достоинства (у них специфическое понятие о чести). Хотя документ и имел гриф «Для служебного пользования», и не имел русского перевода, они сознательно дали утечку по причинам, приведенным выше. Теперь наша очередь принять контрмеры, поверх тех, что мы уже приняли».

Автор и его коллеги из ЦВПИ МГИМО по работе над военно-политической проблематикой, как представляется, вовремя обратились к исследованию этой темы, попытавшись привлечь внимание и научной общественности, и политиков к этому феномену в серии своих публикаций.

Настоящая книга также является логическим продолжением большой серии работ, подготовленных Центром военно-политических исследований МГИМО в 2013–2018 годы и посвященных анализу и прогнозу развития международной и военно-политической обстановки в мире, где акцент делается на анализе коалиционной политики Запада. Среди них можно отметить следующие, опубликованные в самые последние годы:

- Подберёзкин А.И., Боришполец К.П., Подберёзкина О.А. Евразия и Россия. — М.: МГИМО-Университет. — 517 с.
- Подберёзкин А.И., Боришполец К.П., Казанцев А.А., Козин В.П., Орлов А.А. Прогнозирование международной ситуации: угрозы безопасности и военная политика России: аналитический доклад. — М.: МГИМО-Университет, 2014. — 44 с.
- Информационно-аналитическая система стратегического планирования противодействия угрозам национальной безопасности: аналит. доклад / П.М. Шмелёв, А.И. Подберёзкин. — М.: МГИМО-Университет, 2014. — 159 с.
- Долгосрочное прогнозирование сценариев развития военно-политической обстановки: аналит. доклад / А.И. Подберёзкин, М.А. Мунтян, М.В. Харкевич и др.; рук. авт. коллектива А.И. Подберёзкин, — М.: МГИМО-Университет, 2014. — 161 с.
- Долгосрочные сценарии развития стратегической обстановки, войн и военных конфликтов в XXI веке: аналит. доклад / А.И. Подберёзкин, М.А. Мунтян, М.В. Харкевич (и др.); рук. авт. кол. А.И. Подберёзкин. — М.: МГИМО-Университет, 2014. — 175 с.
- Подберёзкин А.И. Военные угрозы России. — М. 2014. — 268 с.
- Подберёзкин А.И. Третья мировая война против России: введение в концепцию. — М.: МГИМО-Университет, 2015. — 157 с.
- Военно-политические аспекты прогнозирования мирового развития: аналит. доклад / А.И. Подберёзкин, Р.Ш. Султанов, М.В. Харкевич и др. — М.: МГИМО-Университет, 2014. — 167 с.
- Стратегическое прогнозирование и планирование внешней и оборонной политики: монография: в 2-х т. / под ред. А.И. Подберёзкина. — М.: МГИМО-Университет, 2015.
 - Т. 1. Теоретические основы системы анализа, прогноза и планирования внешней и оборонной политики. 2015. — 796 с.
 - Т. 2. Прогнозирование сценариев развития международной и военно-политической обстановки на период до 2050 года. — М.: МГИМО-Университет, 2015. — 722 с.
- Подберёзкин А.И. Вероятный сценарий развития международной обстановки после 2021 года. — М.: МГИМО-Университет, 2015. — 325 с.

- Долгосрочное прогнозирование международных отношений: сборник статей / *под ред. А.И. Подберёзкина*. — М.: МГИМО-Университет, 2016. — 307.
- Проект долгосрочной стратегии национальной безопасности России с методологическими и методическими комментариями / *А.И. Подберёзкин* (рук. авт. кол.) и др. — М.: МГИМО-Университет, 2016. — 88 с.
- Стратегический прогноз развития отношений между локальными человеческими цивилизациями в Евразии: аналит. доклад / *А.И. Подберёзкин, О.Е. Родионов, М.В. Харкевич*. — М.: МГИМО-Университет, 2016. — 123 с.
- *Подберёзкин А.И.* Современная военная политика России: Учебно-методический комплекс. В 2-х томах. — М.: МГИМО-Университет, 2017. Т. 1. — 817 с., Т. 2. — 987 с.
- Долгосрочное прогнозирование развития отношений между локальными цивилизациями в Евразии: монография / *А.И. Подберёзкин и др.* — М.: Издательский дом «Международные отношения», 2017. — 357 с.
- Мир в XXI веке: прогноз развития международной обстановки по странам и регионам: монография / [*А.И. Подберёзкин, М.В. Александров, О.Е. Родионов и др.*]; *под ред. М.В. Александрова, О.Е. Родионова*. — М.: МГИМО-Университет, 2018. — 768 с.

Многие положения авторской концепции развития современной ВПО были в разное время (но, преимущественно, во втором десятилетии) опубликованы в самых разных журналах. Среди них можно отметить самые последние публикации:

- *Подберёзкин А.И.* Военная сила и политика новой публичной дипломатии // Журнал «Обозреватель», 2016. — № 12.
- *Подберёзкин А.И.* Повышение эффективности стратегического сдерживания — основное направление политики безопасности. Часть 1 и Часть 2 / Журнал «Обозреватель», 2018. — №№ 5 и 6.
- *Подберёзкин А.И.* Стратегия «силового принуждения» в условиях сохранения стагнации в России / Журнал «Обозреватель», 2018. — № 4.

- Подберёзкин А.И., Крылов С.А. а, Война и международная безопасность // Обозреватель, 2019, №10, СС.24-31.
- Дербин Е.А., Подберёзкин А.И. Перспективный облик военной организации Российской Федерации // Вестник МГИМО-Университет, 2018. — № 3 (60).
- Кравченко С.А., Подберёзкин А.И. Доверие к научному знанию в условиях новых угроз национальной безопасности России // Вестник МГИМО-Университета, 2018. — № 2 (59).
- Кравченко С.А., Подберёзкин А.И. Динамика знания о насилии: военные и социокультурные аспекты / Гуманитарий Юга России, 2018. — № 3.
- Кравченко С.А., Подберёзкин А.И. «Переоткрытие» знания о будущем: перспективы безопасности России до 2050 года // Вестник МГИМО-Университет, 2017. — № 4 (55).
- Подберёзкин А.И. От стратегии «противоборства» к стратегии «управления» // Вестник МГИМО-Университет, 2017. — № 1 (52).
- Подберёзкин А.И. «Переходный период» развития военно-силовой парадигмы (2019–2025 гг.). Часть I. // Научно-аналитический журнал «Обозреватель», 2019. — № 4. — С. 5–27 и др.

Наконец, отдельно нужно сказать о моей книге, опубликованной в июне 2018 года, которая целевым образом посвящена формированию современной ВПО, создающей качественно новые условия для развития России⁶³. В ней основное внимание уделено необходимости выбора правящей элитой России мобилизационного сценария её развития в ухудшающихся условиях ВПО, которое предстоит сделать (по указу В.В. Путина от 7 мая 2018 года) в середине 2018 года, либо (в очередной раз) уклониться от такого выбора, подчинившись стихийной энергии стагнации (к сожалению, исходя из опыта последних десятилетий, можно сделать вывод о том, что последнее предположение наверняка окажется более реальным).

Об этом выборе недвусмысленно напомнил в своем послании 1 марта 2018 года президент России В.В. Путин, а позже — в первом своём указе в качестве Президента России — дал поручение правительству до 1 октября 2018 года разработать соответствующий прогноз

и план до 2024 года. Эти инициативы, повторюсь, как показывает история последних лет, отнюдь не гарантируют проведение необходимой и эффективной политики. Не случайно в январе 2020 года произошла смена правительства России.

Настоящая работа целиком посвящена, прежде всего, той новой роли ЛЧЦ и нарождающихся (и возрождающихся) центров силы, которая стала реальностью в формировании современной ВПО в мире⁶⁴. На мой взгляд, роль ЛЧЦ, новых центров силы и их военно-политических коалиций до настоящего времени недооценивается: отход от универсализма глобализации пока что не привёл к признанию приоритета цивилизационных ценностей в политике. Более того, происходит усиление влияния государств и их коалиций на формирование ВПО и развитие военного дела.

Предлагаемая работа также имеет своей целью оказать помощь в изучении военно-политической проблематики, как области, включающей в себя смежные дисциплины (политологию, международные отношения, военную науку, экономику и ряд других), а также привлечь внимание общественности и экспертов к военно-политическим и цивилизационным последствиям современного развития ВПО и ЛЧЦ⁶⁵:

- **Во-первых**, роли локальных человеческих цивилизаций и новых центров силы и военно-политических коалиций, как главных субъектов ВПО в нашем веке, в борьбе за продвижение главных политических приоритетов — национально-цивилизационных систем ценностей и вытекающих из них норм и правил — силовыми и военными средствами;
- **Во-вторых**, роли и значению самой сильной, доминирующей, как минимум, в ближайшие десятилетия, в военно-политическом отношении — западной ЛЧЦ — и её военно-политической коалиции, как главной силы, претендующей на мировое лидерство и право устанавливать свои нормы и правила;
- **В-третьих**, возможным и наиболее вероятным сценариям и отдельным конкретным вариантам развития ВПО и стратегической обстановки в качестве реальных планов продвижения системы ценностей западной военно-политической коалиции до середины нынешнего столетия.

Все эти части формально-логически и событийно тесно связаны между собой и находятся в русле авторской концепции развития ВПО в современный период, стремящейся максимально учитывать то огромное количество факторов, которое влияет на формирование как МО, так и ВПО, но прежде всего новую роль и значение ЛЧЦ в этих процессах, поиска методов анализа и прогноза развития современной политической ситуации, которая находится в состоянии «переходного периода»⁶⁶. Этот первый опыт показал, что работа по военно-политической проблематике требует энциклопедических знаний и знакомства с огромным списком самой разной литературы, хотя работ по собственно военной теории немного. Кроме классиков — Карла фон Клаузевица (кстати, плохо изученного и нередко неточно цитируемого)⁶⁷, Б.М. Шапошникова⁶⁸, А.А. Свечина и избранных работ Жомини, Мольтке, Бюлова, Наполеона и некоторых других авторов⁶⁹ необходимо шире знакомиться с трудами зарубежных исследователей, которых, к сожалению, немного. В силу этого я согласен с современным классиком военно-теоретической мысли Бэзил Лиддл Гартон, который более полувека назад написал: «...выясняется, что «учебников стратегического мышления — не более десятка, причём большинство создано на Востоке (трактаты «Сунь-цзы» и «У-цзы», стратегемы, Книга перемен и т.д.)»⁷⁰.

По мере возможности я знакоблю читателей с некоторыми мыслями и концепциями. В том числе и политиков, имеющих отношение к военно-политической проблематике. Таких, например, как Тит Ливий⁷¹, Геродот⁷² или записками Гай Юлия Цезаря о Галльской войне⁷³. Вместе с тем, основное внимание в работе уделяется прикладному анализу МО и ВПО, наиболее актуальным событиям в мире и приемам их анализа.

¹ Лавров С.В. Настоящее и будущее глобальной политики: взгляд из Москвы // Россия в глобальной политике, 2007, №2.

² Хантингтон С. Столкновение цивилизаций (пер. с англ. — Т. Велимеева). — М.: АСТ, 2016. — С. 37.

³ **МО и ВПО**, а также другие аббревиатуры и определения доступны на сайте ЦВПИ по адресу: www.eurasian-defence.ru

⁴ **Военная безопасность России**, — как считается в Военной доктрине страны, – состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внешних и внутренних угроз, связанных с применением военной силы или угрозой её применения.

⁵ Появление множества прогнозов, например, Римского клуба, ОКНШ США и др. подтверждают глобальный характер этих изменений.

⁶ *Путин В.В.* Указ Президента РФ № 815 от 26 декабря 2014 г. «О признании утратившим силу Указа Президента РФ №146 от 7 февраля 2010 «О военной доктрине России»

⁷ *Путин В.В.* Указ Президента РФ № 683 от 31 декабря 2015 года «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации».

⁸ Summary of the 2018 National Defense Strategy of The United States of America / Wash., Jan., 2019.- P. 12.

⁹ Последствия развития ВПО для России оценивались, например, в работе: *Подберёзкин А.И.* Состояние и долгосрочные военно-политические перспективы развития России в XXI веке. — ИД «Международные отношения», 2018. - 1496 с.

¹⁰ Эта дискуссия стала продолжением обсуждения военной политики РФ и состояния ВПО в период после 2014 года. См., например: *Подберёзкин А.И.* Политика стратегического сдерживания России в XXI веке. — М.: Издательский дом «Международные отношения», 2019. - 808 с.

¹¹ *Махонин В.А.* К вопросу о понятии «военно-политическая обстановка» // Военная мысль, 201, №4, СС.3-10.

¹² Острая полемика, например, возникала осенью 2019 года в связи с соответствием бюджетных приоритетов Стратегии национальной безопасности и в январе 2020 года (в связи с докладом Счётной палаты РФ) о реализации национальных приоритетов.

¹³ См., например: *Подберёзкин А.И.* «Переходный период»: эволюция политики военно-силового противоборства западной военно-политической коалиции (2010-2024 гг). Часть I. и Часть II. / Научно-аналитический журнал «Обозреватель», апрель, май №4, СС. 5- 25; №5, 2019 г. и 5-21.

¹⁴ См. подробнее: *Подберёзкин А., Крылов С.* Политика, война и международная безопасность в XXI веке // Обозреватель, 2019, № 10, СС. 21- 23.

¹⁵ Операция «Сердюков» — крупнейший геополитический успех России начала XXI века // Военное обозрение. 27 декабря 2015// www.topwar.27/12/2015.

¹⁶ Естественно, что отдельные проблемы развития ВПО разрабатываются разными институтами и исследователями более глубоко, например, в ЦНИИ №46 МО, где военно-технические аспекты военного планирования систематически изучаются, более предметно. См., например: Концепция обоснования перспективного облика силовых компонентов военной организации Российской Федерации: монография. – М.: Издательский дом «Граница», 2018. – 512 с., ил.

¹⁷ В процессе работы очень полезными оказались классические источники, например: *Геродот. История Древней Греции* /Геродот; пер. с греч. Ф. Мищенко. – М.: АСТ, 2017. – 656 с.: ил.

¹⁸ Подробно эта проблематика была освещена в специальной работе: *Подберёзкин А.И. Состояние и долгосрочные военно-политические перспективы развития России в XXI век.* – М.: Издательский дом «Международные отношения», 2018. –1599 с.

¹⁹ *Путин В.В. Указ «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года».* – № 204 от 7 мая 2018 г.

²⁰ **Военно-политическая обстановка (ВПО)** – *з*д. состояние военно-политических отношений субъектов политики и их военных организаций, конкретная расстановка военно-политических сил, характер их действий и взаимосвязи между ними в реальном масштабе времени.

²¹ См., например: *Подберёзкин А.И., Крылов С.А. Война и международная безопасность* // *Обозреватель*, 2019, №10, СС.24-31.

²² Подобный подход использовался мною неоднократно и был не раз апробирован в различных изданиях; См., например: *Подберёзкин А.И. Состояние и долгосрочные военно-политические перспективы развития России в XXI веке.* – М.: МГИМО-Университет, 2018. –1599 с.

²³ См., например, основные военно-политические документы Д. Трампа, в частности: *Summary of the 2018 National Defense Strategy of The United States of America.* – Wash., Jan. 2018. – P. 3–11.

²⁴ Концепция обоснования перспективного облика силовых компонентов военной организации Российской Федерации. – М.: Издательский дом «Граница», 2018. – 512 с., с ил.

²⁵ *Шапошников Б.М. Мозг армии.* – М.: Общество сохранения литературного наследия, 2016. – С. 648.

²⁶ *Алексеева Т.А.* Современная политическая мысль (XX– XXI вв.). Политическая теория и международные отношения. – М. 2016. – С. 167–170.

²⁷ **Военно-политический характер военной угрозы** – анализ не только свойств, но и анализом политических целей возможного военного конфликта и возможностей потенциального противника (коалиции).

²⁸ **Класс ВВСТ** – совокупность образцов ВВСТ, объединённых с учётом их предназначения, функциональных и конструктивных особенностей и значений ТТХ.

²⁹ **Метод дедукции анализа и прогноза ВПО** – зд. метод логических умозаключений, основанный на общем анализе МО, и, как следствие его развития, – ВПО, в результате которого выстраивается цепь рассуждений относительно наиболее вероятного конкретного варианта одного из сценариев развития ВПО (иногда СО).

³⁰ **Метод экспертных оценок военно-политической обстановки** – зд.: метод оценивая состояния текущей военно-политической обстановки на основе опыта, знаний и интуиции высококвалифицированных специалистов.

³¹ **Прогнозирование ВПО** – зд.: процесс разработки прогноза развития факторов и тенденций, формирующих ВПО, а также возможных и вероятных взаимосвязей между ними.

³² **Метод экстраполяции военно-политической обстановки** – зд.: метод прогнозирования развития военно-политической обстановки, основанный на анализе сложившейся в прошлом и настоящем закономерностей, характера и условий развития ВПО и распространения их на соответствующую перспективу прогноза (планирования) в будущем.

³³ **Метод индукции анализа и прогноза ВПО** – зд. метод логических рассуждений, основанный на анализе эмпирических данных и экспертных оценках, с помощью которого вносятся коррективы и другие изменения в разработанный наиболее вероятный из возможных сценариев и его вариант развития ВПО (иногда СО).

³⁴ **Субъекты МО и ВПО** – зд.: суверенные с точки зрения международного права государства, способные к проведению самостоятельной внешней и военной политике.

³⁵ **Акторы МО и ВПО** – легитимные и нелегитимные негосударственные организации и структуры, участвующие в формировании МО и ВПО.

³⁶ См., например: *Подберёзкин А.И., Соколенко В.Г., Цырендоржиев С.Р.* Современная международная обстановка: цивилизации, идеологии, элиты. – М.: МГИМО-Университет, 2015. – 464 с.

³⁷ **Сценарий развития военно-политической обстановки** – зд. порядок перехода ВПО из одного состояния в другое под воздействием совокупности факторов, определяющих социально-политическое и военно-техническое, а также иное развитие субъектов и тенденций в развитии ВПО

³⁸ См.: Истоки представлений о соотношении понятий: *Клаузевиц, Карл фон* «О войне». – М.: АСТ, 2019. – 320 с.

³⁹ **Метод моделирования ВПО** – метод исследования в форме конструирования модели военно-политических отношений с адекватным отображением их содержания, существенных признаков и характеристик.

⁴⁰ **Метод разработки сценариев военно-политической обстановки** – метод моделирования развития ВПО, выполненный в соответствии с правилами разработки возможных и наиболее вероятных, а также недопустимых сценариев и их вариантов развития ВПО.

⁴¹ **Военно-политические отношения** – результат взаимодействия субъектов международных отношений в силовых областях (военной и не военной) противостояния.

⁴² **Вооруженный конфликт** – тип военного конфликта, представляющий ограниченный по масштабам, времени, целям, составу сил и средств вооруженное столкновение между участниками и акторами ВПО или противостоящими сторонами внутри одного субъекта МО, не требующий использования всех сил и средств.

⁴³ **Международный военный конфликт** – военный конфликт, выходящий за территориальные пределы одного государства, в котором участвуют, как правило, субъекты ВПО (но могут участвовать и привлекаться акторы).

⁴⁴ Огромный материал по этому вопросу изложен в работе: «Концепция обоснования перспективного облика силовых компонентов военной организации Российской Федерации». – М.: Издательский дом «Граница», 2018. – 512 с., с ил.

⁴⁵ **Стратегическая обстановка (СО)** – зд.: совокупность факторов и условий, в которых осуществляется подготовка и ведение военных действий, Определяется состоянием ВПО. Характеризуется применяемым ору-

жием, составом, группировкой и характером действий, решаемыми задачами на ТВД (СН).

⁴⁶ Именно эти расхождения отчетливо проявились, например, в ходе ежегодной научно-практической конференции, состоявшейся в Академии Генерального штаба ВС РФ 2 марта 2019 года.

⁴⁷ См., например: *Подберёзкин А.И.* Третья мировая война против России: введение в концепцию. – М.: МГИМО-Университет, 2015.

⁴⁸ **Военная опасность** – зд. Состояние межгосударственных или внутригосударственных отношений, характеризующее совокупностью факторов, способных при определенных условиях привести к возникновению военной угрозы.

⁴⁹ **Военная угроза** – зд. состояние межгосударственных или внутригосударственных отношений, характеризуется реальной возможностью военного конфликта.

⁵⁰ **Военное планирование** – составная часть военных мер организации военной политики, развития военной организации, военного строительства и совершенствования органов и способов их применения.

⁵¹ Этому посвящены специальные работы ЦВПИ, в частности: Стратегическое прогнозирование и планирование внешней и оборонной политики: монография: в 2-х т. / под ред. *А.И. Подберёзкина*. – М.: МГИМО-Университет, 2015. – Т. 1. Теоретические основы системы анализа, прогноза и планирования внешней и оборонной политики. 2015. – 796 с.

⁵² President Donald Trump, Executive Order 13806 / <https://www.whitehouse.gov/presidential-actions/presidential-executive-order-assessing-strengthening-manufacturing-defense-industrial-base-supply-chain-resiliency-united-states/>

⁵³ На этот аспект, в частности, обращал внимание начальник ГШ ВС РФ Герасимов В.В. в выступлении на конференции 2 марта 2019 года. В 2011–2013 годах в своих работах, посвященных роли и значению человеческого капитала и его институтов, я обращал специальное внимание на это обстоятельство. См.: *Подберёзкин А.И.* Национальный человеческий капитал. – М.: МГИМО-Университет. 2011–2013 гг. – Т. 1–3.

⁵⁴ См., например: *Подберёзкин А.И., Крылов С.А.* а, война и международная безопасность // *Обозреватель*, 2019, №10, СС.24–31.

⁵⁵ *Алексеева Т.А.* Современная политическая мысль (XX–XXI вв.): Политические теории и международные отношения. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2016. – С. 159, 160–161.

⁵⁶ См. подробнее: *Подберёзкин А.И.* Состояние и долгосрочные военно-политические перспективы развития России в XXI веке / А.И. Подберёзкин; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) М-ва иностр. дел Рос. Федерации, Центр военно-политических исследований. – М.: Издательский дом «Международные отношения», 2018. – 1596 с.

⁵⁷ Summary of the 2018 National Defense Strategy of The United States of America. – Wash., Jan. 2018. – P. 3–11.

⁵⁸ Этот термин стал мною использоваться в качестве понятия с начала второго десятилетия. См., например: Стратегический прогноз развития отношений между локальными человеческими цивилизациями в Евразии: аналит. доклад / *А.И. Подберёзкин, О.Е. Родионов, М.В. Харкевич*; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) М-ва иностр. дел Рос. Федерации, Центр военно-политических исследований. – М.: МГИМО-Университет, 2016. – 123, [1] с.

⁵⁹ *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций (пер. с англ. – *Т. Веллимева*). – М.: АСТ, 2016. – С. 37–38.

⁶⁰ *Подберёзкин А.И., Жуков А.В.* Оборона России и стратегическое сдерживание средств и способов стратегического нападения вероятного противника // Вестник МГИМО-Университет, 2018. – № 6. – С. 142–143.

⁶¹ *Пяйви Лакка.* Финские эксперты о нашумевшем заявлении министра обороны / Эл. ресурс: «ИНОСМИ». 2018-07-31

⁶² *Mattis Jim.* Summary of 2018 National Defense Strategy of The United States of America, 2018. – P. 2.

⁶³ *Подберёзкин А.И.* Состояние и долгосрочные военно-политические перспективы развития России в XXI веке / А.И. Подберёзкин; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) М-ва иностр. дел Рос. Федерации, Центр военно-политических исследований. – М.: Издательский дом «Международные отношения», 2018. – 1596 с.

⁶⁴ См. также: *Кравченко С.А., Подберёзкин А.И.* Динамика знания о насилии: военные и социокультурные аспекты / Гуманитарий Юга России, 2018. – № 3. – С. 40–41.

⁶⁵ При этом некоторые идеи были апробированы в коллективной монографии ЦВПИ, опубликованной в мае 2018 года. См. подробнее: «Мир в XXI веке: прогноз развития международной обстановки по странам и регионам: монография / [А.И. Подберёзкин, М.И. Александров, О.Е. Родионов и др.]; под ред. М.В. Александрова, О.Е. Родионова. – М.: МГИМО-Университет, 2018. – 768 с.

⁶⁶ См. подробнее: Подберёзкин А.И. «Переходный период» развития военно-силовой парадигмы (2019– 2025 гг.). Часть I // Научно-аналитический журнал «Обозреватель», 2019. – № 4. – С. 5– 27

⁶⁷ В настоящей работе использовано последнее издание К. Клаузевица «О войне». Избранное. – М.: АСТ, 2019.

⁶⁸ Шапошников Б.М. Мозг армии. – М.: Об-во сохранения лит. Наследия, 2016. – 824 с.

⁶⁹ См.: Стратегия в трудах военных классиков / ред. совет серии: С.В. Степашин и др. – М.: Издательский дом «Финансовый контроль», 2007. – 592 с.

⁷⁰ Стратегия непрямых действий: Бэзил Лиддл Гарт. – М.: АСТ, 2018. – 508 с.

⁷¹ Ливий Тит. История Рима от основания города. Все книги в одном томе. – М.: Эксмо, 2018. – 1344 с.

⁷² Геродот. История / пер. с др. греч. Ф.Г. Мищенко. – 2-е изд. – М.: Академический проект, 2016. – 599 с.

⁷³ Гай Юлий Цезарь. Записки о Галльской войне. Готовому перейти Рубикон. – М.: РИПОЛ классик, 2017. – 416 с.

Глава I.
Война и политика в XXI веке:
новое качество военно-
политической обстановки⁷⁴

Спустя почти столетие, после своего зарождения,
теория международных отношений
всё ещё находится в стадии самоопределения⁷⁵
Т. Алексеева, профессор

Когда превосходство Запада исчезнет, большая
часть его могущества просто-напросто испарится,
а остаток будет рассеян по региональному признаку
между несколькими основными цивилизациями
и их стержневыми государствами⁷⁶
С. Хантингтон, политолог

Старый спор о соотношении политики⁷⁷ и войны⁷⁸, начатый еще К. Клаузевицем⁷⁹ и обострившийся в конце XX века, похоже, не окончен и сегодня. Более того, по мере развития новых образцов вооружений и военной техники, и способов их применения, особенно стратегических наступательных вооружений (СНВ), высокоточного оружия (ВТО)⁸⁰ и создания эффективных систем противоракетной обороны (ПРО), которые превращают эти достижения в политические возможности, этот спор ещё более обострился⁸¹. Прежде всего, по вопросам сохранения/разрушения стратегической стабильности (точнее — нестабильности), а также из-за возросшего риска войны и непредсказуемости поведения субъектов МО.

Изначально принципиально важно определить место военно-политической обстановки (как состояния многочисленных факторов и отношений между ними) относительно других **состояний** субъектов, факторов и отношений между ними. Прежде всего, международной обстановки, стратегической обстановки в мире, регионах и на отдель-

ных театрах военных действий (ТВД), а также войн и военных конфликтов. В самом общем виде это место ВПО можно описать следующим образом:

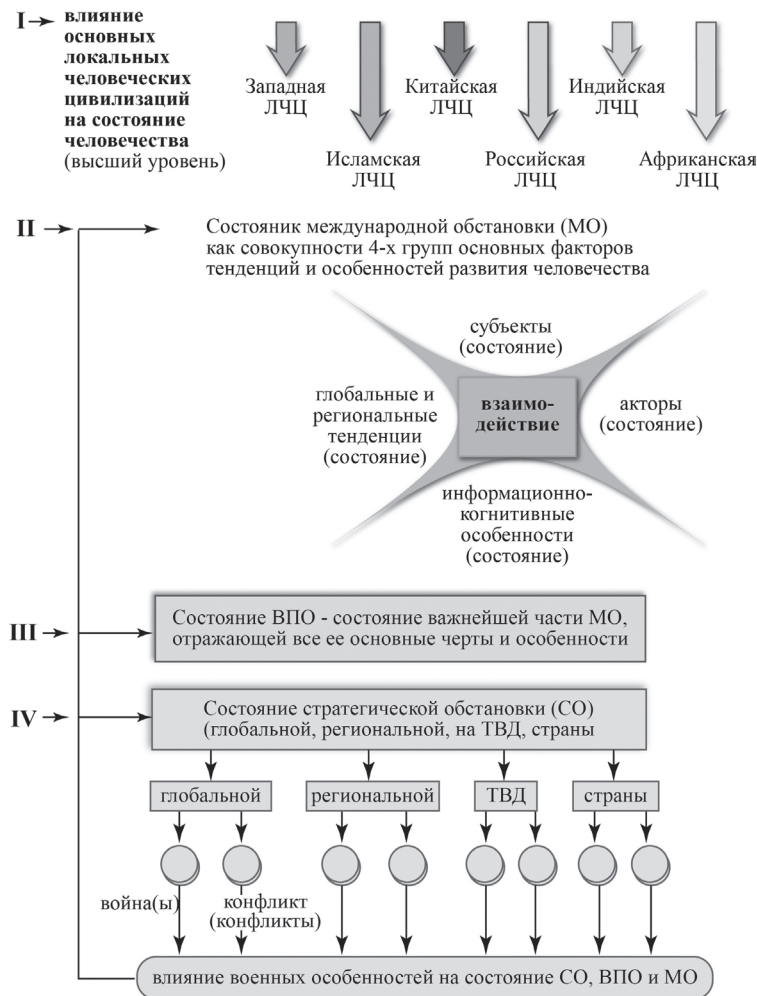

Рис. 8.

Так, некоторые политики и ученые считают, что ядерная война перестала быть средством политики и превратилась либо в случайность, не санкционированные действия, либо в незапланированную эскала-

цию. Таким образом, как минимум, ядерное оружие перестает быть военно-силовым инструментом политики, превращаясь в некий опасный «актив», который невозможно планировать использовать в качестве политического инструмента.

В самом простом виде эта формула взаимосвязи политики и войны превращается из логической последовательности в два относительно самостоятельных, детерминированных внутренними факторами, процесса. Отчасти это объясняется стремительным расширением спектра силовых инструментов политики, в том числе невоенных, а отчасти расширением факторов, влияющих на формирование международной и военно-политической обстановки. Это видно на примере сравнения двух моделей соотношения «политика-война», которые условно можно отнести к моделям XIX и XXI века.

Подобная логика объясняется логикой соотношения политики (в самом широком смысле этого слова) и войны, сложившихся в истории человеческой цивилизации с самых первых веков ее существования. Суть такой логики заключается в том, что война (вооруженное насилие) является одним из средств, причем далеко не всегда самых эффективных, политики, экономики и других базовых систем ценностей и интересов. Уже в древней истории Китая, Древнего Рима и Греции значение войны не абсолютизировалось, как не абсолютизировались ее цели и средства. Так, карфагенский полководец Ганнибал, напав на Рим, более 10 лет воевал на Апеннинах, пытаясь, прежде всего, развалить латинский союз, созданный Римом, а не просто нанести ему военное поражение. Поэтому собственно военная сила (как средство политики, оружие, вооруженные силы и способы их использования) носила всегда характер одного из политических инструментов. Это традиционное соотношение иллюстрируется простым рисунком 9.

Есть все основания, однако, считать, что в XXI веке произошло некоторое изменение в существующем алгоритме использования военной силы, которая постепенно превратилась в своего рода гарант а применения силовых, но не военных инструментов политики — экономических, финансовых, информационных, гуманитарных и пр.

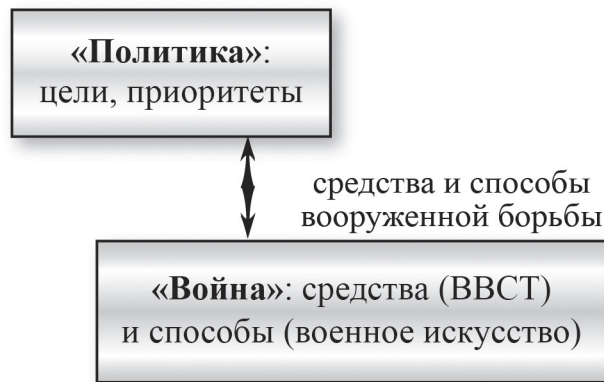

Рис. 9. Соотношение традиционных понятий «война» и «политика»

Во-первых, силовые средства политики сегодня делятся на военные и не военные, ассортимент, эффективность и качество которых стремительно увеличивается.

Во-вторых, можно говорить о появлении не силовых средств политики, спектр которых еще более широк — от привлекательности культуры и идеологии до возможности убедительного влияния на субъект ВПО. (Рис. 10)

Причём, как оказывается, в этом классическом споре остаётся множество нерешенных вопросов, например, насколько политические цели войны предопределяются объективными военными, экономическими и иными интересами, а не субъективными и воображаемыми соображениями, или насколько собственно военное искусство, прежде всего, военная стратегия, может влиять на политику. Или, как писал Б.М. Шапошников, насколько военная стратегия «может видоизменять политические цели»⁸².

При этом оказывается, что многие, вроде бы известные, классические определения К. Клаузевица и других военных теоретиков прежде, выпадали из эпицентра внимания, либо некоторые их акценты вообще оставались незамеченными. Более того, эти не замеченные мысли иногда оказываются в настоящее время более точными и современными, чем существующие и устоявшиеся представления. Получается, что классика времён начала XIX века оказывается подлинной

Рис. 10. Соотношение понятий «война» и «политика» в XXI веке

классикой — даже более современной, чем вроде бы устоявшиеся представления. Так, самое известное определение войны К. Клаузевица, которое до сих пор нередко истолковывают по-разному, сформулировано следующим образом: «Война — это акт насилия, имеющий право заставить противника выполнить вашу волю»⁸³. При этом хотелось бы сразу заметить, что автор не говорит специально о **«вооруженном насилии»** (что сплошь и рядом используется в современной литературе); он также не говорит о целях войны — поражении, оккупации или других. Он определённо говорит о «навязываемой насиле-ем (политической) воле» (Рис. 11).

В современный период эта формула означает:

- широкое использование силовых, но невоенных средств принуждения;
- ограниченное использование национальных ресурсов;
- промежуточные цели войны;
- главный объект — правящая элита.

Не говорит К. Клаузевиц и о «полной мобилизации и напряжении всех сил, средств и ресурсов», на чём настаивает, например,

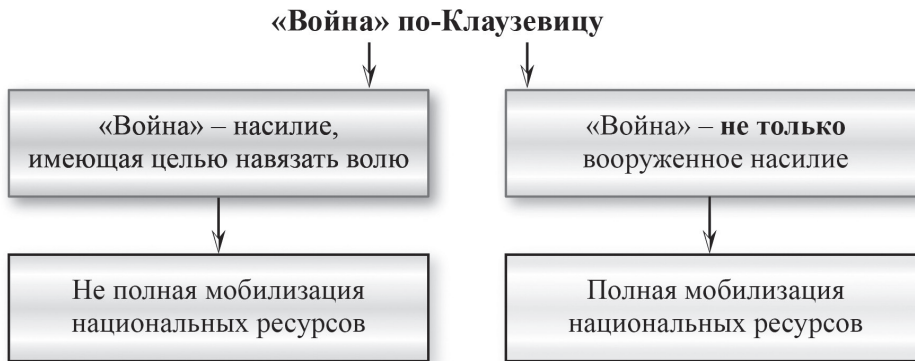

Рис. 11. «Война» по Клаузевицу

генерал-фельдмаршал В. Кейтель («В абсолютной форме война — это насильственное разрешение спора ... всеми имеющимися средствами»)⁸⁴. Сказанное имеет очень актуальное значение сегодня, когда война (как «основной тип вооружённого противоборства») ведётся именно для навязывания своей воли, но далеко не всегда требует достижения полной военной победы или обязательного «напряжения всех сил и ресурсов». США, например, вели войны в Афганистане, Ираке, Ливии, Сирии именно не ради военной победы (как почему-то считают и сегодня некоторые в России), а именно для навязывания своей воли, прежде всего, правящей элите страны, посредством создания в этой стране хаоса (желательно «управляемого»). Не «напрягали они и все силы, и ресурсы» — эти войны были достаточно «бюджетны». Т. е. не требовали радикального пересмотра государственного бюджета, обходясь, как правило, перераспределением средств внутри военного бюджета страны (хотя, как во время второй иракской войны, общие расходы существенно увеличивались по статье «зарубежные операции»).

И первое, и второе, и третье замечания крайне актуальны сегодня, когда идут не только теоретические дискуссии о сущности и характере войны, но и готовятся соответствующие военно-политические решения и вносятся коррективы в военную стратегию⁸⁵, военную политику⁸⁶ и военное планирование⁸⁷, а также переоцениваются (как и в России в настоящее время) параметры военно-экономической мощи

государства⁸⁸, в которых, однако, иногда игнорируются эти замечания. Так, например, война, «как оказывается», может вестись не только с помощью оружия, но и невоенными средствами (что мы видим сегодня на примере информационно-когнитивных средств противоборства), а целями войны может быть что угодно, исходя из наличия соответствующей воли противника и возможностей её реализации⁸⁹. Более того, эксперты РЭНД-корпорации, например, вообще исходят из того, что в современных условиях возможны и эффективны только невоенные средства противоборства⁹⁰. В частности, они считают, что эффективным может стать международная изоляция, резкое снижение уровня её присутствия в мире. Ослабить Россию предлагается с помощью организации оттока квалифицированных кадров, разжигания разногласий в обществе, подрыва авторитета РФ в мире. Специалисты уверены, что изоляция Москвы с помощью исключения ее из международных форумов и спортивных мероприятий также является хорошим способом ослабления РФ.

Не забыли аналитики РЭНД и о военном секторе. Большие преимущества они рассчитывают получить при увеличении численности сухопутных войск стран НАТО, а также при разработке бомбардировщиков и ракет большого радиуса действия...⁹¹.

Между тем в Военной доктрине Российской Федерации⁹² все формы вооруженного противоборства⁹³ — **военный конфликт**⁹⁴, **вооруженный конфликт**, **локальная война**, **региональная война**, **крупномасштабная война** — предполагают использование именно военной силы, а не формулу К. Клаузевица «расширенное противоборство» и не фактически используемые сегодня невоенные силовые средства противоборства.

Приведённые примеры показывают, на мой взгляд, что теоретические вопросы, связанные с политикой и войной в настоящее время, далеко не все решены окончательно: процесс пересмотра многих важнейших положений активно начался как в мире, так и в России в последнее десятилетие, о чём свидетельствуют, в том числе, и выступления Президента России В.В. Путина, министра обороны России С.К. Шойгу и НГШ ВС РФ В.М. Герасимова, в которых периодически происходит переоценка важнейших положений военной доктрины

страны или военно-политической ситуации в мире. Так, НГШ ВС РФ В.М. Герасимов, как минимум дважды ежегодно с 2014 года выступает на научных конференциях (в Академии военных наук и на Международной конференции по безопасности), где он, как правило, даёт качественно новые характеристики как ВПО, так и роли военной силы в обеспечении безопасности.

К сожалению, в области развития теории международных отношений и военной теории в России наблюдается существенное отставание, вызванное двумя основными причинами — ориентацией на разработки западных политологов и военных теоретиков, с одной стороны, и запущенностью таких исследований в СССР и России в последние десятилетия. Так, С. Хоффман ещё более 30 лет назад охарактеризовал ТМО как «всепроникающую американскую философию, навязываемую всему миру»⁹⁵, (что признаётся и российскими исследователями-политологами)⁹⁶, а бывший министр обороны РФ С.Б. Иванов в 2004 году отметил «как общую ведомственную замкнутость, так и наличие жестких внутренних границ»⁹⁷ (Рис. 12).

Нерешенность теоретических военно-политических и военно-стратегических вопросов неизбежно ведет к нерешенности конкретных проблем, стоящих перед военной политикой и военным строительством страны.

Наибольшее беспокойство не только у наших оппонентов и партнёров, (что естественно), вызывают положения Военной доктрины РФ об использовании ядерного оружия, особенно в ответ на нападение с применением нестратегического ЯО и стратегического неядерного ВТО⁹⁸, но и у граждан России. Прежде всего потому, что такое применение ЯО «сводит к нулю» все материальные и военно-технические преимущества западной военно-политической коалиции⁹⁹, делает войну не реальным инструментом политики, с одной стороны, но не отвечает на вопрос о том, зачем тратятся в этом случае огромные ресурсы на ВС и ВВСТ.

Очень важная дискуссия идёт в России о приоритетах военного строительства, в частности, какой вид и род ВС должен получить предпочтение в будущем и, естественно, дополнительные объёмы финансирования. Так, в мае 2019 года на традиционном совещании

Рис. 12. Развитие теории международных отношений (ТМО) в СССР и в России и военной теории

с руководством МО и ОПК России В.В. Путин обозначил важнейшим приоритетом развитие ВКС (о чём подробнее будет сказано ниже).

Острая дискуссия идёт уже несколько лет о перспективах развития ВМФ России, структуре Сухопутных сил (бригада-дивизия), модернизации бронетанковой техники и т. д. Вопросов, которые накопились в военной теории множество, но важнейший из них — увязка качества и темпов социально-экономического и технологического развития России с обеспечением безопасности страны. Этой проблеме (точнее — серии проблем) была посвящена специальная работа¹⁰⁰.

Кроме того, сохранилась и накапливается понятийная и терминологическая путаница, не облегчающая, естественно, задачи исследования военно-политической проблематики. Поэтому, как я полагаю, тех комментариев, которые даются в ФЗ и Указах Президента РФ о понятийном аппарате и характере военной политики недостаточно. Их надо воспринимать достаточно критически и с осторожностью потому, что они ориентированы, прежде всего, на эти нормативные документы и другие законодательные акты, а не точную характеристику ВПО.

Наконец, надо понимать, что терминология, используемая, например, в США, нередко заведомо вводит в заблуждение, когда реальная война не называется «войной», а для неё используются другие термины — «миссия», «защита национальных интересов регионе», даже «предотвращение неправильных действий». Именно такие термины США, например, использовали во Вьетнаме, а позже в Ираке, Афганистане, Сирии и Иране. Поэтому подобная сознательная путаница рассматривается только как дезинформация, провокационные приёмы информационно-когнитивной войны. Они не имеют ничего общего с реальной военной теорией и военным искусством и в этом смысле мало полезны для изучающих военно-политическую проблематику.

Но главное беспокойство вызывает эволюция собственно военной стратегии отдельных государств, прежде всего, США и НАТО, которые направлены на использование военной силы в целях сохранения военно-политического и финансово-экономического контроля США в мире даже в условиях изменения соотношения сил не в их пользу¹⁰¹. Примечательно, что отношение к этому вопросу формируется у правящей элиты России не на основе «знаний», а на основе «веры». Причем это в полной мере относится как к профессионалам, так и не профессионалам.

В России, надо признать сложилось две группы политиков и экспертов, которые в зависимости от своих субъективных ощущений («веры») относятся как к США, так и их готовности использовать военную силу. При этом внутри таких групп происходит деление по основным признакам применения оружия.

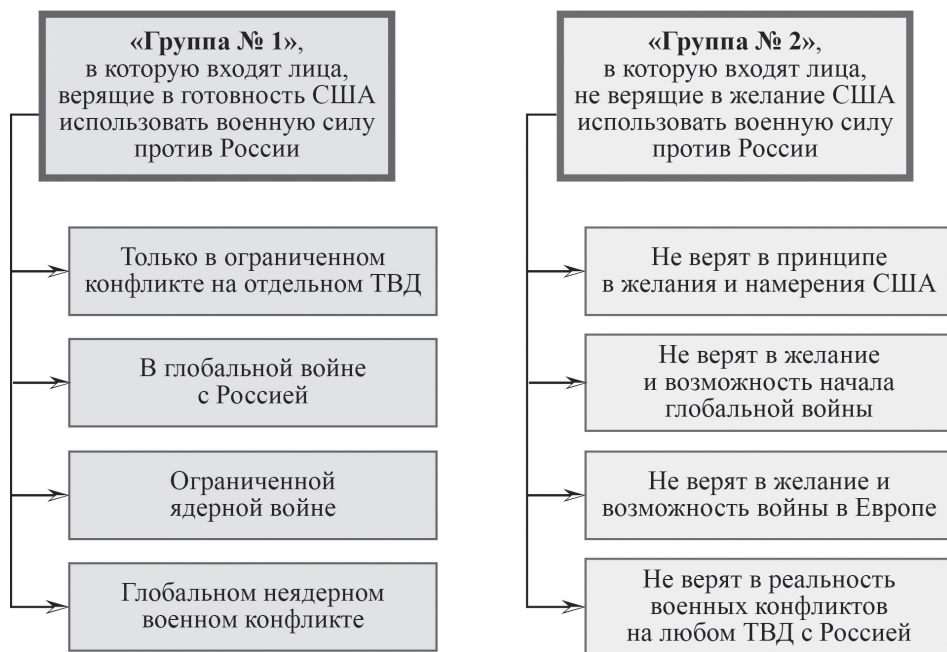

Рис. 13. Две группы политиков и экспертов России в зависимости от их отношений к использованию США военной силы

Надо признать, что в российской элите (в её разных слоях) есть представители, как первой, так и второй группы не зависимо от того, кто профессионально занимается этими вопросами. Тем не менее, условно, можно разделить их в следующих пропорциях:

Администрация и Правительство:	40–60%.
Федеральное Собрание РФ:	60–40%.
МИД РФ:	50–50%.
МО и другие силовые ведомства:	60–40%.
Академическое сообщество и пресса:	30–70%.
Бизнес:	20–80%.

Во многом именно разница внутри правящей элиты России объясняет высокую степень неопределенности, которую ощущает Запад в отношении наших намерений. Так, если до прихода к власти М. Горбачева в агрессивности США были уверены 90–95% российской элиты, то при М. Горбачеве — уже только 5–10%, а при В. Путине 50/50%.

Естественно, что подобные оценки не отражают реального соотношения сил. Они только иллюстрируют сами тенденции внутри пражской российской элиты.

На Западе в этой связи пытаются не только «высказать беспокойство» по поводу военной доктрины и стратегии России, которой придаётся сознательно и целенаправленно — искусственно агрессивный характер, но и принимаются собственные меры по публичной активизации военной деятельности. Формируется политико-психологическая среда не просто враждебности по отношению к России, но и идеологической подготовки для ведения военных действий. Новая военная стратегия НАТО, например, была принята на заседании Военного комитета альянса на уровне начальников генштабов 22 мая 2019 года в Брюсселе. Подписание стратегии стало, как заявили в Брюсселе, важным шагом в «адаптации альянса к все более сложным вызовам безопасности». Генеральный секретарь организации Йенс Столтенберг в интервью газете *Welt am Sonntag*, например, заявил, что эксперты НАТО приняли новую военную стратегию альянса в связи с новыми вызовами, среди которых якобы фигурирует «российская ядерная угроза». По его словам, речь в документе идет о том, чтобы «и в будущем быть полностью готовыми к обороне и иметь возможность обеспечивать стабильность»¹⁰². «Быть полностью готовым» означает, что должна быть проведена моральная и идеологическая подготовка к войне.

Напомню в этой связи, что военная стратегия НАТО — это закрытый документ о практических приоритетных военных планах и приготовлениях альянса, а также о направлениях развития его военных возможностей. Открытым и более широким документом является Стратегическая концепция НАТО, последняя редакция которой была принята 12 июля 2018 года на саммите НАТО в Брюсселе. Этот документ определяет военно-политические приоритеты альянса.

Таким образом, в XXI веке со стороны Запада мы наблюдаем процесс достаточно быстрой эскалации, а также развитию ВВСТ и способов их использования, которые не всегда успевают отражаться в российской ТМО и военной теории, что вносит некую сумятицу и неопределённость в научных представлениях политиков и учёных¹⁰³,

оставляя большое пространство для «веры», субъектных ощущений. Очевидно, что это не только теоретические и терминологические споры, но и расхождения в самых базовых представлениях о военных доктринах и военных стратегиях друг друга в условиях, когда обсуждение подобных разногласий и разночтений между представителями разных военно-политических сил прекращено¹⁰⁴.

Уровень консультаций и обмена информацией, достигнутый в прежние годы, в настоящее время представляется недостижимым, но — надо откровенно признать — этот уровень и внутри противостоящих лагерей правящих элит с точки зрения теории существенно снизился и требует новых усилий. Подобное состояние умонастроений внутри правящих элит России крайне опасно. Оно ведет к оценке ВПО либо с точки зрения заведомой недооценки внешней угрозы, либо с точки зрения поиска наиболее эффективных средств и способов ее нейтрализации. В конечном счете, именно верхушка правящей элиты принимает те решения, от которых зависит будущее России.

1.а). Формирование военно-политической обстановки

Каким бы ни было противоборство — жестким, мягким, хитрым, прямолинейным и т. д., его суть остаётся неизменной — силе и навыкам противника вы противопоставляете свою силу и навыки
Кадочников, создатель русской школы рукопашного боя

Формирование военно-политической обстановки, как увидим ниже, зависит от многих факторов, но изначально принципиально важно отметить, что далеко не все из них являются собственно военными, а тем более только военными факторами формирования ВПО. Выделение невоенных факторов силового противоборства из всего спектра силовых инструментов политики имеет очень важное значение

для формирования эффективной стратегии, основанной на силе (но не только военной силе). Поэтому, например, изначально важно отметить, что ВПО — результат не только (и даже не столько) военного противоборства, сколько развития основных особенностей международной обстановки¹⁰⁵, что означает также признание важного значения таких средств силовой политики, как политико-дипломатические, информационно-когнитивные, экономические и иные¹⁰⁶.

Сказанное о военной силе и взаимосвязи между её формами можно проиллюстрировать, например, концептуальным выступлением С.В.Лаврова на Примаковских чтениях 11 июня 2019 года в Москве, где он описал взаимосвязь силовых (военных и невоенных) факторов на примере политики США. В частности, говоря собственно о военной силе, глава МИД РФ напомнил, что в ходе контактов с Вашингтоном, как на уровне лидеров, так и министров, и помощников президентов, Москва передавала предложения «по всему спектру вопросов стратегической стабильности», но ответа пока не получила. «Весь спектр вопросов стратегической стабильности» — это определение включает в себя в настоящее время не только стратегические наступательные (ядерные и не ядерные вооружения), средства ПРО, космические средства нападения, но и широкий спектр ВТО, способных изменить стратегическую обстановку, а в последствии и ВПО.

Упрощение понятия «стратегической стабильности» до уровня отношений в ядерной области — обычная ошибка многих политиков и военных (особенно представителей РВСН) в России, которые почему-то считают ядерную войну невозможной, хотя очень многие полагают наоборот. Надо признать, что ЯО, как средство «сдерживания» и укрепления стратегической стабильности категорически критиковалось ещё Б.Л. Гартон, который писал: «Водородная бомба скорее является препятствием, чем помощью при проведении политики «сдерживания». Она уменьшает опасность всеобщей войны, но в то же время увеличивает возможность возникновения «ограниченной» войны в процессе не прямой и широко распространенной местной агрессии»¹⁰⁷.

Кроме того, говоря о невоенных силовых инструментах политики, министр подчеркнул, что Россия призывает США отказаться от воен-

но-политических и экономических методов давления на своих оппонентов. Т. е. от силовых (но невоенных средств политики «силового принуждения»). В частности, он указал, что США используют методы нечестной конкуренции, вводят экономические санкции и ведут торговые войны. Он подчеркнул, что необходимо «отказаться от архаических методов военно-политического, торгово-экономического, информационного сдерживания»¹⁰⁸.

В выступлении министра отражено и влияние МО на развитие средств и способов силовой политики, в частности, на политике США «переформатирования» системы международной безопасности, стремлении изменить структуру МО в своих интересах: «Соединенные Штаты продолжают наносить мощные удары по архитектуре международной безопасности, которая была сформирована по итогам Второй мировой войны. По его словам, главной помехой на пути к коллективному объединению усилий остается «упорное нежелание небольшой группы западных стран во главе с Соединенными Штатами признать современные международные реалии».

Иными словами, С.В. Лавров описал состояние ВПО и политику «силового принуждения» США, представляющую собой систему силовых средств и способов влияния, а конечную цель США — изменение структуры МО и системы международной безопасности.

Вместе с тем, он признал, что до настоящего времени противодействие этой политике со стороны других стран не эффективно: политика США и их союзников приобрела инерционный и долгосрочный характер, ориентированный на эскалацию использования инструментов насилия — как военных, так и невоенных. В этой связи становится принципиально важно выяснить насколько политика противодействия политике «силового принуждения»¹⁰⁹ США, может быть эффективной и в каких областях.

В этой связи необходимо затронуть в очередной раз некоторые вопросы военной теории, которые могут помочь ответить на поставленные вопросы. В целях первого этапа такого анализа («этапа упрощения»), за которым последует этап «уточнения», представляется важным разделить и попытаться сформулировать по-новому такие понятия, как:

- **война**¹¹⁰ — прямое военно-силовое противоборство субъектов и некоторых акторов ВПО. Это определение отличается от общепризнанного, где война — военный конфликт между политическими образованиями — государствами, племенами, политическими группировками и так далее, — происходящий на почве различных претензий, в форме вооружённого противоборства, военных (боевых) действий.

Во-первых, в новой МО и ВПО война может и не быть вооружённым конфликтом в классическом понимании (например, в качестве стороны военного конфликта могут участвовать не известные акторы или силы), а, во-вторых, не всегда современная война происходит в форме вооружённого противоборства: существует немало силовых и очень опасных сил и средств поражения противника, которые не относятся к средствам вооруженной борьбы.

- **силовое противоборство**¹¹¹ — частный случай войны, когда используются ограниченные по масштабу и объёму силы и средства преимущественно невоенного характера; в отличие от войны, силовое противоборство ориентировано на широкое использование невоенных средств, как правило, в длительном конфликте. Собственно, военная сила предназначена для того, чтобы повысить эффективность невоенных средств и методов.
- **вооружённое противоборство**¹¹² — частный случай силового противоборства, которое ведётся преимущественно военными средствами и заканчивается с завершением военных действий; Таким образом, война, как форма враждебных отношений между субъектами и акторами ВПО, может носить как характер вооруженного, так и не вооруженного («силового») противоборства в зависимости от разных обстоятельств, а также быть синтезом обеих форм. В этом смысле наличие военных действий или их отсутствие НЕ ЯВЛЯЕТСЯ обязательной характеристикой войны. С 2014 года я настаиваю на оценке ВПО и политики западной военно-политической коалиции в отношении России как войны, которая уже несёт крупные жертвы и социально-экономические потери¹¹³.
- **управление**¹¹⁴ (государственное и военное) — политика, использующая как силовые, так и не силовые средства, и методы, основан-

ные на огромных и быстро увеличивающихся информационных ресурсах. Возможности усиления реального влияния управления на политику стремительно увеличиваются по мере развития ИКТ. Так, объём рынка в России уже превысил 12 трлн. руб. (более 16% ВВП), что в сумме больше таких отраслей, как сельское хозяйство и строительство¹¹⁵.

Таким образом, в новых условиях формирования МО и ВПО решающее значение приобретает изменение в существе понятий, характеризующих силовые возможности субъектов и акторов, формирующих ВПО.

В самом общем виде эта иерархия изображена на рис. 14.

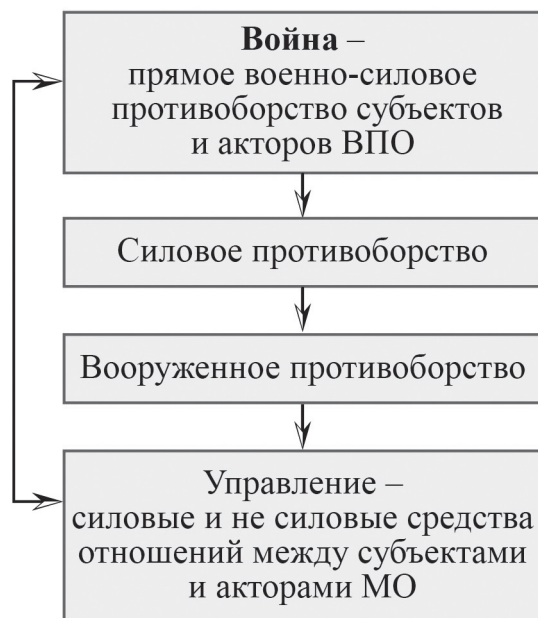

Рис. 14. Иерархия силовых взаимоотношений субъектов и акторов МО

Таким образом, в работе приводится разница между понятиями «война» и «управление», которые являются более общими и, по сути, родственными понятиями, отличающимися, в конечном счёте, приоритетами в использовании вооружённого насилия в общей

системе силовой политики, и более частными понятиями — «силовое противоборство» и «вооруженное противоборство», которые, в свою очередь делятся на свои частные случаи. Подобное разделение, на мой взгляд, позволяет добиться двух важнейших результатов: необходимость разрабатывать наиболее эффективную стратегию управления безопасностью и развития (или, в её худшем варианте, стратегию войны») и максимально серьёзно работать над военной стратегией, не прибегая к «таблетке от страха».

1.6). Война и силовое противоборство

Расчленение России лежит в основе польской политики на Востоке... Поэтому наша возможная позиция будет сводиться к следующей формуле: кто бы не принимал участие в разделе, Польша не должна оставаться пассивной в этот замечательный исторический момент. Задача состоит в том, чтобы заблаговременно хорошо подготовиться физически и духовно... Главная цель — ослабление и разгром России¹¹⁶

Война — одно из самых сложных и переменчивых явлений, которое в наши дни претерпело коренное изменение сразу в нескольких ипостасях. Забегая вперед, сразу же скажу: убеждён, что современная война, это не вооруженная борьба или столкновение, а масштабное военно-силовое противоборство, в котором использование силы — принципиально, а её части — военной силы — только функционально, по мере необходимости. В этом смысле Россия в настоящее время находится в состоянии войны с западной коалицией, которая использует военную силу осторожно, опасаясь возрастающих рисков эскалации.

Иногда военно-политическое противоборство между государствами и, как следствие, развитие ВПО, рассматривается как простое (физическое) вооруженное противостояние, требующее равенства сил и периодически заканчивающееся военными конфликтами и войнами.

В реальной политике такой подход — явное упрощение, которое искажает реальность не только потому, что игнорирует классическую формулу К. Клаузевица о том, что «война — есть расширенное единоборство»¹¹⁷ (Более того, К. Клаузевиц даже приводит пример двух борцов, использующих разные приёмы), но и не соответствует действительности. Ни в истории человечества — потому, что сплошь и рядом придумывали самые разные силовые средства в политике, а не только вооруженные, например, подкупы или убийства (в т.ч. отравления), — ни, тем более в новейшей истории, когда появились и изобретаются ежедневно сотни силовых (но невоенных) способов политики. Иными словами, война и военное противоборство это **не всегда и совсем не обязательно вооруженная борьба**¹¹⁸, **а сама вооруженная борьба — не единственный, а всего лишь один из видов силового противоборства.**

Другая сторона подобной же примитивизации военно-силового противоборства фактическое отрицание войны и вооружённой борьбы на глобальном уровне между Россией и западной военно-политической коалиции. Логика простая: ядерное оружие делает бессмысленным любые стратегии его применения потому, что их последствия делают бессмысленными любые расчёты на политические и иные результаты. Парадоксально, но этой логики придерживаются и многие военные, прежде всего, принадлежащие к роду РВСН, не замечая, что подобные рассуждения делают бессмысленным само понятие «военная стратегия» и военное планирование. Эта логика, — справедливо считает Дмитрий Верхотуров, — своего рода мощная «таблетка от страха», несколько успокаивая нервы, тем не менее, имеет мощные негативные последствия.

- Во-первых, ставка на «ответку» создает вообще нежелание изучать вероятного противника, его боевые и военно-экономические возможности, и сравнивать их с собственными. Внутренняя логика верующих в ядерный удар примерно такова: что бы там вероятный противник ни создал, все равно ведь будет уничтожен, и потому незачем тратить силы на это занятие. Некоторое время назад определенное беспокойство вызывала американская программа ПРО и создание ее передовых морских рубежей

на основе системы Aegis, но потом поработало отрицание, которое «доказало», что все это, мол, неэффективно, ракеты не сбьют и так далее.

- Во-вторых, это отношение блокирует столь немаловажное занятие, как поиск слабых мест собственной армии и флота. Посмотреть на себя глазами противника, найти слабые места и недостатки, которыми он может воспользоваться, и потом усилить их какими-либо способами, — это важный вклад в обороноспособность. Внутренняя логика верующих в «ответку» отмечает и это: зачем этим заниматься, когда в случае чего ядерно ударим? Это, кстати, было хорошо видно на примере обсуждения боевых возможностей Балтийского флота. И тем более отбрасывается и отрицается необходимость выработки новых вариантов военной стратегии, стратегических и оперативно-тактических решений, разработки нового комплекса вооружений и техники, который будет применяться в войне, а не на парадах и выставках. А зачем? Есть же «ответка»!
- В-третьих, в военном планировании все же нужно постоянно чувствовать уровень угрозы и динамику ее изменения, постоянно отслеживая, насколько противник близок к переходу к боевым действиям. Но если пребывать под воздействием мощной «таблетки от страха», то можно пропустить момент, когда нужно было действовать в ответ на возросшую степень угрозы. Это дает противнику немаловажные преимущества и возможность лучше изготавиться к удару. У нас же уже был период, когда считалось, что враг будет разгромлен на вражеской земле малой кровью. Хорошо известно, чем все это закончилось, и какой колоссальный ущерб принесло это самоуспокоение. Это психологические стороны веры в «ответку».

Современное силовое противоборство вполне обоснованно предоставляет выбор правящим кругам, который, как правило, является результатом осмысления в критериях «эффективности»: либо прямое вооруженное противостояние, сопряженное неизбежно с высокими экономическим издержками и рисками, либо поиск управленческих, как правило, более эффективных решений, исключающих, например,

в ряде случаев даже ответ на агрессию таким же силовым образом (более того, сознательно провоцирующим вооруженную агрессию).

Таким образом, в современной политической реальности эта формула «расширенного противоборства» приобретает огромное практическое значение потому, что эффективность государственного (в т.ч. военного) управления непосредственно зависит от того, какую форму и средства ответного действия или противодействия (или даже бездействия, или действия на опережение) выбирает его правящая элита — ассиметричных ответов, либо традиционного (механистического) поведения в силовом противоборстве, когда на одну силу отвечают такой же силой, на один вызов — другим, либо игнорирование вообще какого-то действия и т.д.¹¹⁹

В одном случае результат, как правило, зависит от простого соотношения сил, включая духовные и волевые¹²⁰, а также отчасти от уровня военного искусства противников. В другом — результат (ответные действия) является продуктом более тщательного анализа и управленческого решения, предполагающего многовариантность ответных действий, включающих, например, разработку новых средств воздействия (как, например, МИГ-35¹²¹ в дополнение к СУ-35¹²² в ответ на создание Ф-35), или возможность даже «поощрения», провоцирования, агрессии (если она оказывается почему-либо выгодной).

Можно сказать, что в стратегии противоборства субъектов ВПО в последние десятилетия произошли радикальные изменения, вызванные не только быстрым расширением всего спектра средств силового давления, но и изобретением многочисленных новых способов их применения. Поэтому в XXI веке государства всё чаще выбирают не прямое («механистическое», вооруженное) силовое противоборство, а политическое **влияние**, которое превращается в **управление противником**, когда рассматривается очень широкий набор силовых средств и мер, среди которых тщательно отбираются наименее затратные и рискованные, и наиболее эффективные¹²³. В этом случае побеждает уже не грубая сила, а знания, опыт и технологии — политические и военные — противоборства, в **форме эффективного управления противником**.

Вооруженная борьба в любой из своих форм становится всего лишь одним из многих системных политических средств, используемых во внешней политике управления (принуждения), которое получило название «силовое принуждение» («the power to coerce»)¹²⁴. Так, если говорить собственно о выборе наиболее эффективных форм вооруженной борьбы, то можно привести следующий пример, о котором перед своей казнью рассказал один из наиболее талантливых и влиятельных генштабистов гитлеровской Германии В. Кейтель: «Независимо от спасения армии Паулюса или от её потери, для предотвращения надвигающегося проигрыша всего Восточного похода имелся лишь один выход — стратегическое отступление на самую кратчайшую линию фронта — т. е. от Чёрного моря до Карпат и Чудского озера»¹²⁵. Другими словами, это означало, что ещё **до окружения 6-ой армии** Германия должна была взять на себя инициативу и обеспечить отход на тысячи километров (!) с тем, чтобы избежать стратегического поражения. Инициатива в данном случае означала бы с точки зрения политики важнейшее (стратегическое) **управленческое** решение, которое формально означало бы способ уйти от вооруженного противоборства, как минимум, на какое-то время, отдав противнику занятые уже территории и огромные ресурсы.

На выбор стратегии действий — управленческой или симметрично-силовой — влияют особенности формирования современной ВПО, которые зависят уже не только от политики главных субъектов (сильнейших государств), но и других факторов. Более того, важно помнить, что сам процесс формирования современной ВПО происходит **параллельно** с развитием **всех** его субъектов, тенденций и факторов, иногда развивающихся с разной скоростью и даже разнонаправлено¹²⁶. Эта картина развития мировых процессов предоставляет управленческим решениям широчайший выбор ответных действий от набора средств и способов применения «мягкой силы» до набора использования прямого физического насилия. Так, если противостояние США и КНДР в 2019 году нарастало, то в то же время (и по другим причинам) нарастало и противостояние США и Ирана, рост противоречий между ЕС и США. В данном случае «смыкание» последних двух процессов

для Ирана имело большое значение, ибо позволило ему апеллировать не только к Китаю и России, но и странам Западной Европы.

Причем зависимости эти взаимные и могут быть выражены следующим образом: военно-политическое и экономическое усиление того или иного субъекта ВПО не всегда пропорционально усиливает **его влияние** в мире, которое во многом зависит от политической стратегии страны в данное время и в данном месте (хотя, как правило, эти процессы развиваются параллельно и прямо пропорционально). Это очень хорошо видно на примере Китая и Индии, чья демографическое, экономическое и технологическое усиление в последние годы привело к резкой активизации внешней и военной политики (КНР и Индия за последние годы в несколько раз увеличили закупки и производство ВВСТ, а также военные расходы, которые стали крупнейшими после США в мире — 215 и 65 млрд. долл. соответственно), однако прямо пропорционально не отразилось на способности этих стран влиять на формирование ВПО в мире¹²⁷. И Китай, и Индия очень осторожно проецируют свою возросшую мощь во влияние в регионах, которые не прилегают непосредственно к их границам.

Таким образом, мировой опыт показывает, что существует множество силовых, но невоенных средств (политико-дипломатических, информационных и пр.) силового принуждения, которые объединены под общим понятием «управления», где собственно военное управление является не главным и не самым эффективным средством силовой политики¹²⁸.

И, наоборот, использование военных средств в целях вооружённой борьбы, как правило, ведёт к резкому сокращению национальных ресурсов, а иногда и полной катастрофе, а, в конечном счёте, и влияния на формирование МО и ВПО. В ходе зимней кампании в России в 1941–1942 годах, например, Германия теряла ежемесячно по 100–150 тысяч солдат. Как писал В. Кейтель, «борьба за людей тогда только началась и уже никогда не прекращалась..., а все меры не могли восполнить потери, так что дивизии пришлось сократить с 9 батальонов до 7, одновременно пополнив их за счёт нестроевых частей»¹²⁹. В результате этой войны Германия на несколько десятилетий была фактически выброшена из числа ведущих государств, определяющих МО и ВПО,

не восстановив до конца свои возможности и суверенитет до сегодняшнего дня. Этот пример достаточно показателен и иллюстрирует, что не военными средствами Германия до сентября 1939 года сумела добиться значительно больше, чем военными в 1939–1945 годах.

Очень похожая ситуация в современной ВПО сегодня формируется под влиянием силовой политики США, которые открыто демонстрируют готовность компенсировать относительное падение своего экономического и политического влияния в мире с помощью военной силы, игнорируя откровенно даже нормы собственного законодательства (не говоря уже о международных нормах). В настоящее время США используют вооруженные силы как минимум в семи конфликтах: в Афганистане, Ираке, Сирии, Йемене, Сомали, Ливии и Нигере. Конституционность или попросту законность действий военного ведомства США не выдерживает никакой критики. Ещё в начале XIX века Конгресс принял закон, позволяющий вести военные действия на основе так называемых «Разрешений на использование вооруженных сил». Они не требуют декларации войны и не ограничивают американское правительство в ведении войн только против враждебных стран, начавших их первыми.

После окончания Второй мировой войны все последующие вооруженные конфликты США осуществлялись на основе нигде не упомянутых в Конституции и вряд ли вообще ей соответствующих «разрешений». Корея, Вьетнам, затем Ирак, Югославия, Афганистан и снова Ирак, не считая бесчисленных мелких конфликтов, — в каждом из этих случаев Конгресс по просьбе президента подписывал мало что значащую бумагу, которая при этом давала исполнительной власти почти безграничные полномочия для ведения военных действий.

Но и такая максимально комфортная ситуация со временем стала тяготить президентов США и их военных советников. В период длительной вьетнамской войны Белый дом просто-напросто не спрашивал мнение Конгресса, наращивая военные действия без одобрения со стороны законодателей. В итоге это вынудило конгрессменов в 1973 году принять Резолюцию о разделении военных полномочий. Согласно новому законопроекту, американский президент имеет право в единоличном порядке вести военные действия в течение лишь 48

часов. Конгресс может разрешить их продление на срок не более 60 дней. Либо законодатели должны принять отдельное «разрешение», в случае чего конфликт может продолжаться неопределенно долго. В ином случае вооруженное противостояние необходимо остановить. Примечательно, что даже такие символические ограничения для действий исполнительной власти на практике не работают. Так, противники войны в Йемене в Конгрессе США запретили участие США, но и этот прямой запрет исполнительная власть игнорирует.

Таким образом, применение военной силы США в качестве инструмента политики «силового принуждения» не ограничено ни политическими установками стратегии безопасности, ни правовыми нормами, более того, прямо ими стимулируется. Военно-политические соображения («война») занимают доминирующее положение в отношении «политики». Невоенные средства оказываются предпочтительнее военных в двух случаях: во-первых, когда критерий «стоимость-эффективность» оказывается в их пользу, а, во-вторых, когда риски применения военной силы перевешивают соображения национальной безопасности. Но даже в обоих случаях военная сила рассматривается в США в качестве обязательной части силовой политики.

1.в). Экономические средства «силового противоборства»

Риски, издержки и неясные перспективы и последствия ведения современных войн — характерная черта использования военной силы, хотя объективно, как писал видный русский военный теоретик А.Е. Снесарев, «другого цемента для сколачивания государства нет, кроме человеческой крови»¹³⁰. Но этот «цемент» в нашем веке оказывается многократно дороже и многократно менее привлекательным, чем другие политические средства насилия: вторжение США в Ирак, например, обошлось только в первые годы США в 1200 млрд. долларов, а иракцам — более чем в 1 млн. жизней. Можно предположить, что за такую цену можно было бы добиться более значимых резуль-

татов в этом регионе. Поэтому в XXI веке в целом не только политики, но и военные теоретики пришли к пониманию, что эффективность внешней политики становится в возрастающей степени зависимой уже не только и даже не столько от военных факторов, но и других силовых инструментов, а также избранной стратегии (эффективности государственного управления)¹³¹.

Это по-новому ставит перед государственным управлением России задачи адекватного, «не линейного», не симметричного, реагирования на внешние вызовы, которое относится в большей степени не к прямому силовому противоборству, а эффективности управления¹³². Можно предположить, что когда Путин говорит периодически о «не симметричном» ответе на новые вызовы, он имеет ввиду именно такие ответы на уровне эффективного управления, а не прямого военного противодействия.

Особенно заметно это явление происходит на примере США, где происходит неизбежное усиление активности внешней и силовой политики в мире (что неизбежно ведёт к тому, что на ряде направлений военные опасности усиливаются), а рост **военного могущества**¹³³ западной военно-политической коалиции отстает от роста относительного военного могущества¹³⁴ других стран. Подобный «перекос» в пользу силовых (но не только и даже не столько военных средств) инструментов проявляется, в частности, в поиске расширения спектра средств силовой политики, вычленении самых приоритетных, которые рассматриваются с точки зрения эффективности влияния, например, экспертами РЭНД как наиболее важные. Так, давление Д. Трампа и угрозы повышения таможенных пошлин в 2019 году привели к фактической капитуляции сначала КНР, а затем и Мексики, развалу ТТП и ТАП, шантажу ВТС с Турцией из-за закупок С-400, угрозам компаниям, участвующим в строительстве «Северного потока-2».

Особенно показательной стала стратегия Д. Трампа по отношению к России, где экспертами наиболее перспективными предлагаются следующие направления невоенного противоборства¹³⁵:

- расширение производства углеводородов в самих США, что рассматривается как увеличение альтернативных ресурсов;

- развитие санкционной политики, что оценивается в качестве беспроигрышного инструмента силового давления при любом уровне российско-американских отношений;
- увеличение импорта Европы из альтернативных России стран, что создаёт альтернативу российским источникам энергии и сырья;
- увеличение оттока человеческого капитала, «импорта» из России образованных граждан, ухудшающего конкурентоспособность России и снижающие темпы технологического развития¹³⁶.

При этом, в США (впрочем, как и в России) понимают, что зависимость России от экспорта углеводородов сокращается в структуре всего экспорта, который быстро растёт (более 450 млрд. долл. в феврале 2019 года, — прирост за год на 35,6 %, — из которых товарная группа «нефть и нефтепродукты» составляет более 288 млрд. долл. — порядка 63%¹³⁷), как и сам объем экспорта из-за санкций, наложенных США и их союзниками, не сокращается, а, значит, и внешнее влияние на Россию объективно увеличивается. К 2019 году сырьевой экспорт стал составлять менее 70% всего экспорта российских товаров¹³⁸.

Иными словами, по мнению американских экспертов, применительно к России, наиболее эффективный способ (менее затратный и менее рискованный) противодействия США (наиболее эффективная стратегия управления) заключается в широком использовании невоенных средств противодействия «силовому принуждению»¹³⁹:

- во-первых, в изменении структуры **экспорта** и экономики в сторону наукоёмких и не энергетических отраслей;
- во-вторых, по сохранению **позиций в мире на энергетическом рынке**;
- в-третьих, **переориентация импорта** на другие страны;
- в-четвёртых, максимальное **стимулирование развитие человеческого потенциала**¹⁴⁰ и создание условий для прекращения его оттока, а в идеале — импорта качественного человеческого капитала из-за рубежа.

Политическая практика современной России показывает, что формально, публично-риторически, это обстоятельство правящей элитой не только понимается, но и регулярно озвучивается. Другое дело —

насколько эта стратегия эффективно реализуется. Как показывают те же исследования РЭНД, структура российского экспорта, переориентация на другие рынки, политика по сохранению человеческого капитала медленно, но меняется¹⁴¹. Этому во многом способствуют стратегические установки, сформулированные В.В. Путиным в 2018 году по опережающему развитию России и конкретные решения Правительства РФ с осени 2018 года по настоящее время¹⁴². «Технологический скачок», который Россия должна совершить до 2024 года, предполагает дальнейшее изменение структуры её экономики и структуры экспорта, что должно полностью освободить Россию от зависимости от закупок Западом.

Рис. 15. Доля нефти в структуре российского экспорта (по оценкам РЭНД)

Подобный новый подход в стратегии силового принуждения США требует дальнейших комментариев. В цепи рассуждений интересен анализ экспертов РЭНД, посвященный повышению эффективности влияния такой силовой политики США (приоритетных средств принуждения) на Россию. Так, например, расширение собственного (американского) производства энергоресурсов, например, рассматривает-

ся как средство сильного влияния на Россию, дающее значительные преимущества, а издержки (риски) такой политики — минимальны¹⁴³. Другими словами, наиболее эффективное силовое давление на Россию оказывают меры экономического характера внутри собственно США.

Но с полным основанием эту рекомендацию можно применить и в России: наиболее эффективна та внешняя политика, которая основывается на эффективных экономических решениях внутри страны. Так, наиболее эффективным таким решением может быть только «технологический скачок» в развитии нашей экономики, о котором я писал еще с конца 90-х годов.

Наоборот, по мнению американских экспертов, такие политические и военные мероприятия США как поддержка оппозиции в Сирии и Белоруссии, противодействие России на Кавказе и в Закавказье, и Средней Азии, давление с целью вывода войск из Приднестровья дают относительно низкую эффективность с точки зрения влияния на Россию и минимальные политические результаты (исключая последствия в Сирии и Белоруссии) при достаточно значимых рисках (высоких в случае с Белоруссией). Иными словами, военно-технические и специальные мероприятия против России по своей эффективности существенно хуже внутриэкономических.

Подобное расхождение в оценках эффективности тех или иных форм силовой политики не случайно. Такое политическое поведение, например, объясняет относительно медленную и осторожную эволюцию в развитии военных возможностей США и НАТО в Европе (относительно мощного информационного наступления), которая пока что не выходит за рамки прогнозируемой эскалации (военная помощь Украине, развитие инфраструктуры на востоке, усиление патрулирования авиации и судами Балтийского и Чёрного морей).

Соответствующая реакция России на военно-технические приготовления США и их союзников в Европе также строго дозирована, что хорошо иллюстрируется действиями НАТО и России в мае 2019 года, когда блок принял новую оборонительную стратегию, а Россия — соответствующие ответные меры. В частности, Генсек НАТО Йенс Столтенберг в мае 2019 года сообщил о принятии новой военной стратегии

альянса якобы из-за «ядерной угрозы» со стороны России, а министр обороны России С. Шойгу пообещал, что Москва будет принимать меры, в том числе асимметричные, в ответ на действия стран НАТО у российских границ (в реальности Генштаб РФ только анонсировал некоторое усиление войск Западного и Южного военных округов)¹⁴⁴. В действительности западная риторика намного опережает реальные поступки.

На этих примерах можно наглядно убедиться насколько общее состояние МО и ВПО, а также в данном случае политика западной военно-политической коалиции, непосредственно и реально влияет на Россию. Причём не только и не столько её внешнюю политику, сколько на внутреннюю и социально-экономическую политику России. Как видно из матрицы, приведённой в нижней таблице, наибольший внешнеполитический эффект ожидается от расширения производства внутри США.

Варианты не затратных мер	Влияние на развал России	Преимущества	Цена и риски
Расширение производства в США энергетики	High	High	Low
Расширение политики санкций	High	High	High
Увеличение возможностей Европы импортировать из других стран	Moderate	High	Moderate
Стимулирование эмиграцию из России	Low	Low	Low

Рис. 16. Влияние политики США на Россию

Как видно из анализа, наиболее эффективные меры влияния на Россию в этом списке первые две позиции: собственное увеличение производства энергоресурсов в США и политика санкций. Влияние Европы оценивается как «среднее». Особенно привлекают внимание те информационно-когнитивные меры, которые направлены на внутривнутриполитическую дестабилизацию России. Американские эксперты обращают внимание на то, что внешнеполитическое и информацион-

ное давление на Россию дает скромные или незначительные результаты при достаточно высоких степенях риска.

Таким образом, мы наблюдаем очевидный поиск в США и странах-союзниках наиболее эффективных (наименее затратных и рискованных, но имеющих влияние на Россию) силовых средств, среди которых в дальнейшем эксперты РЭНД-корпорации рассматривают набор наиболее эффективных силовых средств геополитического (политико-экономического и военно-политического) и информационно-когнитивного характера, которые в итоге по критерию «стоимость-эффективность» не превышают средних оценок, а влияние на Россию оценивается как «низкое». Таким образом, анализ показывает, по мнению экспертов, что военно-силовые средства по отношению к России достаточно рискованные, а их эффективность, как и результаты, минимальна.

Примечательно, что в этих условиях относительно перспективными из них представляются идеологические и информационные меры, имеющие своей целью ослабление и развал России, однако относящиеся, по мнению авторов, к высокорискованным операциям — «ущерб имиджу России за границей и дискредитация правительства (режима)» и имеющими относительно скромные результаты.

Общий итог — противоборство с Россией во всех силовых формах — прямой и косвенной — малоэффективно и не результативно за исключением собственно мер, стимулирующих опережающее экономическое и демографическое развитие США. В этом смысле логика политики Д. Трампа по стимулированию промышленного производства, НИОКР, более выгодным условиям международной торговли и пр. представляется абсолютно оправданной и понятной, а лозунг «Америка — первая» точно отражает характер этой политики¹⁴⁵.

Надо признать, что этот вывод был сделан достаточно давно, особенно в связи с теми реальными рисками, которые возникали в 1945–1990 годы в случае реальной полномасштабной войны. Почему-то до сих пор считается, что «ядерное сдерживание» исключало и исключает такую возможность. На самом деле нет. И именно этот реализм сдерживает от нападения. Ещё в 1950–1960 годы (и много позже) оперативные планы военных предусматривали возможность ведения во-

йны с помощью ядерного оружия, а политиков держали вдалеке от реальных средств управления. При этом, поскольку ядерные удары не могли добиться полного уничтожения противника, предполагалось его добивать: «Для окончательного разгрома уцелевших группировок противника предусматривалось проводить наступательные операции фронтов, воздушно-десантные операции, а на некоторых направлениях — операции флотов и прифронтовых соединений войск ПВО страны»¹⁴⁶.

Полный разгром противника должен был достигаться тактическими ядерными ударами, после которых следовали действия полностью механизированных и высокомобильных общевойсковых соединений или частей. Вероятность тактического ядерного удара противника заставляла отказываться от сосредоточения сил, проводить рассредоточение и по фронту, и в глубину. Действия рассредоточенных сил определялись нанесением тактических ядерных ударов, которые подавляли и частично уничтожали оборону противника, а общевойсковые соединения должны были немедленно направить свой удар на районы, уже пораженные ядерным ударом, быстро пройти зону ядерного взрыва и устремиться дальше в глубину построения противника.

Характеризуя ядерные удары, советское командование подчеркивало возможность маневра огнем, то есть быстрого сосредоточения ядерных ударов по важным целям, переноса и рассредоточения при необходимости. Использование терминологии, пришедшей из артиллерии, а также общий характер применения ядерного оружия в войне, явно говорит о том, что советское командование воспринимало ракетно-ядерное оружие как разновидность артиллерии, только особо мощной и особо дальнбойной. Ракетно-ядерное оружие всех типов позволяло провести очень быструю (Маршал Советского Союза В.Д. Соколовский писал о 30 минутах нанесения ядерного удара) и масштабную артподготовку стратегического наступления, от поражения передовых сил противника до разрушения военно-хозяйственных объектов в его глубоко тылу, то есть на всю стратегическую глубину. Ядерная артподготовка потрясала и ослабляла противника, открывая возможность перед механизированными соединениями стремительного рывка, маневра и быстрого достижения полного разгрома сил противника.

Эти взгляды были сформулированы в начале 1960-х годов, и от них не отказывались вплоть до начала 1990-х годов, когда в официальной военной стратегии появилась идея «ядерного сдерживания». Советская доктрина по-прежнему ставила на сочетание ядерной артподготовки с мощным танковым наступлением. Вместе с тем, всё яснее становилось, что риски и издержки военных действий значительно перевешивают политические дивиденды и преимущества. Именно соотношение «стоимость (риски) — эффективность (результаты)» стало определяющим мотивом американской политики. При этом цена и риски сводились, прежде всего, к военным последствиям. Экономическая эффективность применения военной силы всегда была невысокой, более того, о ней зачастую просто не задумываются. Так, расходы США на интервенцию и «урегулирование» в Ираке превысили 1200 млрд. долларов, что с точки зрения экономической эффективности является абсолютно провальным результатом. Но о нём и не особенно беспокоятся.

С этой точки зрения военные и военно-политические средства «силового принуждения» России оказываются малоэффективны, а их последствия, как минимум, значительны, что хорошо отображено на следующей матрице, подготовленной экспертами РЭНД под расплывчатым названием «Геополитические меры».

Геополитические «не затратные» меры в отношении России	Вероятность влияния на ослабление России	Результаты	Цена и риски
Поставки летального оружия на Украину	Moderate	High	High
Увеличение поддержки оппозиции в Сирии	Low	Moderate	High
Поддержка оппозиции в Белоруссии	Low	High	High
Расширение связей на юге Кавказа (Закавказье)	Low	Low	Moderate
Уменьшение влияния России в Средней Азии	Low	Low	Moderate
Выбросить войска России из Приднестровья	Low	Low	Moderate

Рис. 17. Геополитические меры

Как видно, достаточно рискованные и высокорискованные мероприятия против России, по оценкам экспертов, не ведут к сколько-нибудь заметным результатам в достижении главной цели — ослабления России. Примерно та же самая ситуация и с мероприятиями в области идеологических и информационных мер, где достаточно высокие и очень высокие риски ведут к скромным результатам и практически не влияют на ослабление России.

Идеологические и информационные меры	Влияние на развал России	Результаты	Цена и риски
Устранить доверие к избирательной системе РФ	Low	Moderate	High
Создать впечатление, что режим не выражает национальных интересов	Moderate	Moderate	High
Поддержка протеста в России	Low	Moderate	High
Ущерб имиджу России за границей	Moderate	Moderate	Moderate

Рис. 18. Идеологические и информационные меры

Таким образом, можно сделать вывод, что современная МО и ВПО формируется США и их союзниками силовыми, но не только (и не столько) военными средствами, а средствами экономического противоборства, которые направлены, прежде всего, на внутривнутриполитическую дестабилизацию России и подрыв её авторитета за рубежом. В конечном счёте, считается на Западе, что именно эффективность экономики и способность к опережающему технологическому развитию решают политический вопрос о противоборстве в мире. Как оказывается, можно сделать два достаточно традиционных вывода из этой констатации. Первый — именно так и происходило в течение всего XX века, когда успехи экономического развития предопределяли военно-политические результаты противоборства. Вторым вывод не менее традиционен, даже банален: периодически со времён В.И. Ленина (говорившего о конечной победе системы, чья производительность труда окажется выше), И.В. Сталина, сделавшего индустриальную и научно-техническую революцию в СССР, других советских руково-

дителей, а также В.В. Путина, сформулировавшего задачу «технологического скачка» России¹⁴⁷, в очередной раз, военно-политические последствия развития ВПО предопределялись темпами и качеством экономического развития¹⁴⁸.

1.г). Уровни развития международной обстановки

Формирование ВПО, как уже говорилось, предопределено во многом тенденциями и реалиями формирования МО, которые, во-первых, происходят на разных уровнях (порой одновременно), а, во-вторых, требуют изначально проведения тщательного анализа и стратегического прогноза не только политики западной военно-политической коалиции, но и анализа других факторов и тенденций, прежде всего, реальной политики ведущих государств, коалиций и ЛЧЦ¹⁴⁹. Причём такое формирование происходит не только «сверху-вниз», но и «снизу-вверх»: дедуктивный подход обязательно дополняется индукцией, конкретизацией реалий. Иными словами, анализ ВПО — прежде всего результат предварительного анализа МО на разных уровнях и анализа стратегий и политики реальных субъектов МО, а кроме того, результат конкретного анализа СО, войн, конфликтов и противоборств.

Общая логика построения анализа развития военно-политической обстановки в мире, таким образом, строится поэтапно на трех уровнях:

- **Первый уровень:** анализ и прогноз развития международной обстановки, которая является результатом и следствием взаимодействия всех основных факторов и тенденций, формирующих МО-ВПО;
- **Второй уровень:** следствием такого анализа МО является результат, общее представление о развитии военно-политической обстановки, которая в наибольшей степени сказывается на формировании МО;

— **Третий уровень:** уточнение и конкретизация деталей развития ВПО, которое происходит в процессе анализа стратегической обстановки¹⁵⁰.

Причём значение последней части — точного анализа и прогноза СО, характера войн и военных конфликтов — в настоящее время в политике (в том числе внешней) нередко неоправданно опускается, либо игнорируется. Поэтому анализ и прогноз развития ВПО и СО в мире политиками «зависает», не конкретизируется, остаётся только на совести генеральных штабов и советов безопасности. Также, как и прежде он оставался на совести военных. Между тем, детальный анализ, в том числе анализ состояния ВПО и СО на политическом уровне обязателен. Без него представление о перспективах эволюции того или иного сценария МО выглядит малообоснованным.

Политики, общественные деятели, СМИ, дипломаты и «эксперты» вынужденно судят о войне вне конкретных военно-политических и иных реалий, упрощая и искажая, в конечном счёте, картину до примитивной формулы: «Войны не может быть потому, что быть её не может». Более того, некоторые из них, такие как известный историк, из Стэнфордского университета Ян Моррис, приходят к выводу, что «полезные» войны сделали наш мир во многих смыслах безопаснее»¹⁵¹.

Важно также подчеркнуть, что все анализы этапов происходят на конкретных примерах, когда из всего перечня возможных сценариев МО-ВПО-СО в мире и регионах отбираются **наиболее вероятные**, а среди таких сценариев — **наиболее вероятные варианты**. С точки зрения политической практики желательно, чтобы остался единственный сценарий ВПО, который может быть реализован в одном-двух вариантах. По большому счёту в интересах стратегического планирования необходим обоснованный прогноз именно наиболее вероятного варианта (двух-трех вариантов) единственного сценария развития ВПО, на котором останавливается политический выбор. Такой выбор предполагает достаточно высокую определённую в подборе средств и способов реагирования, но такой единственный выбор во многом бывает и слишком рискованным в случае ошибки.

Достаточно привести пример с выбором И. Сталина относительно возможного варианта развития конкретного сценария ВПО накануне нападения Германии. Сценарий неизбежного нападения был единственным, но варианты были по времени разнесены — вариант нападения в июне 1941 года И. Сталиным категорически не воспринимался по ряду причин (прежде всего, незавершенностью войны Германии с Великобританией). Предпочтение отдавалось другому варианту того же сценария — нападению в 1942 году. Ошибка в решении (выборе вариантов) привела к катастрофе лета–осени 1941 года.

К сожалению, субъективизм сыграл опять не лучшую роль в оценке вариантов развития сценария ВПО в летней кампании 1942 года, когда опять был выбран наименее вероятный вариант сценария развития ВПО. Именно, это произошло летом 1942 года, когда И. Сталин категорически отрицал возможность немецкого стратегического наступления на Юге России, что привело к потере Донбасса, Северного Кавказа и выходу немцев к Волге, а до этого — быстрому продвижению войск Германии по трём стратегическим направлениям — до Москвы, Ленинграда и Ростова-на-Дону, которое предусматривалось в приказе Гитлера¹⁵², но абсолютно исключалось в разработках Генерального штаба РККА¹⁵³.

В оправдание И. Сталина можно сказать, что и у варианта 1941, и варианта 1942 года, которых он придерживался, было больше плюсов, чем у тех, по которым пошло развитие реальной ВПО на практике. Гитлер и часть его окружения выбрали наихудшие варианты сценария. Это необходимо иметь в виду при планировании внешней и военной политики: оппонент может (вопреки аргументам и логике) выбрать не лучший вариант, к которому можно оказаться не готовым, именно в надежде, что этот «не лучший вариант» окажется самым неожиданным. В 1941 и в 1942 годах именно так и случилось — не лучшие варианты, тем не менее, оказались на какое-то время самыми неожиданными, в каком-то смысле на время, как минимум, самыми лучшими. Иными словами, государственное управление в военной области (как И. Сталин, так и А. Гитлер), совершило ошибку, которую пришлось исправлять традиционными средствами вооруженного противоборства, которые привели к огромным потерям.

За скобками политического анализа в России традиционно остаются многие работы известных в прошлом учёных, о которых поспешили забыть политики и политологи в современный (советско-российский) период развития нашей страны. Так, на ум, например, приходит высказывание классика военно-теоретической мысли, начальника академии Генштаба РККА А.Е. Снесарева: «Очевидно: содержание философии войны не исчерпывается разумением только явления войны, но ещё и целого цикла идей, из существа войны вытекающих. Если к этому присоединить методологическую сторону и вопрос о структуре военных наук и их связи с общими науками, то мы тем самым все содержание интересующей нас науки как я её понимаю»¹⁵⁴. Эти политические, политологические и социологические ошибки в оценке характера современной вооруженной борьбы, о которых говорили некоторые российские руководители МО (например, С.Б. Иванов и А.А. Кокошин)¹⁵⁵, очень дорого обошлись для безопасности СССР и России, что иллюстрирует «реальную» цену политических оценок военно-политической ситуации. Если ошибки в оценке состояния и уровня СО могут быть исправлены в ходе операции или войны (так абсолютная неготовность армии Германии к неожиданному вторжению в марте 1938 года в Австрию была компенсирована поддержкой населения)¹⁵⁶, то оценки ВПО, а тем более МО, как правило, могут быть исправлены уже только после окончания войны или конфликта.

Излишне оптимистические оценки М. Горбачёва и Б. Ельцина состояния и перспектив развития МО привели к неадекватной внешней политике и формированию, в конечном счёте, такой ВПО, которая поставила безопасность России на грань катастрофы, а СССР заставило пройти такую катастрофу в полной мере. До сих пор и первое, и второе ещё до конца не осознанно, хотя последствия этого ощутили десятки миллионов человек.

Странным образом (и, наверное, не случайно) благостность и оптимизм в оценках ВАПО сохранились до сих пор у части правящей элиты России, хотя для этого нет уже даже малейших оснований. Это может говорить только о неадекватности правящей элиты или сознательном и умышленном искажении ею действительности. Как-то за-

бывается, что господствующий в мире и Европе пацифизм накануне Первой и Второй мировых войн не помешал начаться и продолжаться длительное время этим войнам. «Политический реализм», как школа и образ мысли, отступает, предоставляя место политической философии, которая далеко не всегда в военно-политической области оказывается полезной с точки зрения реальной политики. Как справедливо заметил известный историк из Стэндфордского университета Ян Моррис, «В реальном мире мы постоянно принимаем решения, исходя из теории меньшего зла», обращая внимание на тот факт, что «человеческие потери в смертоносных конфликтах составили всего около 1,6 % всех смертей, или насильственной смертью умирал один человек из 62,5»¹⁵⁷.

Подобные рассуждения мало что дают для практических целей военно-политических оценок, но они влияют на формирование общей атмосферы, в которой происходит процесс целеполагания, и которая иногда играет огромное значение: «общественное мнение» и в августе 1914 года, и сегодня, безусловно, косвенно, но влияет на политическую позицию правящей элиты и её способность адекватно реагировать. Забывается, например, что конкретные формы военных действий или вооруженной борьбы — являются развитием конкретной СО, а на поверхность выносятся суждения о международном праве, нравственности, толерантности и пр. Поэтому о роли войны в политике складывается нередко упрощенное и искаженное представление.

Другими словами, о политике и войне рассуждают только в терминах самой общей политической философии, забывая о конкретно-прикладном характере ВПО, для анализа которого требуется понимание существа явлений более конкретного и частного характера. Образцовым примером такого анализа и развития СО может послужить книга, подготовленная под главной редакцией Б.М. Шапошникова «Битва за Москву»¹⁵⁸. В частности, в ней описывалась не только военно-политическая обстановка в тот период, но и даётся точное описание СО на ТВД: географические и погодные условия того времени, соотношение сил СССР и Германии на ТВД, конкретные участники (войсковые группы, дивизии, бригады), резервы, дороги и другие коммуникации, роль тех или иных операций, военачальников, наконец, потери сторон¹⁵⁹.

Таким образом, для понимания характера современной ВПО и МО необходимо знать и адекватно оценивать не только общие тенденции мирового развития (политические, социальные, военные, технологические и пр.), но и специальные аспекты, прежде всего, особенности СО, военных конфликтов и войн. Иными словами, если изначально используется дедукция, основанная на опыте и знаниях, с помощью которой выстраивается модель развития МО и ВПО, то затем неизбежно наступает второй, более конкретный этап анализа, — индукция, в результате которого исследуются особенности развития СО и её влияния на ВПО и МО.

Проблема, однако, заключается в том, что собственно вооруженная борьба уже не является исключительно монополией только военно-силовой политики, которая разработала в XX веке многочисленные новые средства и способы невоенного силового противоборства. Поэтому такой прикладной анализ СО уже не может быть сделан только силами военных теоретиков и сотрудниками Генеральных штабов, которые просто не владеют, как правило, международной и иной специальной информацией (за исключением некоторых экспертов оперативных и разведывательных управлений Генеральных Штабов).

Другой сверхважный вопрос — «цена безопасности», которая за последние годы резко, принципиально выросла. Если прежде речь шла о возможности достижения промежуточных результатов и компромиссов в результате военных конфликтов («войны заканчивались договорами»), то теперь стоит вопрос бескомпромиссно — о суверенитете и национальной идентичности. Так как он стоял (но до конца не осознавался при нападении Германии на СССР). Именно государство и национальная идентичность стали главными объектами политики «силового принуждения». В этой связи уместно напомнить, что великий русский философ Иван Ильин в своё время писал: «Государство в его духовной сущности, есть не что иное, как *родина, оформленная и объединенная публичным правом; или иначе: множество людей, связанных общностью духовной судьбы и жившихся в единстве на почве духовной культуры и правосознания*»¹⁶⁰.

Будущая роль государства и системы национальных ценностей, идентичности — огромна в войне и политике, — а не просто

предмет острых дискуссий о безопасности и развитии, но и национального выживания. Я бы сказал, — первична, наиболее приоритетна даже по сравнению с той ценой, которую привыкли платить государства прежде (территориями, условиями торговли и т.п.). На кону стоит идентичность и суверенитет, защита которых требует полной самоотдачи. По этому поводу К. Клаузевиц высказался вполне категорично: «Раз война является актом насилия, то она неминуемо вторгается в область чувств»¹⁶¹. Область человеческой воли, стойкости, самопожертвования и готовности идти на неограниченные риски — обязательные условия того, что называется «моральный дух» армии. Примеров того, как правящая элита и армия капитулировали, будучи заведомо сильнее материально, но не морально, — много в истории войн. Более того, можно сказать, что без этих качеств любая, самая многочисленная и профессиональная армия обречена на поражение.

Долгие годы в человеческой истории существовала взаимосвязь между внешними факторами безопасности — состояние МО и ВПО — и безопасностью государства, которая, как правило, **определялась качеством именно государственного управления**. Мир становился, в конечном счёте, результатом политического компромисса или фиксировал победу той или иной стороны в войне. Основными субъектами формирования МО и ВПО в течение тысячелетий при этом были государства-лидеры человеческой цивилизации, а их отношения между собой — главными факторами не только внешней, но и нередко внутренней безопасности. Так, в разные периоды времени безопасность, благополучие и само выживание России зависели от потенциальных основных внешних противников — печенегов, половцев, татаро-монгольской Орды, Литвы, Польши, Швеции, Германии, Франции, Великобритании, США и т. д. Причём, как правило, это были наиболее сильные в тот или иной период времени государства — Орда в XII–XIV вв., Швеция — в XVII–XVIII вв., Франция — в XIX в., Германия в XX в., а США — в конце XX в. — начале нынешнего века.

В настоящее время ситуация радикально изменилась в силу целого ряда обстоятельств:

- **Во-первых**, политическое противоборство в военной области стало цивилизационным и бескомпромиссным, когда целью стало уничтожение цивилизации, государства и национальной идентичности, а не политический компромисс. Соответственно и силовая, тем более вооруженная борьба, приобрела бескомпромиссный характер. Жестокость в средствах и способах ведения войн, которая допускалась (или не исключалась) в прежних войнах, теперь стала нормой. Компромисс в области национальной идентичности не достижим. Если суверенитет ещё может быть «ограниченным», «условным», то идентичность, либо есть, либо нет.
- **Во-вторых**, участниками такого противоборства стали многочисленные не государственные акторы (война на Украине и в Сирии — яркие примеры). В настоящее время войны чаще и с меньшим риском становятся результатом использования против государств каких-либо не государственных акторов — от организованных сторонников социальных сетей до экстремистских групп, нанятых на базарах и в молельных домах. Компромисс и договоренности с эти акторами в наибольшей степени зависят от тех, кто ими управляет. Но им, как правило, компромисс и не нужен. Часто им нужен не результат (и компромисс может стать его частью), а процесс. Так, политика США на Большом Среднем Востоке представляет собой процесс, целью которого является всё тот же процесс дестабилизации, который не может быть результатом компромисса. Поэтому уничтоженные в одном районе сирийские боевики, вдруг проявляются в другом. Поддержка такого процесса — вопрос только денег и минимальных организационных усилий, которыми обладают спецслужбы.
- **В-третьих**, с конца XVII века большую роль стали играть уже не только государства-лидеры, но и коалиции¹⁶² государств, а в XX веке — наиболее совершенные их формы — военно-политические блоки¹⁶³ и союзы¹⁶⁴. В настоящее время существуют десятки таких коалиций, из которых наиболее влиятельной представляется западная военно-политическая коалиция, включающая кроме стран-членов НАТО ещё более 30 государств. Итого, это более 60

государств, согласованную деятельность которых можно наблюдать как при голосовании в ООН, так и по отношению к какому-то избранному объекту силового принуждения со стороны США. При этом взаимосвязь между ВПО и политикой государств, их безопасностью становится ещё более сильной потому, что у стран и их коалиций появилось множество силовых средств политики влияния на своих оппонентов, так и союзников, которых не было прежде. Так, США постоянно расширяют не только двусторонние отношения, но и пытаются объединить своих союзников (иногда даже нейтральные государства) в региональные или местные коалиции, например, в Персидском заливе, или в Европе, либо составить такие коалиции против своих оппонентов¹⁶⁵.

Это влияние оказывает прямое воздействие на социально-экономическое и внутривнутриполитическое положение государств. Так, например, известна политика санкций США в отношении Ирана и КНДР, а в последнее время и России, которая выражается в постоянно ухудшающейся военно-политической обстановке. Эта политика стимулирует развитие растущего социально-экономического и технологического отставания России, которое становится прямой угрозой её национальной безопасности, более того, национальной самоидентификации и суверенитету¹⁶⁶.

1.д). Типы взаимосвязей международной, военно-политической и стратегической обстановки

После одобрения плана Ставки (действий в 1942 г. — А.П.) И.В. Сталин должен был огласить директиву ... о том, как впредь... вести боевые действия. Документ любопытен тем, что впервые Сталин претендовал в нем сразу на роль военного практика и теоретика, знатока и законодателя военного искусства ... Появление этого послания вызвало определенное беспокойство у руководителей Генштаба ... На все случаи рецептов не дать, а командиров можно по рукам и ногам сковать тактическими и оперативными догмами¹⁶⁷

В. Успенский, писатель

Взаимосвязь между конкретным вариантом сценария развития МО и ВПО, реализуемом в еще более частном сценарии развития СО, войн и военных конфликтов, нуждается в самом тщательном анализе, как минимум, по двум причинам:

- Во-первых, по мере перехода от общего сценария развития МО к конкретному сценарию развития ВПО и его варианту стремительно нарастает значение субъективных факторов, которые «на уровне» конкретного сценария СО (войны или конфликта) превращаются в доминирующие факторы политического и военного искусства.
- Во-вторых, по мере развития сценария МО-ВПО в том, либо ином его конкретном варианте усиливается значение обратного, «реверсного» влияния, которое на уровне СО (войны или конфликта) может приобретать очень важное самостоятельное политическое значение и влиять на развитие не только сценария ВПО, но и МО.

Соотношение объективных и субъективных факторов влияния на развитие сценариев и их вариантов МО-ВПО-СО (войн и конфликтов) и «реверсного влияния» можно приблизительно представить в следующих соотношениях объективных и субъективных факторов.

Таблица 2.

Сценарий МО	Вариант сценария МО	Сценарий ВПО	Вариант сценария ВПО	Сценарий СО	Вариант сценария СО	Военный конфликт	Война	Операция
80/20	75/25	70/30	65/35	60/40	50/50	45/55	40/60	30/70

«реверсное влияние»

75/25	70/30	60/40	50/50	45/55	40/60	30/70	25/75	20/80
-------	-------	-------	-------	-------	-------	-------	-------	-------

Ясно, что подобные количественные оценки отражает только логику рассуждений, а не точное (сугубо конкретное) соотношение, которую можно проиллюстрировать следующими примерами.

Таблица 3. Конфликт США и Ирана и попытка освобождения заложников (24.04.1980 г.)

Сценарий МО 80/20	Вариант сценария МО 75/25	Сценарий ВПО 70/30	Сценарий СО 60/40	Вариант сценария СО 50/50	Война, кон- фликт 40/60	Операция США 24.04.80 г. 30/70
4.11.79 г. захват по- сольства	27.07.80 г. смерть шаха Ирана	09.80 г. начало ирано- иракской войны	война с Ираком			24.04.80 г. провал опера- ции «Орлиный ко- готь» — субъек- тивная неудача и негативное влияние на ВПО и МО

Как видно из оценки, субъективный провал операции «Орлиный коготь» крайне негативно повлиял для США на развитие ВПО и МО которые стали меняться только (с 27.07) со смертью шаха и началом войны (09.1980 г.) с Ираком.

Важно понимать, что игнорирование субъективного значения усиления влияния развития СО на ВПО может больно сказаться с политической и военно-политической точки зрения. Так игнорирование

фактической невозможности (реалий СО) развития контрнаступления по трем стратегическим направлениям в 1942 году (вопреки подписи Г. Жукова и А. Вознесенского) привело к тяжелым поражениям в 1942 году и крайне неблагоприятной ВПО к концу 1942 года, которая могла отразиться и на состоянии МО (вступлении Японии в войну против СССР).

Вероятно, можно считать подобные взаимосвязи вполне универсальным явлением, что подтверждает история человечества. (Рис. 19)

На примере греко-персидских войн V в. д.н.э. эту логику можно проиллюстрировать следующим образом:

- **сценарий развития МО:** создание и быстрое развитие Персии, с одной стороны, и эллинистических государств (Македонии, Афин, Фесалии, Спарты), с другой. Это — наиболее общая тенденция в развитии МО в те годы, которая конкретизировалась в своём варианте;
- **вариант сценария развития МО** — борьба ионических городов-полисов за независимость от Персии. Этот вариант сценария формировал сценарий развития ВПО тех лет;
- **сценарий развития ВПО:** вооруженная борьба Персии и Греческих полисов;
- **варианты сценария ВПО конкретизировались в вариантах развития СО, отдельных морских и сухопутных сражениях.**

Влияние МО-ВПО на аспекты безопасности и жизнедеятельности государства могут быть самыми разными, но, как правило, достаточно системными даже в случае попыток изолироваться со стороны государств. Иными словами, в самом общем виде **МО и ВПО являются системными субъектами**, по сути — широкой группой внешних факторов (политических, экономических, военных, гуманитарных и пр.), формирующих внешние условия существования и развития государства. Эти внешние условия могут, как содействовать развитию и безопасности, так и препятствовать ему. Так, например, в отношении КНДР и Кубы долгие годы существует стратегия, затрудняющая их развитие. То же можно сказать и в отношении Ирана и России.

Конкретных примеров такого влияния множество, более того, можно говорить о том, что вся МО состоит из таких примеров, когда, то или

Рис. 19. Греко-персидские войны¹⁶⁸

иное государство пытается «обеспечить максимально благоприятные внешние условия» для своего развития (что было сформулировано как в Программе КПСС, так и в Концепции внешней политики России), а другие государства и факторы могут содействовать, либо препятствовать этому, а целый ряд государств этому препятствуют¹⁶⁹.

По сути дела, в настоящее время мы наблюдаем «в чистом виде» процесс того, как государства западной военно-политической коалиции (в разной степени) при лидерстве США формируют именно такую МО и ВПО по отношению к России. Так, в одном из докладов РЭНД, посвященном «разрыхляющему», «размывающему» влиянию внешней политики США на Россию¹⁷⁰, которое является её содержанием, а также способствует усилению «внешнего давления», «расбалансирую-

щему» Россию¹⁷¹, говорится о множестве средств, способных ослабить нашу страну, лишить её внешнего влияния и фактически суверенитета, «дезинтегрировав» как государство. При этом предусмотрительно выбираются дешёвые, не затратные («cost-imposing») для США средства и методы.

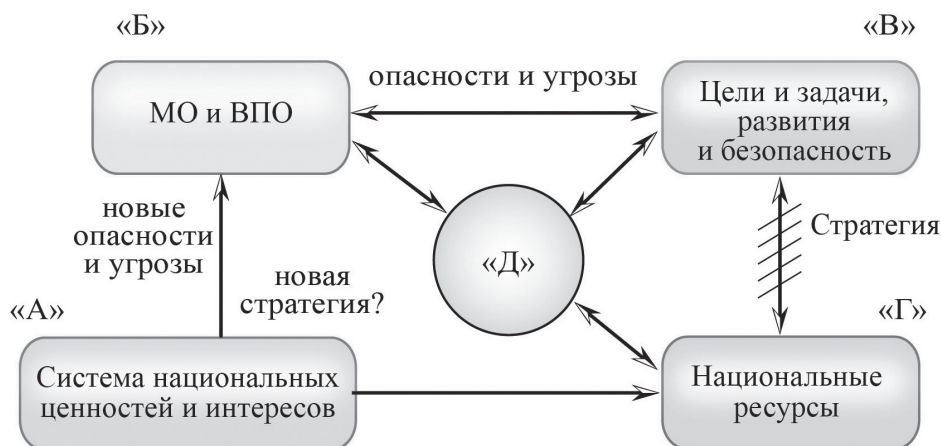

Рис. 20. Второй тип традиционной взаимосвязи ВПО и безопасности государства

Классический вариант безопасности — эффективная военно-политическая стратегия (**вектор «Г» — «В»**), сменился в XXI веке на необходимость приоритетного обеспечения безопасности системы национальных ценностей (блок «А» и **вектор «А» — «Б»**), что выводит традиционную стратегию на качественно новый уровень, когда приоритетом становится не уничтожение военной организации государства, а ее системы ценностей, того, что относится к цивилизационной основе нации:

- культурным и духовным ценностям;
- национальной истории;
- языку;
- социальному, национальному и межрелигиозному согласию;
- государственному суверенитету;
- общему представлению о прошлом и будущем.

Если меняются приоритеты внешнего силового влияния на уровне развития системы и конкретного варианта сценария МО, то это неизбежно меняется и в системе:

- приоритетов в развитии ВПО;
- приоритетов СО, войн и конфликтов.

Именно поэтому оказывается, что наиболее важными военно-политическими целями, например, на Украине в 2014–2019 годы, стали средства массовой информации, русский язык, социальные сети интернет, школьные программы и пр.

Кроме того, не только способы традиционной стратегии, но и её средства (вектор «Г» — «В») уже не всегда подходят для защиты национальных интересов и системы ценностей, которым угрожают уже качественно иные когнитивно-информационные, культурно-духовные и иные угрозы, которые:

- во-первых, надо захотеть и смочь увидеть;
- во-вторых, разработать средства и способы противодействия.

Второй тип взаимосвязи заключается в том, что **государство** само по себе традиционно является важнейшим фактором формирования МО-ВПО, являясь активным субъектом, когда оно может и оказывает на них влияние через множество каналов, основными из которых являются следующие:

- **через политику правящей элиты страны (вектор «Д» — «Б»);** политика и дипломатия, политико-дипломатические и информационные средства и методы, в том числе на трибуне международных организаций, нередко играют заметную роль в формировании МО и ВПО, особенно при создании коалиций и союзов, имеющих одинаковые цели.
- **через свою систему ценностей и приоритетов (вектор «А» — «Б»);** эти системы ценностей, прежде всего, культурно-исторические, образовательные, научные и т.д. оказывают серьёзное влияние на процесс формирования МО и ВПО.
- **через свою стратегию: цели, средства и способы (вектор «Г» — «В» — «Б»);** собственно, политическая, военная и экономическая стратегия — непосредственно влияют на формирование МО-ВПО.

Естественно, что чем сильнее государство и его готовность влиять на МО-ВПО, тем влияние это будет заметнее. Можно говорить о том, что некоторые государства, например, США, а до этого Великобритания, Германия, Франция, — в будущем Индия и ряд других, обладают заметным, сильным, иногда решающим, влиянием на формирование МО и ВПО. Так, до 1945 года таким влиянием обладала Германия, а после — США и СССР. В настоящее время такими лидерами выступают США и КНР.

Именно в XX веке с появлением ядерного оружия, превратившего государства в субъекты, способные достигать военными средствами непосредственных политических целей¹⁷², возникли и вопросы о будущем военной силы и её роли в политике. Причём не только внешней, но и внутренней. Какое-то время стала активно проявляться тенденция отрицания ставшей классической мысли К. Клаузевица войны как «расширенного противоборства»¹⁷³ в пользу идеи о том, что война, как средство политики, потеряла своё значение. Неадекватность идеи быстро привела к отказу от неё, но периодически в разной связи она возникает вновь и вновь. Один из таких «всплесков» был в апреле 2019 года, когда США вдруг заявили о необходимости «всеобщей ликвидации ядерного оружия».

Весь XX век война стремительно и в возрастающей степени становилась, по мнению многих, «только политическим оружием», с помощью которого государствами преследовались уже не только политические, и экономические интересы, но и цивилизационные цели. Иными словами, классические политические цели войны становились глобальнее и бескомпромиснее, но сама война — всё менее вероятной и реальной. Как писал в своё время бывший начальник ГШ РККА Б. Шапошников, «начальники Генеральных штабов Австро-Венгрии и Германии Конрад и Мольтке (младший) говорили о «грядущей войне славянства с германизмом, как о столкновении двух культур», «закрывая первопричину борьбы (экономические интересы)»¹⁷⁴.

Споры о характере войны в современный период, на мой взгляд, во многом были данью моде, в соответствии с которой с приходом к власти в СССР М. Горбачёва поспешили отказаться от военно-политических реалий, что, в конечном счёте, очень болезненно отраз-

илось как на СССР, так и на всей военно-политической коалиции социалистических стран, которая перестала существовать к началу 90-х годов прошлого века. Между тем война, как средство политики, очень быстро вернулась в число силовых средств государств. И не только в мире (и даже в Европе), но и в СССР, а позже и в России. Сложилась качественно новая военно-политическая обстановка в мире, которая потребовала, в том числе, и новых подходов к политике безопасности и обороны России, её государственному и военному управлению, стратегическому прогнозу¹⁷⁵, планированию¹⁷⁶ и программированию¹⁷⁷.

Попытки отказа от советского опыта у правящей элиты России в 90-е годы были по идеологическим мотивам: возврат к стратегическому планированию рассматривался как возврат к плановой экономике и управлению КПСС. Но уже к концу 90- годов, непоследовательно, часто урывками, стало происходить возвращение к практике стратегического планирования как части эффективного государственного управления. Процесс шел тяжело, медленно и оказался далёк от совершенства, (например, Концепция социально-экономического развития России, принятая в марте 2008 года, умерла через месяц-другой). Тем не менее, самые общие положения такого нового подхода были разработаны в ФЗ № 172 «О стратегическом планировании» от 2014 года, ФЗ «Об обороне» и «О безопасности», конкретизированных в указах Президента России о «Стратегии национальной безопасности», «Концепции внешней политики», «Военной доктрине России» и других нормативных актах.

В целом можно говорить о том, что ко второму десятилетию нового века в России сложилась система государственного управления, в основе которой лежали документы стратегического планирования, хотя, безусловно, говорить об эффективности такой системы ещё рано. Ещё сложнее судить о производной такой системы — государственном и военном управлении, чья эффективность также вызывает сомнение. Поэтому роль военной силы, значение войны и политики предопределяется, прежде всего, той ролью, которая принадлежит в то или иное время государству, точнее — эффективности государственного управления¹⁷⁸.

Иными словами, качество (эффективность) государственного и военного управления становятся решающими факторами. При этом изначально надо понимать, кто именно является участником государственного управления. На этот вопрос существует прямой и недвусмысленный ответ в законодательстве РФ. В соответствии с российским ФЗ № 172, например, участниками государственного управления являются «органы государственной власти, прежде всего, Президент страны, Федеральное собрание и правительство, а также субъекты, отрасли экономики, муниципальные образования»¹⁷⁹. Именно они создают и используют систему стратегического планирования¹⁸⁰ государства, которая обеспечивает согласованность действий всех участников государственного управления. Они же (в соответствии с законом) несут не только политическую, но и административно-правовую ответственность за военную безопасность страны и нации.

Но самая приоритетная тема в настоящее время вытекает из возможностей государства обеспечить опережающее социально-экономическое и научно-техническое развитие. Она прямо зависит от эффективности государственного управления¹⁸¹ в России¹⁸² (которое, по общему признанию, например, Г. Грефа, является «самым слабым местом»), а та, в свою очередь, — от способности к стратегическому прогнозу¹⁸³ и планированию. Именно эти качества являются обязательными атрибутами для представителей правящей элиты любого государства, с одной стороны, и в наименьшей степени присутствуют у российской правящей элиты, — с другой. Поэтому изначально роль государства в обеспечении безопасности нашей страны либо абсолютизировалась (как при И. Сталине и, отчасти, при Л. Брежнев), либо недооценивалась (как при М. Горбачёве и Б. Ельцине).

Иногда считается некоторыми политиками и экспертами, что в настоящее время эта роль государства чрезмерна (говорят об авторитаризме, даже диктатуре и пр.), но проблема, как представляется, в другом, эта роль не «чрезмерна» или «недостаточна», она не эффективна. И ответственность за это несёт непосредственно Президент России. По закону — (Ст. 45 ФЗ №172) «Лица, виновные в нарушении законодательства.... В сфере стратегического планирования, несут дисциплинарную, гражданско-правовую и административную

ответственность...»¹⁸⁴. В частности, если речь идёт о государственном прогнозировании и планировании, где все полномочия участника, например, принадлежат Президенту России, который (Ст. 10 ФЗ № 172):

«1. Осуществляет руководство государственной политикой в сфере стратегического планирования;

2. Определяет и уточняет направления, цели и приоритеты социально-экономической политики ... и обеспечения национальной безопасности;

3. Определяет направления достижения стратегических целей...;

...

5. Утверждает (одобряет) документы стратегического планирования» ...;

....

7. Принимает иные решения в сфере стратегического планирования»¹⁸⁵.

Другими словами, ответственность (добавлю — политическая) за неэффективное государственное управление ложится, прежде всего, на Президента России, которым в период действия этого закона являлся В.В. Путин.

Кроме того, во многом безопасность страны зависит от внешних факторов, что далеко не всегда учитывается в документах по стратегическому планированию¹⁸⁶ в России, а именно: состояние и перспективы развития военно-политической обстановки в мире, как важнейшей части международной обстановки, определяет, а иногда и предопределяет, внешние условия развития (и порой даже существования или не существования) любого субъекта международных отношений, включая, естественно, и Россию. Между тем, нередко в документах по стратегическому планированию (особенно социально-экономических и финансовых) учёт внешних факторов не ведётся.

Государства и нации исчезают иногда под влиянием внешней агрессии, либо их развитие осложняется, даже из-за самой возможности такого внешнего вмешательства. История человечества во многом — история войн (массовые египетские захоронения 13-ти тысячелетней давности — самое раннее свидетельство крупных вооруженных

столкновений)¹⁸⁷, — но она, история человечества, всегда в той или иной степени является отражением специфики и состояния напряжённости, существовавшей в тот или иной период ВПО¹⁸⁸. Вот почему анализ состояния и перспектив развития того или иного государства будет далеко не полным и даже сомнительным без учёта внешних факторов влияния, которые складываются преимущественно в МО и ВПО.

⁷⁴ **Военно-политическая обстановка (ВПО)** — в данном контексте трактуется как совокупность характерных особенностей военно-политических отношений между государствами и другими субъектами, акторами и факторами мировой политики (Военная энциклопедия, 1996 г., Военный энциклопедический словарь, 2007 г.).

⁷⁵ *Алексеева Т.А.* Современная политическая мысль (XX–XXI вв.): Политические теории и международные отношения. — М.: Издательство «Аспект Пресс», 2016. — С. 187.

⁷⁶ *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций. — М.: АСТ, 2016. — С. 115.

⁷⁷ **Политика** — зд. и далее: применение на практике искусства и науки управлять государствами и другими субъектами политического процесса. (См., например: Политика, Толковый словарь: Русско-английский. — М.: «ИНФРА-М», 2001, 453).

⁷⁸ **Война** — зд.: (традиционное понятие) основной тип военного конфликта между государствами, коалициями и отдельными акторами ВПО, требующий полной мобилизации и напряжения всех сил, средств и ресурсов с целью решительного разрешения возникших между ними противоречий и достижения победы.

⁷⁹ Здесь и далее К. Клаузевиц цитируется по работе: *Клаузевиц, Карл фон.* «О войне». — М.: АСТ, 2019. — 320 с., илл.

⁸⁰ Аббревиатуры и другие сокращения см.: *Подберёзкин А.И.* Сборник сокращений по международной, политической, социально-экономической и военно-политической тематике. — М.: МГИМО-Университет, 2013. — 239 с.

⁸¹ 2019 Missile Defense Review. Office of the Secretary of Defense. — Wash., Jan. 2019. — P. 8–14.

⁸² *Шапошников Б.М.* Мозг армии. — М.: О-во сохранения наследия, 2016. — С. 655.

⁸³ *Клаузевиц, Карл фон....* — С. 27.

⁸⁴ *Кейтель В.* Размышления перед казнью. — М.: Вече, 2017. — С. 169.

⁸⁵ Самая последняя корректива в военную стратегию НАТО на этот счёт была принята Комитетом военного планирования в мае 2019 года, — тогда же, когда и российским президентом, а ГШ в начале 2019 года.

⁸⁶ **Военная политика** — зд.: составная часть общей политики государства, непосредственно связанная с созданием военной организации, подготовкой и применением военных средств для достижения определённых политических целей по обеспечению военной безопасности страны

⁸⁷ **Военное планирование** — зд.: составная часть военных мер организации военной политики, развития военной организации, военного строительства и совершенствования органов и способов их применения.

⁸⁸ **Военно-экономическая мощь государства** — зд.: реальная способность экономики и социальной системы удовлетворять потребности военной организации государства. В отличие от потенциальной возможности (государственная мощь, потенциал), военно-экономическая мощь является фактором, т. е. уже реализованным потенциалом.

⁸⁹ *Клаузевиц, Карл фон....* — С. 27.

⁹⁰ Assessing the impact of cost-imposing options / /RAND report. April, 2019. — P. 5 / Источник: https://politexpert.net/153115-rand-corp-opublikovala-antirossiiskii-plan-deistvii-ssha?utm_source=smi2

⁹¹ Assesing the impact... / https://politexpert.net/153115-rand-corp-opublikovala-antirossiiskii-plan-deistvii-ssha?utm_source=smi2

⁹² *Путин В.В.* Указ Президента Российской Федерации №815 от 26 декабря 2014 г. «О признании утратившим силу Указа Президента РФ №146 от 2010 «О Военной доктрине Российской Федерации».

⁹³ Стратегическое сдерживание: новый тренд и выбор российской политики: монография / *А.И. Подберёзкин, М.В. Александров, К.П. Боришполец и др.* — М.: МГИМО-Университет, 2019. — 656 с.

⁹⁴ **Военный конфликт** — (в Военной доктрине РФ): универсальная, наиболее общая форма разрешения противоречий с применением военной силы, охватывающее все виды вооружённого противоборства.

⁹⁵ Цит. по: *Алексеева Т.А.* Современная политическая мысль (XX–XXI вв.). — М.: Аспект Пресс, 2016. — С. 159.

⁹⁶ Введение в прикладной анализ международных ситуаций: Учебник / под ред. *Т.А. Шаклеиной*. — М.: Аспект Пресс, 2014. — С. 8.

⁹⁷ Цит. по: *Кокошин А.А.* Выдающийся военный теоретик и военачальник А.А.Свечин. — М.: МГУ, 2013. — С. 129.

⁹⁸ **Стратегическое не ядерное ВТО** — высокоточное не ядерное оружие (КР разных типов базирования, аэробаллистические и гиперзвуковые ракеты и пр.), способное выполнять стратегические задачи, — удары по центрам политического и военного управления и связи, ШПУ и т.д.

⁹⁹ Мир в XXI веке: прогноз развития международной обстановки по странам и регионам: монография / *А.И. Подберёзкин, М.В. Александров, О.Е. Родионов и др.* — М.: МГИМО-Университет, 2018. — 768 с.

¹⁰⁰ *Подберёзкин А.И.* Военно-политические перспективы развития России в XXI веке. — М.: Издательский дом «Международные отношения», 2018. — 1599 с.

¹⁰¹ *Подберёзкин А.И.* Военно-политические перспективы развития России в XXI веке. — М.: Издательский дом «Международные отношения», 2018. — 1599 с.

¹⁰² ТАСС. 25 мая 2019 г.

¹⁰³ Так, одним из таких нерешенных вопросов стал вопрос о стратегической стабильности, договорённости о которой, достигнутые между СССР и США, потеряли к 2019 году всякий смысл после решения США о развертывании ПРО и выхода из ДРСМД.

¹⁰⁴ Стратегическое сдерживание: новый тренд и выбор российской политики: монография / *А.И. Подберёзкин, М.В. Александров, К.П. Боришполец и др.* — М.: МГИМО-Университет, 2019. — 656 с.

¹⁰⁵ **Основные особенности МО** — зд.: отличительные черты современной МО как характеристики основных факторов и тенденций, формирующих МО, и отношений между ними. См.: Стратегическое прогнозирование и планирование внешней и оборонной политики: монография: в 2-х т / под ред. *А.И. Подберёзкина*. — М.: МГИМО-Университет, 2015. — С. 51–76.

¹⁰⁶ *Подберёзкин А.И.* Современная военная политика России: учебно-методический комплекс. В 2 т. — Т. 2. — М.: МГИМО-Университет, 2017. — С. 447–464.

¹⁰⁷ Бэзил Лиддл Гарт. Стратегия не прямых действий. — М.: АСТ, 2018. — С. 13.

¹⁰⁸ Лавров С. РФ и США должны принять на высшем уровне заявление о недопустимости ядерной войны / ТАСС. 10.06.2019 / <http://tass.ru/politiks/10.06.2019>

¹⁰⁹ **Политика «силового принуждения» (The «Power to Coerce»)** — термин, предложенный рядом авторов, первенство которым, вероятно, следует оставить за экспертами РЭНД-корпорации, опубликовавшим в 2016 году соответствующую книгу.

¹¹⁰ **Война** — з.д.: высшая форма силового противоборства субъектов МО и ВПО.

¹¹¹ **Силовое противоборство** — з.д.: частный случай войны

¹¹² **Вооружённое противоборство** — з.д.: частный случай силового противоборства с ведением военных действий;

¹¹³ См.: Подберёзкин А.И. Третья мировая война против России: введение к исследованию. — М.: МГИМО-Университет, 2015. — 169 с.

¹¹⁴ **Управление (государственное и военное)** — з.д.: политика субъекта МО-ВПО (высший уровень противоборства), использующая как силовые, так и не силовые средства и методы в любой области и в любое время.

¹¹⁵ Демидов О. Глобальное управление интернетом и безопасность в сфере использования ИКТ. — М.: Альпина, 2018. — С. 25.

¹¹⁶ Военная доктрина Генерального штаба Польши от 1938 года:

¹¹⁷ Клаузевиц, Карл фон.... — С. 27.

¹¹⁸ **Вооруженная борьба** — з.д.: основной вид противоборства в войнах, военных конфликтах, вооруженных восстаниях, мятежах, путчах и т.д. с применением сил и средств ведения военных действий в различных масштабах.

¹¹⁹ Мир в XXI веке: прогноз развития международной обстановки по странам и регионам: монография / А.И. Подберёзкин, М.В. Александров, О.Е. Родионов и др. — М.: МГИМО-Университет, 2018. — 768 с.

¹²⁰ Подберёзкин А.И. Военно-политические перспективы развития России в XXI веке. — М.: Издательский дом «Международные отношения», 2018. — 1599 с.

¹²¹ **МИГ-35** — высокоманёвранный многофункциональный истребитель-бомбардировщик поколения 4++ (по кодификации НАТО: «Fulcrum-F» — «точка опоры»), характеристики которого максимально

приближены к пятому поколению, Предназначен для завоевания господства в воздухе и нанесения эффективных ударов высокоточным оружием по наземным и надводным целям из-за пределов зоны противовоздушной обороны (ПВО) противника.

¹²² **Су-35** — (по кодификации НАТО: Flanker-E+ «Фланкёр») — российский многоцелевой сверхманёвренный истребитель-бомбардировщик поколения 4+++. Производится с 2008 года. К 2019 году поступило в ВКС 100 единиц.

¹²³ В принципе это же имел в виду ещё К.Клаузевиц, говоря о «расширенном противоборстве». См.: К. Клаузевиц цитируется по работе: *Клаузевиц, карл фон. «О войне»*. — М.: АСТ, 2019. — С. 27.

¹²⁴ L. Gompert, Hans Binnendijk. The Power to Coerce. Countering Adversaries Without Going to War. — Cal., RAND, 2016. — P. 1–40.

¹²⁵ *Кейтель В.* Размышления перед казнью. — М.: Вече, 2017. — С. 333.

¹²⁶ Усложнение структуры МО подробнее описано в работе: *Стратегическое сдерживание: новый тренд и выбор российской политики: монография / А.И. Подберёзкин, М.В. Александров, К.П. Боришполец и др.* — М.: МГИМО-Университет, 2019. — 659 с.

¹²⁷ *Подберёзкин А.И.* Состояние и долгосрочные перспективы развития России в XXI веке. — М.: Издательский дом «Международные отношения». — С. 119–141.

¹²⁸ *Стратегическое сдерживание: новый тренд и выбор российской политики: монография / А.И. Подберёзкин, М.В. Александров, К.П. Боришполец и др.* — М.: МГИМО-Университет, 2019. — 656 с.

¹²⁹ *Кейтель В.* Размышления перед казнью. — М.: Вече, 2017. — С. 311.

¹³⁰ *Снесарев А.Е.* Философия войны. — М.: Финансовый контроль, 2003. — С. 187.

¹³¹ *Подберёзкин А.И., Подберёзкина О.А.* Влияние санкций Запада на политический курс и экономику России // Научно-аналитический журнал «Обозреватель». Часть II. 2018. — № 12. — С. 6–8.

¹³² *Подберёзкин А.И.* «Переходный период» развития военно-силовой парадигмы (2019–2025 гг.) / Научно-аналитический журнал «Обозреватель», Часть I. 2019. — № 4. — С. 5–25.

¹³³ **Военная мощь государства** — зд.: совокупность всех постоянно задействованных в военное и мирное время материальных и духовных сил государства, которое оно способно отобилизовать для ведения войны

¹³⁴ Путин В.В. Указ Президента Российской Федерации № 815 от 26 декабря 2014 г. «О признании утратившим силу Указа Президента РФ №146 от 2010 «О Военной доктрине Российской Федерации».

¹³⁵ Assessing the impact of cost-imposing options / /RAND report. April, 2019. — P. 5. /Источник: https://politexpert.net/153115-rand-corporublikovala-antirossiiskii-plan-deistvii-ssha?utm_source=smi2

¹³⁶ Assessing the impact of cost-imposing options / /RAND report. April, 2019. — P. 3.

¹³⁷ Информационный ресурс «Внешняя торговля России». 25/05/2019 //russian-trade.com

¹³⁸ Assessing the impact of cost-imposing options / RAND report. April, 2019. — P. 4.

¹³⁹ См. подробнее: Подберёзкин А.И. Взаимодействие официальной и публичной дипломатии в противодействии угрозам России / Публичная дипломатия: Теория и практика. — М.: Аспект Пресс, 2017. — С. 36–53.

¹⁴⁰ См. подробнее: Подберезкин А.И. Национальный человеческий капитал. В 3-х т. — М.: МГИМО-Университет, 2011–2013 гг.

¹⁴¹ Assessing the impact of cost-imposing options / RAND report. April, 2019. — P. 5.

¹⁴² В основе этой стратегии лежит Указ В.В. Путина № 204 от 7 мая 2018 года «О национальных целях и стратегических задачах развития российской Федерации на период до 2024 года».

¹⁴³ Assessing the impact of cost-imposing options / RAND report. April, 2019. — P. 5.

¹⁴⁴ «Ядерная угроза»: НАТО будет воевать с Россией по-новому / Эл. ресурс: «Газета.ру» / www.gazeta.ru/2019/05/25.

¹⁴⁵ Подберёзкин А.И. Военно-политические перспективы развития России в XXI веке. — М.: Издательский дом «Международные отношения», 2018. –1599 с.

¹⁴⁶ Военная стратегия, — М.: Воениздат, 1963. — С. 95.

¹⁴⁷ В основе этой стратегии лежит Указ В.В. Путина № 204 от 7 мая 2018 года «О национальных целях и стратегических задачах развития российской Федерации на период до 2024 года».

¹⁴⁸ *Подберёзкин А.И.* Военно-политические перспективы развития России в XXI веке. — М.: Издательский дом «Международные отношения», 2018. — 1599 с.

¹⁴⁹ Стратегическое сдерживание: новый тренд и выбор российской политики: монография / *А.И. Подберёзкин, М.В. Александров, К.П. Боришполец и др.* — М.: МГИМО-Университет, 2019. — 656 с.

¹⁵⁰ **Стратегическая обстановка (СО)** — совокупность факторов и условий, в которых осуществляется подготовка и ведение вооруженной борьбы. Определяется военно-политическим характером военного конфликта, экономическим состоянием сторон, количеством и качеством ВВСТ, численностью и составом ВС, их состоянием, военным искусством, решаемыми стратегическими задачами, условиями ТВД (СН).

¹⁵¹ *Моррис Ян.* Война! Для чего она нужна? — М.: Кучково поле, 2016. — С. 5–11.

¹⁵² *Кейтель В.* Размышления перед казнью. — М.: Вече, 2017. — С. 333–343.

¹⁵³ *Шапошников Б.М.* Битва за Москву. — М.: Яуза, 2018. — С. 13–14.

¹⁵⁴ *Снесарев А.Е.* Философия войны. — М.: Финансовый контроль, 2003. — С. 75.

¹⁵⁵ *Кокошин А.А.* Выдающийся отечественный военный теоретик и военачальник А.А. Свечин. — М.: МГУ, 2013. — С. 129.

¹⁵⁶ *Шелленберг В.* В паутине СД. — М.: Вече, 2018. — С. 55.

¹⁵⁷ *Моррис Ян.* Война! Для чего она нужна? — М.: Кучково поле, 2016. — С. 15–18.

¹⁵⁸ В работе над книгой («Битва за Москву» / *Б.М. Шапошников.* — М.: Эксмо: Яуза, 2018. — 640 с.) принимал участие большой коллектив Генерального Штаба РККА сразу же «по горячим следам». Книга была долгие годы по грифам «Секретно» и «ДСП».

¹⁵⁹ «Битва за Москву» / *Б.М. Шапошников.* — М.: Эксмо: Яуза, 2018. — С. 34–410.

¹⁶⁰ *Ильин И.А.* Пути России. — М.: Вагриус, 2007. — С. 234.

¹⁶¹ *Клаузевиц, Карл фон....* — С. 28.

¹⁶² **Коалиции** — коалиция (от лат. *coalitio* — союз) — добровольное объединение нескольких лиц (групп лиц) (например: государств, организаций, политических партий) для достижения определённой цели. В отли-

чие от других объединений, коалиции могут распадаться после достижения заявленной цели, а их члены не связаны иными обязательствами.

¹⁶³ **Блоки** (военно-политические) — (не всегда) добровольное объединение, на основе соглашения в нескольких областях — военной, политической, экономической и пр. Степень взаимодействия, доверия для каждого такого блока (союза) по многим причинам индивидуальна. Соглашения или договоренности могли и могут предусматривать совместные военные и политические действия, против соседей (противников) при возникновении любых политических или военных опасностей и предполагают тесное взаимодействие во всех сферах государств блока (союза) в мирное и военное время.

¹⁶⁴ **Союзы** — зд.: политическое, экономическое или военное объединение государств

¹⁶⁵ Стратегическое сдерживание: новый тренд и выбор российской политики: монография / А.И. Подберёзкин, М.В. Александров, К.П. Боришполец и др. — М.: МГИМО-Университет, 2019. — 656 с.

¹⁶⁶ Путин В.В. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации 1 марта 2018 г. //vo.garant.ru/#/basesearch//20марта%202018%20г.:0

¹⁶⁷ Успенский В. Тайный советник вождя. — СПб, 2017. — Т. 2. — С. 13.

¹⁶⁸ Атлас военной истории / пер. с англ. О.В. Сухаревой. — М.: АСТ Астрель, 2007. — С. 15.

¹⁶⁹ Стратегическое сдерживание: новый тренд и выбор российской политики: монография / А.И. Подберёзкин, М.В. Александров, К.П. Боришполец и др. — М.: МГИМО-Университет, 2019. — 656 с.

¹⁷⁰ Overextending and Unbalancing Russia: assessing impact of cost-imposin options. — Cal., RAND, 2019. — P. 39

¹⁷¹ В оригинале используются термины: «extended», «stress», «unbalanced».

¹⁷² Это изменение «формулы К. Клаузевица» о последовательности военных действий означало для многих на Западе получение возможности достижения непосредственного стратегического результата и политической победы, минуя стадию серии частных тактических результатов.

¹⁷³ Клаузевиц К., фон. «О войне». — М.: АСТ, 2019. — С. 27.

¹⁷⁴ Шапошников Б.М. Мозг армии. — М.: Об-во сохранения лит. Наследия, 2016. — С. 654.

¹⁷⁵ **Стратегический прогноз** — зд.: важнейшая часть стратегического планирования и государственного управления, предполагающая

разработку научно-обоснованных представлений об угрозах национальной безопасности и повышении эффективности способов и средств их преодоления.

¹⁷⁶ **Стратегическое планирование** — зд.: деятельность участников и органов стратегического планирования по разработке, целеполаганию, прогнозированию, планированию и программированию, а также реализации основных направлений деятельности Правительства и ФОИВ и иных планов в сфере обеспечения национальной безопасности.

¹⁷⁷ **Стратегическое программирование** — зд.: часть процесса стратегического планирования, которая заключается в разработке и реализации участниками государственных и муниципальных программ, содержащихся в документах стратегического планирования.

¹⁷⁸ **Государственное управление** — зд.: деятельность органов государственной власти по реализации своих полномочий в сфере социально-экономического развития Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности.

¹⁷⁹ ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» от 28 июня 2014 г. Ст. 3. № 172.

¹⁸⁰ **Система стратегического планирования** — механизм обеспечения согласованного взаимодействия участников стратегического планирования.

¹⁸¹ **Государственное управление** — зд.: деятельность органов государственной власти по реализации своих полномочий в сфере социально-экономического развития Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности.

¹⁸² Здесь и далее определения планирования даны в целом в соответствии с ФЗ № 172 «О стратегическом планировании в Российской Федерации» от 28 июня 2014 г.

¹⁸³ **Стратегический прогноз** — результат деятельности участников стратегического планирования по разработке научно обоснованных представлений о рисках социально-экономического развития, об угрозах национальной безопасности Российской Федерации, о направлениях, результатах и показателях социально-экономического развития РФ, субъектов РФ и муниципальных образований.

¹⁸⁴ ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» от 28 июня 2014 г. № 172. Ст. 45.

¹⁸⁵ ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» от 28 июня 2014 г. № 172. Ст. 45.

¹⁸⁶ **Документ стратегического планирования** — документированная информация, разрабатываемая, рассматриваемая и утверждаемая органами государственной власти РФ и субъектов страны, отвечающих за стратегическое планирование (Совет безопасности, Правительство РФ, министерства).

¹⁸⁷ *Аманда Ломазофф*. Всемирная история войн с древнейших времён до наших дней. — М.: Колибри, 2015. — С. 8.

¹⁸⁸ См. основные особенности развития современной ВПО: *Подберёзкин А.И., Харкевич М.В.* Мир и война в XXI веке: опыт долгосрочного прогнозирования международных отношений. — М.: МГИМО-Университет, 2015. — 581 с.

Глава II.
Основные субъекты, акторы
и тенденции формирования
военно-политической
обстановки

Это ваша игра, ваша геополитика.
Вам нет дела до Украины.
Вы хотите навредить России,
а Украина — только оправдание
И. Коломойский,
украинский политический
деятель и бизнесмен

Анализ и учёт развития основных факторов, формирующих МО и ВПО, — важнейшая часть национального стратегического прогноза и планирования, от точности которого зависит безопасность и эффективность развития государства, а иногда и само его существование. Для этого, как минимум, следует определиться с тем, какие основные факторы и тенденции оказывают влияние на формирование МО и ВПО, а какие можно не учитывать полностью, либо даже вообще игнорировать. Очевидно и то, что для этого необходимо понимать, как минимум, значение, «веса» этих факторов и тенденций.

Другими словами, необходимо определиться со структурой МО и ВПО и основными её составляющими, что отнюдь не является простым вопросом потому, что в настоящее время не существует устоявшегося мнения ни в ТМО, ни в прикладных исследованиях о том, какие факторы и тенденции следует учитывать в первую очередь, какие во вторую, какие по мере возможности, а какие вообще игнорировать.

До недавнего времени учитывались 8–10 факторов, оказывающих решающее воздействие на формирование МО. Как правило, это были государства-лидеры человеческой цивилизации в XVII–XX веках — Англия, Франция, Германия, Россия, Испания, Италия, США, Австрия, Пруссия, иногда и ряд других, менее значимых стран.

В периоды древней истории нередко такой анализ сводился вообще к противостоянию двух государств, например, Греции и Спарты, Греции и Персии, Египта и Вавилона, Римской империи и Карфагена и т. д. При этом в целом ряде периодов история Китая, Индии и целого ряда других государств вообще «выпадала» из истории развития человечества, что было, естественно, неверно.

Но по мере развития человеческой цивилизации происходило упорядочение международных и военно-политических отношений: стали формироваться некие системы («Вестфальская», «Российская империя», «Китайская империя» и т. п.), а затем появляться и усиливаться некие самостоятельные акторы — «Вест-индийская компания», «Русско-американская компания», Католическая церковь, Православная церковь и пр. религиозные и негосударственные организации и структуры, которые постепенно приобрели сильное влияние. Это влияние негосударственных акторов возросло с появлением и усилением партий различных общественных движений с конца XVIII века.

На формирование МО и ВПО, таким образом, к XX веку стали оказывать влияние самые разные факторы (субъекты и акторы) и разные тенденции — технологические, торгово-экономические и пр., о которых я писал ранее¹⁸⁹. Поэтому важен как прогноз развития МО и ВПО, так и прогноз развития основных факторов и тенденций, которые их формируют, например, демографии или науки и техники, не говоря уже о военных и социальных технологиях. Выше, в предисловии к этой работе, я коротко описал их в качестве простейшей модели МО и вытекающей из неё ВПО. В этой части работы необходимо рассмотреть эту модель и основные группы факторов, формирующих ВПО, подробнее. К сожалению, детальный анализ таких факторов и тенденций в научной литературе мне не известен, хотя то, что они существуют и оказывают влияние на состояние и развитие ВПО — не вызывает сомнений — есть только отдельные работы (ЦРУ, Комитета по национальной разведке США, ряда других), — где рассматриваются отдельные стороны будущего состояния МО и ВПО.

Проблема заключается в том, что используя абстрактную логическую модель развития того или иного сценария МО и ВПО или даже варианта этого сценария, требуется огромный массив самой свежей

информации, отражающей не только состояние, но и прогноз развития многих тысяч факторов и тенденций, что под силу только достаточно большому коллективу исследователей (однажды, кстати, нам почти удалось это сделать применительно к оценке состояния и прогнозу развития ВПО, но в этой работе были заняты достаточно длительное время сотни человек). На мой взгляд, такой подход к деталям даёт возможность адекватного анализа множества других, не учитывавшихся прежде факторов и тенденций, влияющих на формирование МО и ВПО.

Повторюсь, что несколько лет назад я предложил объединить эти факторы и тенденции в **4 основные группы**, где собственно субъекты¹⁹⁰ МО и ВПО составляют только одну такую группу (другая группа относительно независимых участников обозначена как акторы¹⁹¹), а в целом все эти группы представляют собой некую систему, которая лежит в основе модели МО.

Рис. 21. Основные группы факторов и тенденций, влияющих на формирование МО

Как видно из отображённой структуры МО, представляющей основные 4 группы факторов и тенденций, их взаимодействие и взаимовлияние (порой противоречивое) формирует в основном современное

состояние МО и закладывает самые общие основы для различных сценариев¹⁹² развития ВПО и их вариантов.

Важно подчеркнуть, что военно-политическая обстановка, как уже говорилось, соотносится с международной обстановкой в целом также как понятия «политика» и «война»¹⁹³, о чем ниже будет сказано подробнее, но принципиально важно отметить, что любой сценарий развития ВПО или даже его вариант неизбежно предопределяется тем или иным сценарием развития МО и даже их вариантами. Так, если сценарий развития МО (как будет показано ниже) конфронтационен, а его наиболее вероятный вариант ведёт к военно-силовому противоборству, то и сценарий развития военно-политической обстановки будет последствием развития этого сценария МО, а не независимым, искусственным сценарием.

При этом влияние такого важнейшего фактора — субъекта МО — как новые военно-политические центры силы и локальные человеческие цивилизации¹⁹⁴, формирующие отдельные широкие коалиции, на мой взгляд, становится в наше время решающим, хотя большинство политиков и экспертов этого и не хотят признавать, не смотря на периодически появляющиеся работы и заявления¹⁹⁵. В центре внимания по-прежнему остаются главные субъекты МО и ВПО — государства, хотя их роль постепенно становится менее значимой по сравнению с широкими цивилизационными коалициями, а иногда (как в случае с массовыми экстремистскими организациями) и по сравнению с отдельными акторами.

2.а). Государства как главные субъекты формирования военно-политической обстановки

Не смотря на радикальные изменения в характере формирования МО и ВПО, государства и ЛЧЦ пока что остаются главными субъектами международной политики. Особая роль государства как главного фактора, влияющего на формирование ВПО, объясняется тем, что:

- **Во-первых**, именно государство (и его важнейшие институты), а не общество и не вся нация, создаёт военную организацию государства¹⁹⁶. В настоящее время происходит процесс расширения толкования понятия «военная организация государства», в которое включаются уже не только «силовые институты», но и другие органы и организации, а также центральные, региональные и местные ветви власти. Процесс, очевидно, идёт в направлении движения от «Военной организации государства» к «Военной организации нации», в которую входят кроме институтов государства и институты общества, бизнес и персонально граждане. Так, огромное значение уже имеет творческий и интеллектуальный потенциал отдельных личностей, который обязательно будет аккумулироваться в военной организации страны. Кстати, опыт создания Государственного Комитета Обороны СССР в 1941 году свидетельствует, что мобилизация не только ополченцев и организация партизанского движения, но и рабочих в тылу имели решающее значение: в 1942 году, например, на заводах СССР было выпущено в 2,5 раза больше танков и самолётов, чем в Германии и странах-союзниках, а партизанское движение насчитывало более 1 млн. человек.
- **Во-вторых**, государство остаётся субъектом международного права и главным субъектом международных, экономических, финансовых и военных отношений. Сложившиеся международные институты и нормы дают любому государству-члену мирового сообщества изначально многие права, которые не имеют другие акторы. Появление многочисленных институтов, не государственных акторов, — неправительственных организаций, СМИ и пр., уже меняет эту реальность, но пока что ещё не до степени, когда она угрожает позициям государства. Так, террористические организации, захватившие власть на определённой территории, могут иметь все признаки государственности — армию, деньги, СМИ, институты власти т.д., — но, не будучи субъектами международного права и деятельности, они не станут государством. Тем более, не станут полноправными партнерами других государств. Опыт существования

непризнанных государств и правительств (Приднестровье, ДНР и ЛНР, Южной Осетии, Абхазии и др.) говорит в пользу того, что без мощной политической, военной и экономической поддержки извне, со стороны мощного союзника, такие государства не могут существовать.

Существует немало попыток количественно измерить мощь государства. Так, одна из наиболее авторитетных попыток заключается в использовании Сводного индекса национального потенциала¹⁹⁷, который использует средний процент шести различных мировых показателей. Показатели представляют демографическую, экономическую и военную мощь. Более поздние исследования, как правило, используют баллы CINC как более сконцентрированные на наиболее актуальных показателях, чем ВВП. Это до сих пор один из «самых известных и наиболее приемлемых методов для измерения национального потенциала». CINC учитывает лишь жёсткую силу и не может дать общую оценку национальной мощи.

Методология заключается в том, что каждый компонент индекса является процентом от общемирового значения.

Коэффициент=CINC =

Где:

- ⑩ TPR = коэффициент общей численности страны (total population)
- ⑩ UPR = коэффициент городского населения страны (urban population)
- ⑩ ISPR = производства чугуна и стали в стране (iron and steel production)
- ⑩ ECR = коэффициент потребления первичной энергии (energy consumption)
- ⑩ MER = коэффициент военных расходов (military expenditure ratio)
- ⑩ MPR = коэффициент численности армии (military personnel ratio)

Страны отранжированы по рейтингу по данным на 2007 год.

Таблица 4. СПИСОК первых 22 стран по рейтингу

Номер	Страна	CINC
1	Китай	.198578
2	США	.142149
3	Индия	.073444
4	Япония	.042675
5	Россия	.039274
6	Бразилия	.024597
7	Германия	.024082
8	Республика Корея	.023878
9	Великобритания	.021158
10	Франция	.018924
11	Италия	.017420
12	Турция	.014317
13	Пакистан	.013772
14	Индонезия	.013708
15	Иран	.013450
16	КНДР	.012925
17	Мексика	.012269
18	Украина	.011835
19	Испания	.011389
20	Саудовская Аравия	.010883
21	Канада	.010683
22	Египет	.009713

Этот рейтинг в принципе совпадает с широко разрекламированным рейтингом «Индекса военной мощи», который формируется по 55 критериям.

Таблица 5. Список первых 13 стран по рейтингу «Индекс военной мощи».

Номер	Страна	Индекс военной мощи
1	США	0,0615
2	Россия	0,639
3	КНР	0,0673
4	Индия	0,1065
5	Франция	0,1584
6	Япония	...
7	Южная Корея	0,1761
8	Великобритания	0,1797
9	Турция	0,2089
10	Германия	0,2097.
....		
13	Бразилия	0,2487

Как видно рейтинги не полностью совпадают: если, например, Россия по уровню государственной мощи относится на 5 место в мире, то по военной — на 2.

Таким образом, не только МО и ВПО влияют на субъект, но и политика конкретного субъекта влияет на условия формирования МО и ВПО. Именно поэтому государственное стратегическое планирование имеет огромное значение и влияние на безопасность. Практически это означает, что необходимо, как минимум, качественно и своевременно готовить предусмотренные ФЗ № 172 документы:

- Стратегический прогноз Российской Федерации¹⁹⁸;
- Прогноз научно-технологического развития¹⁹⁹;
- Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации²⁰⁰, который, к сожалению, имеет самую неудачную историю в России. Его оценки ложились в качестве основы в самые разные документы (например, Концепцию социально-экономического развития²⁰¹, принятую в марте 2008 года), но не подтверждались даже в краткосрочной перспективе.

— Документы (ФЗ, Указы, Распоряжения Президента РФ и постановления Правительства) в сфере обеспечения национальной безопасности²⁰², которые представляют собой различные не секретные и секретные нормативные документы, развивающие положения действующей в настоящее время Стратегии национальной безопасности Российской Федерации²⁰³. В Стратегии содержатся приоритеты, цели и меры в области внутренней и внешней политики, направленные на обеспечение безопасности страны, даётся оценка текущего положения и угроз национальной безопасности, определяются национальные интересы и приоритеты, а также содержатся основные показатели состояния национальной безопасности. Она является «базовым документом в области планирования системы обеспечения национальной безопасности Российской Федерации», а её концептуальные положения основываются на фундаментальной взаимосвязи и взаимозависимости со стратегией социально-экономического развития»²⁰⁴.

Основные положения Стратегии конкретизируются в отдельных документах стратегического планирования РФ. Речь идёт, прежде всего, о Концепции внешней политики Российской Федерации, Военной доктрине Российской Федерации, Доктрине информационной безопасности, Морской доктрине, Концепции воздушно-космической обороны и пр.²⁰⁵

Как видно даже из перечня документов стратегического планирования, в России разработана система мер, которая должна в принципе обеспечить высокий уровень государственного управления в области безопасности на высоком научном уровне, включая и такую область, как военное искусство, о которой говорил ещё в своё время видный русский военный теоретик А.А. Свечин: «Мы склонны понимать под наукой всякую систему знаний, облегчающую нам понимание жизни и практики. Под такое широкое понимание науки, несомненно, подходит теория военного искусства, в том числе и стратегия»²⁰⁶.

Другими словами, можно констатировать, что в России на научной основе была разработана система мер (оформленная в документах стратегического планирования), которая должна была обеспечить высокий уровень эффективности государственного управления

в области социально-экономического развития и обеспечения безопасности. Однако этого до настоящего времени не произошло. Как известно, последние 10 лет темпы социально-экономического развития фактически остались на нулевой отметке, а уровень национальной безопасности, определяемый не только уровнем военной безопасности, но и другими объективными критериями, сформулированными в документах стратегического планирования, — остаётся не высоким. Как мне представляется, по двум основным причинам.

- **Во-первых**, целенаправленный развал государства и его институтов, который был начат в конце 80-х годов А. Яковлевым (открыто призвавшим «бороться с этатизмом») и М. Горбачевым, привёл к краху всей системы государственного управления СССР и России, который медленно преодолевается до настоящего времени. Иными словами, глубина падения в период 90-х годов не позволяет до сих пор преодолеть последствия такого падения.
- **Во-вторых**, эффективность управления зависит от идеологии, которая формирует общенациональное целеполагание²⁰⁷, чего до настоящего времени не произошло. Отсутствие идеологии развития очень трудно компенсируется частными решениями и «ручным управлением» в том числе и потому, что сама по себе любая идеология является не только системой взглядов, но и механизмом эффективного управления. Мы сами лишили себя этого механизма и до сих пор пытаемся сконструировать его симулякры в виде разного рода инициатив, программ и посланий.

Наконец, объективно существует мировая тенденция «замещения институтов государства общественными, не государственными, институтами. Эта тенденция проявляется и в России, но её влияние в настоящее время сдерживается, в том числе, и тем обстоятельством, что разрушенные общественные и экономические связи и институты государства требуют быстрого восстановления, что требует консолидации усилий всего общества и государства. В том числе и в области изучения проблем безопасности, где российская военная наука во многом (по оценке министра обороны РФ С.Б. Иванова в 2004 году) «не смогла преодолеть ведомственной замкнутости»²⁰⁸.

В том числе и усиления функций государственных институтов. Мировой опыт показывает, что послекризисное восстановление происходит быстрее при использовании достаточно авторитарных методов управления.

Примечательно, кстати, что разработка документов в сфере обеспечения национальной безопасности требует общественной независимой экспертизы (в порядке, установленном Президентом РФ)²⁰⁹, что не делается (во всяком случае, регулярно), хотя различные общественные советы и привлекаются к работе.

Таким образом, можно говорить, что объективные тенденции ведут к ослаблению роли государства, но в России они проявляются менее заметно, чем в других странах. Тем не менее, как представляется, через 20 или 30 лет ведущая роль государства для осуществления функций безопасности не исчезнет. Она может изменяться, от государства могут уходить ряд функций, или же добавляться новые, но системно особых перемен, как представляется, ожидать сложно, пишет Андрей Фролов, главный редактор журнала «Эксперт вооружений», спикер специальной сессии «Война будущего: к чему готовиться?». «Отчасти такое положение вещей связано с тем, что само военное дело, по сути, остаётся тем же самым, что и тысячи лет назад. Другими словами, один человек, так или иначе, хочет нейтрализовать другого человека из противостоящего лагеря. Вопрос только в том, как это будет происходить технологически. Государство не сможет остаться в стороне от этого, так как столкновения будут либо происходить на их территории, либо с участием их граждан».

Кроме того, одним из индикаторов сохранения государства в сфере безопасности могут служить оборонные программы, которые с каждым годом в силу роста стоимости разработки, стоимости закупки и обслуживания новых систем вооружений становятся всё более долгосрочными. Именно государство в лице своей правящей элиты принимает принципиальные, порой масштабные решения, иногда основанные на оценке и воле лидеров. Многочисленные примеры администрации Д. Трампа свидетельствуют не только о желании, но и о реальных возможностях американского государства управлять развитием экономики и политики не только в стране, но и в мире. Особенно

яркий из них — программы развития технологий и промышленности, разработанные по прямым указаниям Д. Трампа 300 межведомственными группами²¹⁰.

В качестве примеров можно привести программу разработки американского истребителя пятого поколения F-35, которая началась в 1996 году. Изначально предполагалось осуществлять закупки самолёта до 2035 года, а эксплуатацию — до 2070 года. В настоящее время, например, программа F-35 корректируется, но отнюдь не исчерпала себя, несмотря на некоторые неудачи. Самая главная проблема соотношения цены и эффективности F-22 и F-35, которые по стоимости близки к их золотому «эквиваленту» по весу. Другая проблема — огромные эксплуатационные расходы, когда один час полёта стоит десятки и сотни тысяч, а обслуживание — миллионы. Наконец, сохраняются проблемы с износостойкостью покрытия.

Похожая ситуация и в России, где в мае 2019 года В. Путин объявил о том, что численность произведённых СУ-57 будет увеличена с 16 до 76 единиц (надо отметить, что только во втором десятилетии в России стали строиться и модернизироваться не единицы, а десятки самолётов в год. Достаточно сказать, что всего гражданских лайнеров строится порядка 30 ежегодно, тогда как в начале «нулевых» — 1–2). Насколько эта идея вызвала споры свидетельствует развязавшаяся сразу же дискуссия. В основном возник вопрос цены СУ-57, ведь стоимость F-22 и F-35 составляет сотни миллионов долларов.

В США не верят в то, что 76 российских новейших истребителей пятого поколения Су-57 могут стоить «всего 170 млрд. рублей», в действительности они стоят «значительно дороже». Там убеждены, что за названную сумму в 170 млрд. рублей (2,63 млрд. долларов) российские военные закупят только первую партию в 16 истребителей Су-57, а на остальные 60 машин будут выделены дополнительные средства. Таким образом, стоимость одного нового истребителя Су-57 составит 164 млн. долларов за одну машину, что более соответствует цене самолёта пятого поколения, чем «заявленные» 34 млн. долларов.

Приведённый пример свидетельствует об огромной стоимости современных вооружений, что гарантирует то, что роль государства в организации фундаментальной науки, НИОКР, закупок ВВСТ и их мо-

дернизации будет оставаться главной и в будущем, по меньшей мере, до 60–70-х годов нынешнего века. Именно государство планирует и инвестирует в фундаментальную науку и НИОКР, фактически обеспечивает развитие новейших технологий и промышленности. Частный бизнес в этой области всегда имел второстепенное и даже третьестепенное значение (хотя именно на него пытались делать ставку либералы в России). В очередной раз это продемонстрировал Д. Трамп, который в 2017 году специальным указом поручил 300 межведомственным рабочим группам разработать программу промышленно-технологического развития США, опираясь преимущественно на государственное финансирование науки и НИОКР, прежде всего, в военной области²¹¹. Осенью 2018 года эта масштабная программа была принята, что немедленно отразилось на увеличении военных расходов США на 2019 ф.г. Прежде всего на НИОКР и разработку новейших технологий.

Ситуация немногим отличается в России, где в 2018 году принята Государственная программа вооружения на период до 2027 года, которая в части НИОКР задаёт горизонт жизненного цикла перспективных вооружений до 2040–2050 годов²¹². Масштабы НИОКР, естественно, в десятки раз меньше, но их доля в военных расходах и запланированность на долгосрочный период, по сути, такие же.

Именно государство, или группа государств, как представляется, есть и будет единственным источником развития военных технологий. С одной стороны, государство будет формировать спрос на новые технологии, с другой стороны, оно единственное, кто сможет финансировать новые разработки.

Подобного рода расходы в настоящее время не сможет обеспечить ни один из негосударственных игроков, или даже квазигосударств. Например, на вершине побед «Исламского государства», весь годовой бюджет данной структуры оценивался в 900 млн. долл., а месячная «прибыль», соответственно, в размере порядка 80 млн. долл. Очевидно, что выделить значительные средства для разработки вооружений, а также их закупки, даже оставляя за скобками техническую и научную базу, негосударственные образования просто не в состоянии.

Также не оставляет сомнений и тот факт, что государство не отдаст «на откуп» частному бизнесу разработку и продвижение «опасных»

технологий, и их распространение будет контролироваться либо через сами предприятия (посредством государственного участия в акционерном капитале или руководстве компании) или путём поддержания или создания режимов контроля (например, экспортный контроль).

Наконец, важным фактором будущего государства (по крайней мере, развитых стран западного мира, являющихся драйверами военно-технологического развития, и в какой-то мере — Китая) в части военного дела станет относительно недавнее явление — рост социальных обязательств.

От государства, его возможностей, зависит будущая безопасность нации. Поэтому реальные экономические возможности страны стали критерием её будущей обороноспособности, а они в настоящее время — ниже среднемировых, если их измерять по душевому ВВП. И динамика несколько лет отнюдь не улучшается²¹³.

Этот же пример в принципе относится в полной мере ко всем странам. Те события, которые подтверждают эту гипотезу (БРЕКЗИТ, кризис ЕС, демонтаж двусторонней системы отношений Трампом и пр.), еще не привели к окончательному политическому и практическому признанию новой роли ЛЧЦ и центров силы в качестве основ будущих коалиций и полюсов противоборства. Центр дискуссии также далёк от адекватной оценки политической и военной роли ЛЧЦ, как он был и в конце 90-х годов, когда С. Хантингтон сформулировал эту проблему²¹⁴. Однако, всё это не меняет ни сути, ни направленности процесса.

Это признание неизбежно наступит в ближайшем будущем по самой простой причине — множество событий уже не может быть объяснено и спрогнозировано в рамках отношений только между субъектами МО и ВПО, не учитывающих решающей роли военно-политических коалиций ЛЧЦ. Но для этого необходимо инициировать практические дискуссии, а не очередные псевдоаналитические споры о «многополярности».

К сожалению, должен признать, что в нынешнее время мы бесконечно далеки в своих дискуссиях в области внешнеполитической и военной теории от уровня дискуссий, проходивших в СССР в 20-е и даже в 30-е годы прошлого века²¹⁵. Думается, что публичные споры по телеви-

дению «диванных стратегов» или парадные научные конференции, организованные МО, мало чему помогают. Редкие книги, доклады и статьи, а также НИР, подготовленные в интересах военной безопасности, в целом не решают проблемы — военно-политическая мысль в России серьёзно отстает от политических и технологических реалий.

Ситуация немногим отличается и в ОПК России — в прошлом году принята Государственная программа вооружения на период до 2027 года, которая в части НИОКР и военной промышленности задаёт горизонт жизненного цикла перспективных вооружений до 2040–2050 годов.²¹⁶ Проблема однако, в том, насколько адекватно эта программа отражает сегодняшние, а тем более будущие военно-политические реалии?

Наконец, важным фактором для будущего государства (по крайней мере, развитых стран западного мира, являющихся драйверами военно-технологического развития, и в какой-то мере — Китая) в части военного дела станет относительно недавнее явление — рост социальных обязательств. Очевидно, что растущие военные расходы объективно негативно влияют на возможности государств расширять социальные обязательства. Тем более в усиливающейся негативной военно-политической обстановке, которая требует мобилизации всех национальных ресурсов. Но насколько готовы к этому не только правящие элиты, но и сами общества развитых государств, которые привыкли к тому, что в последние годы их военные расходы занимали относительно скромные доли ВВП (нередко менее 1,5%).

Взаимосвязь военной и социальной безопасности объясняется необходимостью сохранения внутривнутриполитической стабильности, которая стала основной целью силового и военного противоборства между государствами в XXI веке. Это объясняет, например, что стратегический курс России в 2018 году (до 2024 года) был обозначен в Указе В.В. Путина как «прорывное научно-технологическое и социально-экономическое развитие»²¹⁷.

И последнее. По порядку, но не по значению. Только государственные органы принимают решения о начале войны и использования ОМУ. Только государственные органы ведут переговоры по всем аспектам международной безопасности, в особенности тем, за которыми

стоят ограничения и сокращения вооружений, военной деятельности или укрепления стратегической стабильности. Причём, как правило, на самом высоком уровне. И они никому не делегируются. Мнение общественности и экспертных кругов очень важно, но не является решающим.

Таким образом, логика «сценария наихудшего варианта» для европейской безопасности демонстрирует, что в Европе обычные вооружения оказываются встроенными в «цепочку» возможной эскалации конфликта вплоть до ядерного и становятся составной частью формулы стратегической стабильности. Возможность такого развития событий акцентирует насущную необходимость разведения обычных потенциалов сторон на значительно большую дистанцию, чем та, которая образовалась в результате размещения вблизи российской границы четырёх так называемых тактических батальонных групп НАТО. В случае начала позитивной динамики в этом вопросе в дальнейшем нельзя исключать и договорённостей о создании специальных «разреженных зон» — районов пониженной военной активности и концентрации вооружений вдоль границы России и НАТО. Предложения на этот счёт в российской экспертной среде делались. Этой цели могло бы также послужить и возрождение процесса контроля над обычными вооружениями в Европе (КОВЕ)²¹⁸, идеология которого, унаследованная от переговоров по ДОВСЕ, на взгляд некоторых экспертов, жива.

Обозначая основные вехи, определившие нынешнее состояние КОВЕ, необходимо отметить серию переговоров о взаимном сокращении вооружённых сил и вооружений (Mutual and Balanced Force Reductions, MBFR) между государствами НАТО и ОВД, которые начались в период разрядки международной напряжённости в 1973 г. и поначалу были направлены на сокращение вооружённых сил исключительно в Центральной Европе²¹⁹.

Сегодня значительное беспокойство сторон вызывает снижение ядерного порога, получившее своё отражение в военных доктринах, что, очевидно, подрывает стратегическую стабильность. Недвусмысленное указание на это, причём применительно к Европе, появилось в последнем «ядерном обзоре» США.

Отдельную и пока что не оцененную должным образом опасность дестабилизации несёт с собой появление принципиально новых технологических возможностей, видов и систем вооружений, лазерного, роботизированного, гиперзвукового и т. д. Судя по всему, человечество вплотную подошло к новому этапу качественной гонки вооружений, когда в относительно короткий период времени — 10–15 лет — произойдёт фактически полная замена всех ВВСТ.

Этот развитие неизбежно будет иметь своим следствием опасные изменения в области военного искусства, когда будут появляться новые возможности (или их иллюзии) для нанесения «первых», «разоружающих» и прочих «победных» ударов. Это ещё больше сокращает запас времени, отведённый на реанимацию системы ограничения и сокращения вооружений применительно к европейскому континенту.

2.б). Локальные цивилизации и военно-политические коалиции как основные субъекты формирования военно-политической обстановки

Национальная военная стратегия представляет
обзор угроз и детали того, каким образом наши
Объединенные силы смогут обеспечить безопасность
нам, нашим союзникам и друзьям²²⁰
Национальная военная стратегия США, 2015

Политика безопасности США основывается на двух важнейших принципах, которые никогда и никем в стране не ставятся под сомнение: военно-технологическое превосходство ВВСТ и ВС, во-первых, и устойчивость созданной ими военно-политической коалиции, в которую на разных условиях входит в настоящее время более 60 государств, во-вторых. Именно последнее условие, которое всячески укрепляется всеми представителями истеблишмента США, говорит

о существовании широкой военно-политической коалиции, основанной на системе американских ценностей и норм.

Нельзя сказать, что эти тенденции остаются абсолютно не замеченными, но то, что они недооцениваются, — очевидно. Так, вспоминая прогноз активного автора идеи конфликта цивилизаций С. Хантингтона, американский профессор Грэм Эллисон пишет в «Форрин Аффеарс»: «он (С. Хантингтон) в 1993 году в известной статье «... доказывал, что культурный водораздел не только не растворится в мировом либеральном порядке, но и станет определяющей чертой после окончания холодной войны»²²¹. При этом С. Хантингтон предсказывал не только конфликт Запада с исламской цивилизацией (который уже произошел), но и с китайской (который еще только начинается). В любом случае, как считал С. Хантингтон, «само представление о существовании «всеобщей цивилизации» — западная идея, которая прямо противоречит партикулярному большинству азиатских обществ...»²²².

Действительно, в мире существует, как минимум, несколько значимых локальных человеческих цивилизаций, которые создают основу, каркас, современной МО даже в том случае, когда одна из них считает себя вправе претендовать на ведущую роль. Таким образом, выстраивается простая, но строгая логическая зависимость в формировании МО, определяющая во многом не только ВПО, но и судьбу современных государств:

- Формирование системы МО предопределяется развитием и отношением между локальными человеческими цивилизациями, их соотношением сил и новыми центрами силы;
- Формирование ВПО, как известно, предопределяется существующей в тот или иной период времени системой МО, её состоянием и отношением между её субъектами (прежде всего, ЛЧЦ²²³ и их коалициями);
- Внешние условия развития отдельного субъекта ВПО — государства — изначально в решающей степени предопределены существующей ВПО. Так, если обратиться к истории Европы 30-х годов, то не только будущее Франции, Австрии, Чехословакии и целого ряда других государств континента, но и будущее стран других континентов было предопределено состоянием ВПО, на

которое решительное влияние оказывали Германия, Великобритания и СССР. И, наоборот, будущее «европейской нации» и целого ряда других государств и народов, целых ЛЧЦ, зависело от развития ВПО и политики коалиций.

Иными словами, во многом формирование и развитие тех или иных ЛЧЦ и их коалиций прямо сказывается, в конечном счёте, на судьбе государств и народов. От этого зависит, например, не только социально-экономическое развитие страны, но и суверенитет, а, в конечном счёте, национальная идентичность и само существование нации и государства²²⁴.

Если говорить о более конкретных областях влияния, то изначально следует сформулировать решающее влияние военно-политической обстановки, как минимум, на три такие важнейшие области существования и развития нации и государства:

- на условия и темпы социально-экономического развития²²⁵;
- на сохранение (ослабление, укрепление) суверенитета государства;
- на сохранение (развитие, размывание) национальной идентичности, существование, в конечном счёте, самой нации.

Именно влиянием внешних условий на будущее государств и наций объясняется исключительная важность вопросов обеспечения военной безопасности. Эти очевидные, даже банальные истины, однако, далеко не всегда учитываются в практической политической деятельности власти, которая нередко недооценивает, либо вообще игнорирует решающее влияние внешних условий развития, как это было не только в СССР в 80-е и в 90-е годы, но уже и в нашем столетии. Так, в годы правления М.С. Горбачёва вопросы безопасности нации вообще не рассматривались в качестве приоритетных, даже термин такой не использовался, а при Б.Н. Ельцине вообще пришли к выводу (зафиксированному в первой редакции Концепции национальной безопасности РФ) о том, что «России никто не угрожает». Главная угроза, о которой говорил С. Хантингтон, доминирование Запада, как цивилизации и военно-политического союза, над нарождающимися другими центрами силы, — оставалась вне внимания российской элиты.

«Традиция» какое-то время продолжалась по инерции и при В.В. Путине, например, социально-экономическая концепция развития России (март 2008 г.), которая стала основой для многих последующих концепций и стратегий, вообще не учитывала влияние внешних факторов, ограничившись попытками угадать цены на энергоносители. Во многом именно поэтому она быстро умерла при изменении внешних условий развития России в 2008–2011 годах. Кризис, быстро разваливший «островок благополучия» в виде России, на самом деле продемонстрировал огромную сырьевую и политическую зависимость нашей страны от Запада.

В целом можно сказать, что период 1987–2008 годов для России был периодом тотальной недооценки значения внешних опасностей и угроз, последствия которого среди части правящей элиты страны ощущаются и сегодня. «Мюнхенская речь» В. Путина стала своего рода попыткой назвать вещи реальными именами, попыткой, которая насто-роженно была встречена извне и «родными» либералами. Более того, вплоть до недавнего времени (вплоть до 2014 года) в правящей элите России почему-то доминировало мнение о том, что «для России сложились уникально-благоприятные внешнего условия развития»²²⁶. Это мнение стало меняться, но до сих пор значительная часть правящей элиты и обслуживающей её экспертной части, остаётся поклонниками западной ЛЧЦ, что в нынешних условиях означает готовность к той или иной форме капитуляции.

Есть все основания полагать, что подобная недооценка роли ЛЧЦ и их коалиций прежде и попытки (уже в несколько иной форме) проташить игнорирование вопросов безопасности в российскую политику объясняются именно тремя ключевыми последствиями для развития нации и государства. Об этом очень важно помнить сегодня, каждый раз вспоминая напутствие В.В. Путина. Указ № 762 от 31 декабря 2015 г. «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации».

Во втором десятилетии нового века, между тем, МО и ВПО для России резко изменились в негативную сторону, что, кстати, вплоть до 2014 года также игнорировалось не только учёными, но и политическими деятелями. Одним из ярких феноменов международной жизни уже с конца XX века становится нарастающее военно-силовое проти-

воборство (недооценивавшееся повсеместно в России) между различными субъектами МО, представляющими разные системы ценностей, на основе которых формируются новые нормы, правила и корректируются интересы отдельных представителей человеческой цивилизаций, которые (впрочем, очень условно) стали называть с конца прошлого века локальными человеческими цивилизациями²²⁷.

Именно после того, как с конца прошлого века США и в целом Западу, удалось установить контроль над созданными ими финансово-экономической и военно-политической системами в мире, они перешли к коалиционной политике защиты своего контроля над этими системами с помощью силы, включая военную силу. Это привело неизбежно к формированию широкой прозападной военно-политической коалиции, в основе которой находились не только военные возможности США и НАТО, но и другие возможности и потенциалы государств — членов коалиции, в которую в разное время входили от 60 до 65 государств, разделяющих политические интересы (а иногда и ценности) Запада.

По мере ускорения развития — экономического, демографического, технологического, военно-политического и иного — других крупных государств, прежде всего Китая, Индии, России, Бразилии, а также Пакистана, Индонезии и др. — они стали создавать свои коалиции, которые объединялись, прежде всего, на цивилизационной, а также военно-политической основе вокруг стран-лидеров ЛЧЦ. Этот процесс в 2018 году находился в самом разгаре.

Таким образом, я утверждаю, во-первых, что нарастающее военно-силовое противоборство объективно выдвигает на первый план в формировании ВПО в качестве ведущих субъектов ВПО не только государства-лидеры, но и ЛЧЦ, новые центры силы и их военно-политические коалиции, чьё влияние на формирование ВПО в мире стремительно становится решающим. Так, в Сирии, например, в разное время и в разных (преимущественно трех) формах участвовало более 50 представителей разных субъектов — членов западной ЛЧЦ и военно-политической коалиции. Учёт этих факторов, прежде всего, создание широких коалиций, представляется обязательным с точки зрения реализации практической политики России по стратегическому сдерживанию²²⁸.

В то же самое время, во-вторых, этот аспект остаётся часто незамеченным, оставаясь в тени теоретизирующих о наступающей «многополярности» политиках и учёных. Его игнорирование ведёт к непониманию основной тенденции и наиболее характерной черты современной ВПО, что, в свою очередь, отражается на политике безопасности России. США — лидер западной военно-политической коалиции, которая стала решающим фактором в современном мире, а противостояние ей еще только набирает силу. Такие оппонирующие силы как, например, БРИКС или ШОС ещё только оформляются в качестве военно-политических факторов, что хорошо продемонстрировал, например, последний саммит БРИКС в июле 2018 года в ЮАР.

В своих действиях и реальной политике США пытаются не просто укрепить, но и переформатировать в направлении усиления своего влияния, существующую западную военно-политическую коалицию, которая, по их мнению, должна проводить солидарную и системную политику как в области «силового принуждения» России (санкций и других силовых мер), так и по отношению к другим центрам силы, прежде всего, КНР²²⁹.

Недооценка степени коалиционности, являющейся высшим приоритетом внешней политики США, вводит в заблуждение. Так, например, у части правящей элиты нашей страны всё ещё сохраняются иллюзии относительно перспектив российско-американских отношений даже тогда, когда представители США откровенно отрицают любые такие перспективы²³⁰. Либо, когда недооценивается политика США по созданию широкой военно-политической коалиции на основе двусторонних отношений, включающей укрепление военно-политических отношений США с более 60 и даже 70 государствами.

Это нарастающее военно-силовое противоборство со стороны США стало ответной реакцией на процессы глобализации и универсализации в интересах западной, наиболее развитой в экономическом отношении, части человечества, а также, в свою очередь, следствием стремительного изменения в соотношении экономических сил и мощи человеческого капитала отдельных ЛЧЦ и других показателях государственного могущества. Угроза мир-системе²³¹, созданной по

западной нормам, прежде всего, в финансово-экономической и военно-политической области, стала рассматриваться на Западе как цивилизационная угроза, требующая силовой реакции. Причём по самому широкому фронту противоборства с ЛЧЦ — исламской, российской, китайской и других²³².

Но не только эти причины стали толчком к усилению противоборства между разными ветвями человеческой цивилизации. Нарастающее противоборство между ЛЧЦ стало прямым следствием провала одного из важнейших направлений в глобализации, проводимой Западом, — мультикультурности, — которая вела к потере национальной идентичности и суверенитета государств в XX веке, их превращению в зависимые придатки США как лидера Запада, уже не только политически, но и социально-экономически, культурно-информационно. Возникла прямая угроза идентичности и суверенитету, которую уже не смогли игнорировать не только представители других ЛЧЦ, но и некоторых наций, которых успешно интегрировали в западную ЛЧЦ — Великобритании, Венгрии, Германии, Франции, Италии и ряда других. В том числе и с точки зрения осознания происходящих процессов в мире, говоря словами С. Хантингтона, «Картина всеобщей и недифференцированной анархии даёт нам мало ключей к пониманию мира...»²³³.

В результате развития этих тенденций со второго десятилетия в политической области начался процесс возвращения к политике «наций-государств», существовавшей до этого на всей протяженности человеческой истории, но уже не в столь традиционной форме, а, скорее, в форме создания коалиций. Эта политика стала концентрироваться вокруг национальных систем ценностей и их продвижения, в том числе и силового, во внешний мир. Как справедливо отметил А.В. Щипков, «Мультикультурность отправили в утиль не потому, что мигранты оказались трудновоспитуемыми, а потому, что в мировой политике пришло время кардинального поворота и переоценки ценностей. Глобальный проект достиг своих пределов и был поставлен под сомнение. Начался откат — разумеется, на условиях и к выгоде глобализаторов, которые намерены поколебать основы миропорядка «сверху», пока они не поколебле-

ны «снизу». Для этого они вынуждены «поджигать» мировую периферию»²³⁴.

2.в). Группа цивилизационных и информационно-когнитивных факторов формирования военно-политической обстановки

Современное состояние МО и ВПО невозможно адекватно оценить, если не признать, что в самых различных аспектах они формируются под сильнейшим влиянием междоцивилизационной борьбы не только за защиту, но и за продвижение и отстаивание своих национальных систем ценностей во внешнем мире. Это формально закреплено в основных документах внешней политики и безопасности США, принятых с декабря 2017 года администрацией Д. Трампа. При этом возвращение к политике, в основе которой лежит приоритет национальных ценностей и интересов, характерное для политики администрации Д. Трампа, происходит в расчёте на возможность военно-силового решения большинства проблем, становится главной особенностью современной МО и ВПО. При этом национальные (и цивилизационные) ценности имеют даже более важное значение, чем собственно государственные интересы, которые становятся одной из частей этой системы ценностей²³⁵.

Сказанное в отношении приоритетов систем цивилизационных ценностей, имеет самое прямое отношение к современной реальной внешней и военной национальной политике, более того, лежит в их основе, но, как, ни странно, нередко не вполне учитывается, уступая место и внимание при осуществлении политических мероприятий на практике анализу и оценке исключительно государственных интересов. Очень часто значение систем ценностей и созданных на их основе норм и правил оказывается сильнее частных интересов. — Т. е. категория «интересы и ценности» не вступает в противоречие, но в ней происходит смена приоритетов в пользу ценностей. Именно так

произошло, например, ко второму десятилетию нового века в ЕС, где конфликт «интересов-ценностей» привёл к выходу Великобритании из ЕС.

Но, это, же стало и общей тенденцией не только для западной ЛЧЦ, но и всех других ЛЧЦ, где, например, как в России, система национальных ценностей стала не просто быстро возрождаться, но и влиять на систему национальных интересов (особенно, когда те понимаются в узкогрупповом контексте).

Недооценка значения военно-коалиционной «борьбы за продвижение национально-цивилизационных систем ценностей» в реальной политике чрезвычайно опасна, ибо не даёт иногда возможности правильно расставить политические приоритеты²³⁶. Например, в оценке внешних угроз и опасностей: как считают на Западе, если противоречия между коммунистами и капиталистами рассматривались как преодолимые в некоторых случаях, то цивилизационные противоречия американцев с русскими, как считал С. Бжезинский, — нет. «Европа и Россия» рассматривались на протяжении веков как прямая противоположность. Более того, возможность выживания и развития «Европы» нередко рассматривалась только в результате ликвидации русской идентичности. «Украина — не Россия!» — только один из элементов такой политики. Подобный посыл, в частности, лежит в основе политики санкций США по отношению к России, которые на самом деле включают не столько экономические и финансовые меры, но и, как следует из принятого в августе 2017 года закона в США, «очень широкий комплекс мер, направленный на противодействие России в Европе и Евразии».

Так, если посмотреть на известное справочное издание ЦРУ «Книгу фактов о мире», то вы обнаруживаете много интересного относительно России. Например, она воспринимается как «Центральноазиатская» держава, которая была «основана в XII веке норманнами». — Т. е. главная современная проблема «раздела европейской идентичности» между Западом и Востоком решается просто: русских лишают права называться европейцами, изначально определяя их в разряд наследников хазар²³⁷, а историю православного государства произвольно сокращают на 200 лет. Умышленно «забывается» не только то, что ещё в IX веке Русь подписала почетный мир с крупнейшей и самой

могущественной в то время во всём мире державой Европы — Византией, но и то, что ареал расселения славян начинался в то время от границ северной Италии и центральной Германии, а православие было признано на Руси одновременно с приходом христианства в Польшу, Данию, Норвегию.

Подобные цивилизационные послы, присутствуют не только в справочнике ЦРУ, претендующем на всеохватывающую точность информации, но и в реальной политике США. Не случайно то, что наиболее «лояльные» США союзники по коалиции — Польша, Канада, страны Балтии, Украина и др. — регулярно поднимают вопрос в СМИ, парламентах и общественных дискуссиях о необходимости, так или иначе, разделить Россию на «автономные» и «независимые» государства, тем самым выводя вопросы из псевдонаучной области в область практической политики.

Более того, на официальном сайте ЦРУ на карте России «забыли» всю Восточную Сибирь и Дальний Восток России. Это так, как если бы мы показали карту США без Калифорнии и других западных штатов, а юг страны приписали Мексике. Иными словами, изначально вносится настойчивая корректива в российскую идентичность, имеющая вполне определённую политическую направленность: заранее, изначально лишить российскую нацию европейской истории и территории, что позже вскоре обязательно потребуется для «обоснования» политического, экономического и дипломатического действия против её суверенитета и идентичности.

А.В. Щипков справедливо пишет, что «в таких условиях мир архаизируется и возникает новый запрос на идентичность и традицию. Вот что на самом деле имела в виду фрау Меркель. Переоценка ценностей уже происходит. Одним из её итогов стал «коричневый» переворот в Киеве и фактическая реабилитация фашизма западными элитами.

Идентичность принято определять через «квадрат идентичности» — набор известных параметров: язык, конфессия, культурная принадлежность, общая историческая судьба. Но если перевести смысл понятия «идентичность» на язык психологии, получится нечто вроде коллективной Я-концепции — то есть ответа общества на

вопросы «кто мы, откуда и куда идём?», «Осознание своей исторической миссии»²³⁸. Именно это и стало в центре борьбы между националистами на Украине и большинством населения.

Политическое и военно-политическое значение борьбы за сохранение и продвижение национальных систем ценностей определяется тем, что сегодня в политическом споре выигрывает тот, чья **идентичность более прочна и устойчива**. И наоборот: кризис идентичности ведёт сначала к утрате геополитических позиций в мире, а затем и суверенитета. Потеря суверенитета (даже частичная) ведёт к размыванию идентичности. Об этом отчётливо и не раз напоминал ещё в первой половине XX века И. Ильин.

К сожалению, мы забываем о том, что идентичность и суверенитет могут не только сохраняться, но и размываться, и уничтожаться. Представителей целых наций, как оказалось, могут в наши дни достаточно быстро «перепрограммировать» в нужном направлении, более того, даже сделать противниками собственных наций. Также как в средние века славянских мальчиков-мамлюков сделать элитой мусульманского общества. Иными словами, военно-политический решающий результат может быть получен не только как итог победы в войне, но и силового навязывания ложной идентичности (как на Украине), либо силового, но и невоенного, принуждения правящей элиты (как в России в 90-е годы) к отказу от суверенитета. Что уже болезненно ощущается политическими лидерами. Как сказал в своём послании ФС РФ 1 марта 2018 года В.В. Путин, «постоянная устремленность в будущее, сплав традиций и ценностей обеспечили преемственность нашей тысячелетней истории»²³⁹.

С военно-политической точки зрения, характеризуя современную ВПО, можно констатировать, что государства и нации поставлены перед очень жёстким выбором: сохранить идентичность и суверенитет, либо интегрироваться в чужую систему ценностей и национальные интересы, лишившись своих. На деле это означает, что разные части правящих элит по-разному могут воспринимать угрозы суверенитету и идентичности. Так, в России, например, депутат С. Юшенков во второй половине 90-х годов не раз требовал на пленарных заседаниях Государственной Думы разрешить распространить влияние НАТО

«до Тулы». Его поддерживали (и сегодня тоже поддерживают) влиятельные либералы, находившиеся в то время у рычагов реальной власти. Есть и сегодня такие влиятельные группы правящей российской элиты, которые готовы капитулировать перед Западом под угрозами санкций, либо вообще добровольно отказаться от идентичности, суверенитета и прав, надеясь, что того, что оставит им Запад, вполне хватит для существования²⁴⁰. Борьба между и внутри этих групп — внешнеполитическая и внутривнутриполитическая — становится основным лейтмотивом в отношениях не только между ЛЧЦ и центрами силы, но и внутри самих ЛЧЦ и центров силы²⁴¹. Кризис внутри ЕС, в отношениях между США и странами ЕС, в отношениях между ЕС и Россией и США с Россией не может быть оценён реально без учёта этого фактора. Эта же борьба становится, как и прежде в истории государств, предметом внешнего влияния.

Происходит процесс «возвращения» утраченных ценностей и суверенитета, которые, как казалось, окончательно потеряли своё значение в наступившей глобализации. Период, связанный с дроблением государств, регионализацией, искусственным конструированием идентичностей (например, бывшая Югославия), заканчивается», — подчёркивает А.В. Щипков. «Растёт значение региональных союзов, рынков и валют. Симулякры глобального космополиса уступают место процессам реального этногенеза и нациогенеза. С этой точки зрения следует смотреть и на возвращение Россией Крыма, и на успех фундаменталистских движений на Востоке, и на рост национально-консервативных, радикально националистических и нацистских идей в Восточной Европе. Не исключена новая волна суверенитетов: вслед за возвращением Крыма последовали попытки референдумов в Шотландии и Каталонии. И эта тенденция сохранится»²⁴².

Эти процессы на уровне ЛЧЦ и их систем ценностей прямо влияют на состояние МО, стимулируя процессы региональной интеграции и концентрации сил на уровне ЛЧЦ²⁴³. «Мир вновь возвращается к нерешённым проблемам XVIII века, связанным с доминированием формата «nation state», конфликтом секулярного и религиозного. Национальные общности вновь становятся главными акторами истории. Поэтому идентичность и традиция «растут в цене» и составля-

ют капитал, который гарантирует устойчивость в современном мире. Идентичность и традиция получают право на прямое политическое высказывание. Происходит это там, где финансово-экономическое регулирование не срабатывает. Некоторые, прежде всего США, ухитряются использовать в своих целях пассионарный заряд чужой идентичности (война на Украине). Для наций наступило время, когда уже поздно задавать себе гамлетовские вопросы»²⁴⁴, — пишет А.В. Щипков.

Политические процессы последних лет в МО и даже ВПО развиваются именно в этом направлении. События на Ближнем Востоке и в Центральной Азии в последние десятилетия — прямое этому подтверждение. В качестве примера «борьбы за идентичность» можно привести также яркий пример войны на Украине, развязанной с помощью Запада, целью которой в действительности является лишение России её идентичности с тем, чтобы окончательно ликвидировать «конкурента» западной цивилизационной идентичности в виде Византии — Руси — России. Западная ЛЧЦ, по мнению западных, прежде всего американских, политиков, должна быть **не просто одна, но фактически базироваться на системе ценностей США, а, значит, и тех нормах, и правилах, которые вытекают из этой системы**²⁴⁵. Вы должны либо признать их, либо, как минимум, поставлены вне их рамок, стать «изгоями», политическими маргиналами, которые не должны иметь общепризнанных прав, ресурсов, равноправных соглашений. Именно так и пытаются вести себя США по отношению к России²⁴⁶.

Это является объяснением главной цели западной ЛЧЦ, её приоритетности в выборе «основного противника» в виде российской ЛЧЦ, её крайней враждебности любым попыткам национальной консолидации вокруг России. Тактическим приёмом стала «трёхходовка»: «Украина — не Россия» — «Украина против России» — «Украина вместо России», в результате которой должна исчезнуть русская нация, её идентичность, история и ... политическое будущее.

Противодействие этим процессам со стороны западной ЛЧЦ, контролирующей до настоящего времени финансово-экономическую и военно-политическую системы в мире, стало самым мощным импульсом для обострения нарастающих объективно противоречий.

Подобные процессы в международной и военно-политической обстановке во втором десятилетии нашего века приобрели характер открытого военно-силового противоборства, которое отразилось, прежде всего, на государствах, посмевших поставить под сомнение абсолютный контроль Запада в мире. Эти государства, прежде всего Россию и Китай, обвинили в «ревизионизме», что узаконило, по мнению Запада, использование против них силовых и даже военных инструментов политики²⁴⁷.

К началу нового века эти процессы стали понятны многим наблюдателям. «Сверхвысокая концентрация мирового производства и трудовых ресурсов в Юго-Восточной Азии и накопление там материальных ценностей, технологий и финансовых резервов привели к тому, что Китай стал претендовать на полноправное участие в управлении мировой экономикой, которое ведёт к эрозии классического *Raх Americana*»²⁴⁸, — справедливо отмечает, например, А. Лосев.

Именно на их основе стали возникать новые центры силы и создаваться военно-политические коалиции: западная ЛЧЦ во главе с США, внутри которой существовали свои центры силы — страны Европы, Япония и даже Саудовская Аравия; китайская, концентрирующая многочисленную диаспору и страны с возрастающей зависимостью от КНР; индийская, быстро развивающаяся в бассейне Индийского океана не только в Азии, но и в Африке, исламская, также состоящая из нескольких центров силы, российская ЛЧЦ, к которой относится не только значительная часть постсоветского пространства во главе с Россией, но и «русский мир» Европы и других государств.

Лидерами этих ЛЧЦ оставались наиболее крупные и влиятельные страны-лидеры. Как подчёркивают в своей работе авторы монографии, специально посвященной этой теме, «Современная международная обстановка характеризуется быстрыми темпами развития новых центров силы на базе отдельных локальных человеческих цивилизаций»²⁴⁹. Именно эта тенденция лежит в основе феномена многополярности, который стал причиной начавшихся радикальных изменений в МО и ВПО в новом веке.

Не смотря на все оценки, а, главное, на то, что в основе современной реальной, а не декларируемой политики Запада в последние де-

сятелетия стала доминировать именно система цивилизационных критериев, «ценностей и норм», в качестве важнейшего фактора формирования МО и ВПО, этот фактор в качестве доминирующего при формировании ВПО в России так и не был признан²⁵⁰ не только официально, но и большинством экспертов. Хотя усилий со стороны Запада и их сторонников в России было предпринято очень много, вплоть до уничтожения политической системы и изменения социально-экономических и нравственных основ жизни русского общества²⁵¹. Думаю, что не случайно — очень многим в России не хотелось бы адекватно оценивать влияние этого фактора, прежде всего, потому, что они сами, находясь в правящей российской элите, разделяют систему ценностей, норм и интересов западной ЛЧЦ, а не российской. Причём, очень давно²⁵².

И отнюдь не случайно, о чём надо сказать отдельно. Такое лицемерное отношение к стране, нации и культуре являлось достаточно долго частью российской истории, которая начиналась отнюдь не с «западников» и «славянофилов», а в современный период привела, в том числе, к столкновению «троцкистов-интернационалистов» и «государственников-сталинистов». В период «застоя» это противоречие назревало внутри КПСС и привело, в конечном счёте, к победе либералов-антикоммунистов, занимавших в 80-е годы важные посты в партии и государственных органах. Так, секретарём парткома ИМЭМО РАН (на правах РК КПСС) — «штаба перестройки и фактически «мозгового центра» А.Н. Яковлева, — который одновременно был заведующим самым крупным отделом (военно-политических и военно-экономических исследований) в 80-е годы был С.Е. Благоволин, который всего лишь через несколько лет стал руководителем ... 1-го канала («самого демократического») телевидения и одновременно руководителем партии радикальных либералов-антикоммунистов «Выбор России».

В этом, надо сказать, очень типичном для 90-х годов, примере, видно причудливое сочетание не только беспринципности и лицемерия правящей партийно-государственной элиты СССР (к чему все уже привыкли за последние годы), но реальной приверженности западным либеральным ценностям руководителя, занимавшего важное

место в политической и научной системе СССР и России. Очевидно, что формирование системы ценностей в СССР и позже в России под руководством С.Е. Благоволитина и А.Н. Яковлева шло долго и было откровенно прозападно-антироссийское²⁵³. Но также очевидно, что оно существовало и при видимом «господстве КПСС» задолго до них.

Отчасти оно сохраняется и сегодня не только в общественных институтах, но и органах государственной власти. Это, безусловно, прямо противоречит нарастающему противоборству, которое приобрело уже отчетливо цивилизационно-культурный характер, хотя и маскируется в политические и военные формы. Признать этот факт, означает признать необходимость, в том числе и личного, а не только политического выбора. Надо думать, что те сотни тысяч бывших граждан России, которые сегодня живут в Европе, США и других странах, этот выбор уже сделали, но не хотят, чтобы его сделали те, кто сегодня обеспечивает их финансовое благополучие.

Безусловно, на эти процессы влияет и целенаправленная политика лидеров ЛЧЦ, в особенности США и их европейских союзников. Противоборство, если оно не признаётся другими, — очень выгодно потому, что против них используются силовые и даже военные средства и меры, а другая сторона продолжает относиться к противнику как к «партнёру». Об этом очень дипломатично сказал С.В. Лавров, характеризуя современные военно-политические противоречия на междоцивилизационном уровне: «Еще раз скажу, что это объективный процесс и идет он непросто. Во-первых, смена эпох — всегда очень длительный период (это не просто — утром проснулся и уже многополярность). Это будет продолжаться еще длительное время. Во-вторых, помимо объективных причин выделю то, что этому процессу пытаются активно препятствовать, прежде всего, те, кто ранее доминировал в мире и кто хочет его сохранить в новых условиях, а по большому счету, навечно. Это проявляется в самых разных вещах. Мы об этом еще, конечно, поговорим»²⁵⁴.

Быстрое изменение соотношения сил в мире стало в центре внимания политиков и ученых достаточно давно. Появились многочисленные, вполне объективные, правительственные оценки и прогнозы, которые постоянно корректировались. О нескольких центрах силы

говорилось, например, еще на XXII и XXIII съездах КПСС, в разделах, посвященных анализу международного положения СССР. Позже на этой основе пытался выстроить свою внешнюю политику М. Горбачев, наивно игнорируя растущее противоборство между новыми центрами силы за цивилизационное лидерство и право формировать международные нормы и правила, и не обращая категорически внимания на такие культурно-цивилизационные различия и противоположность интересов.

Еще позже об этом часто любил рассуждать Е.М. Примаков, а в настоящее время эта модная тема служит порой не предупреждением о растущем и опасном характере противоборства между ЛЧЦ, а очередным лозунгом и призывом «о неразделенной любви» с Западом советско-российской либеральной публики (которая на самом деле давно ориентируется на западные ценности и хранящиеся там активы). Иными словами, цивилизационную и жестокую политическую борьбу между различными субъектами и акторами в мире (как уже сказано, не случайно) заменили на абстрактно-конфетную «многополярность», предполагающую почему-то исключительно мирные формы сотрудничества, которая (почему-то изначально) «никому не угрожает» и «всем нравится», но, что особенно важно, — ко всему применима²⁵⁵.

2.г). Группа важнейших акторов, формирующих военно-политическую обстановку

Среди негосударственных участников международных отношений выделяют межправительственные организации (МПО), неправительственные организации (НПО), транснациональные корпорации (ТНК) и другие общественные силы и движения, действующие на мировой арене. Возрастание их роли и влияния — относительно новое явление в международных отношениях, характерное для послевоенного времени. Данное обстоятельство в сочетании с длительным и практически безраздельным господством реалистической парадигмы объясняет то,

что они все еще сравнительно слабо изучены политической наукой. Отчасти это связано и с неочевидностью их подлинного значения, отражаемой в таких терминах, как «невидимый континент» (Й. Галтунг) или «второй мир» (Д. Розенау). Сказанное касается не только участников, которых Д. Розенау называет «подсистемами», но и международных организаций, которые, казалось бы, у всех «на слуху».

Французский специалист Ш. Зоргбиб выделяет три основных черты, определяющие международные организации: это, во-первых, политическая воля к сотрудничеству, зафиксированная в учредительных документах; во-вторых, наличие постоянного аппарата, обеспечивающего преемственность в развитии организации; в-третьих, автономность компетенции и решений.

Указанные черты в полной мере относятся к международным межправительственным организациям, которые являются стабильными объединениями государств, основанными на международных договорах, обладающими определенной согласованной компетенцией и постоянными органами. Рассмотрим их более подробно.

Венский Конгресс 1815 г., возвестив об окончании наполеоновских войн и рождении новой эпохи в международных отношениях, одновременно возвестил и о появлении в них нового участника: Заключительным актом Конгресса было провозглашено создание первой МПО — Постоянной комиссии по судоходству по Рейну. К концу XIX века в мире существовало уже более десятка подобных организаций, появившихся как следствие индустриальной революции, породившей потребность в функциональном сотрудничестве государств в области промышленности, техники и коммуникаций и т.п.: Международная Санитарная Конвенция (1853), Международный Телеграфный Союз (1865), Международное Бюро Мер и Весов (1875), Всемирный Почтовый Союз (1878), Союз Защиты Промышленной Собственности (1883), Международная Организация Уголовной Полиции (Интерпол, 1923), Международный Сельскохозяйственный Институт и др.

Существуют различные типологии МПО. И хотя, по признанию многих ученых, ни одна из них не может считаться безупречной, они все же помогают систематизировать знание об этом относительно но-

вом влиятельном международном акторе. Наиболее распространенной является классификация МПО по «геополитическому» критерию и в соответствии со сферой и направленностью их деятельности. В первом случае выделяют такие типы межправительственных организаций как: универсальный (например, ООН или Лига Наций); межрегиональный (например, Организация Исламская Конференция); региональный (например, Латиноамериканская Экономическая Система); субрегиональный (например, Бенилюкс). В соответствии со вторым критерием, различают: общецелевые (ООН); экономические (ЕАСТ); военно-политические (НАТО); финансовые (МВФ, Всемирный Банк); научные («Эврика»); технические (Международный Союз Телекоммуникаций); или еще более узко специализированные МПО (Международное Бюро Мер и Весов).

В то же время указанные критерии носят достаточно условный характер. Во-первых, их нельзя противопоставлять, так как многие организации могут отвечать одновременно обоим критериям: например, являться и узкоспециализированными, и субрегиональными (Организация Стран Восточной Африки по контролю за пустынной саранчой). Во-вторых, проводимая на их основе классификация, достаточно относительна: так, даже технические МПО могут брать на себя и экономические, и даже политические функции; тем более это относится к таким организациям, как, скажем, Всемирный Банк или ГАТТ, которые ставят своей задачей создание условий для функционирования в государствах — членах либеральных рыночных отношений, что, конечно, является политической целью. В-третьих, не следует преувеличивать не только функциональную, но и, тем более, политическую автономию МПО.

Так, например, в статье 100 Устава ООН говорится:

1. При исполнении своих обязанностей Генеральный Секретарь и персонал Секретариата не должны запрашивать или получать указания от какого бы то ни было правительства или власти, посторонней для Организации. Они должны воздерживаться от любых действий, которые могли бы отразиться на их положении как международных должностных лиц, ответственных только перед Организацией.

2. Каждый Член Организации обязуется уважать строго международный характер обязанностей Генерального Секретаря и персонала Секретариата и не пытаться оказывать на них влияние при исполнении ими своих обязанностей» (22).

Однако на деле господствующее влияние на ориентацию деятельности ООН и ее институтов имеют США и их союзники. Этому способствует действующий в указанных институтах принцип уравнивающего голосования при принятии решений, в соответствии с которым наибольшими возможностями располагают государства, оказывающие этим институтам наибольшую финансовую поддержку. Благодаря этому США располагают около 20% голосов в МВФ и Всемирном Банке. Все это ставит проблему эффективности МПО и особенно такой, наиболее крупной и универсальной из них по своим задачам, как ООН.

Созданная в целях поддержания международного мира и безопасности, развития дружественных отношений и сотрудничества между государствами, способствуя обмену мнениями и улучшению взаимопонимания между ними, ООН в условиях холодной войны нередко служила местом ожесточенных пропагандистских схваток, выступала как сугубо политизированное учреждение, демонстрировала несоответствие конкретных результатов требованиям современности, неспособность обеспечить решение возложенных на нее задач.

Специалисты отмечают и такое противоречие, явившееся обратной стороной принципа равноправия всех членов ООН, как ситуация, когда значительная часть членов ООН — малых или даже микросоударств — обладает равными голосами с крупными странами. Тем самым решающее большинство может быть составлено теми, кто представляет менее десяти процентов мирового населения, что так же недопустимо, как и доминирование в этой организации небольшой группы великих держав. Генеральный Секретарь ООН отмечает, что «двусторонние программы помощи зарубежным странам нередко были инструментом «холодной войны» и до сих пор остаются под сильнейшим воздействием соображений, продиктованных интересами политического влияния и национальной политики».

В конце 80-х — начале 90-х годов окончание «холодной войны» принесло новые возможности укрепления этой всемирной организации, увеличения ее потенциала и эффективности, решения ею проблем, связанных с выполнением своего мандата. Многие из этих проблем объясняются ограниченностью всякой межправительственной организации рамками государственно-центричной модели поведения. Государство — действительно универсальная модель политической организации людей, о чем свидетельствует ее распространение на все новые нации и народы. Однако уже приведенные факты противоречий между формально-юридическим равенством и фактическим неравенством государств доказывают, что ее роль нельзя абсолютизировать. Исследования в области социологии международных отношений показывают, что во многих к тому же становящихся все более частыми ситуациях интересы людей и их «патриотизм» связаны не с государством, а с другими общностями, политическими или культурными ценностями, которые воспринимаются ими как более высокие: это могут быть ценности панисламизма, связанные с чувством принадлежности к более широкой общности, чем нация государство, но это могут быть и ценности, связанные с этнической идентификацией субгосударственного характера — как это имеет место у курдов или берберов. В этой связи сегодня все более остро ощущается роль международных неправительственных организаций.

В отличие от межправительственных организаций, НПО — это, как правило, нетерриториальные образования, ибо их члены не являются суверенными государствами. Они отвечают трем критериям: международный характер состава и целей; частный характер учредительства; добровольный характер деятельности. Вот почему их причисляют к «новым акторам» (М.К. Смуц), «акторам вне суверенитета» (Д. Розенау), «транснациональным силам» (М. Мерль), «транснациональным организациям» (Ш. Зоргбид) и т.п.

Существует как узкое, так и расширительное понимание НПО. В соответствии с первым, к ним не относятся общественно-политические движения, транснациональные корпорации, а тем более — организации, созданные и существующие под эгидой государств. Так, Ф. Брайар и М.Р. Джалили под НПО понимают структуры

сотрудничества в специфических областях, объединяющие негосударственные институты и индивидов нескольких стран: религиозные организации (например, Экуменический Совет Церквей), организации ученых (например, Пагоушское Движение); спортивные (ФИФА), профсоюзные (МФП), правовые (Международная Амнистия) и т.п. организации, объединения, учреждения и ассоциации.

В XX веке на внешнюю политику государств и коалиций, а также на формирование ВПО всё более сильное влияние стали оказывать такие факторы, как негосударственные акторы, — многочисленные и быстро распространяющие своё влияние организации, объединения, союзы и другие субъекты, которые (с большой степенью условности) можно сгруппировать по следующим признакам:

- политические организации: партии, межпартийные объединения (крупнейшими из них были III Интернационал в XX веке и в XX–XXI веке Социнтерн, фракции в Европарламенте и т. п.);
- общественные организации и профессиональные союзы, численность которых невозможно определить, но только в ООН зарегистрировано сотни тысяч. Среди них можно выделить быстро усиливающиеся экологические организации;
- религиозные организации и конфессии отдельных религий, оформленные в организационные структуры самого широкого спектра — от благотворительных до экстремистских;
- научные, образовательные, творческие и иные союзы и организации.

Лучше всего рассмотреть их роль в формировании ВПО на примере какого-то военного конфликта, например, в Сирии.

¹⁸⁹ См., например: *Подберёзкин А.И.* Состояние и долгосрочные военно-политические перспективы развития России в XXI веке. — М.: Издательский дом: «Международные отношения», 2018. — 1599 с.

¹⁹⁰ **Субъекты МО и ВПО** — зд.: суверенные с точки зрения международного права государства, способные к проведению самостоятельной внешней и военной политике.

¹⁹¹ **Акторы МО и ВПО** — легитимные и нелегитимные, негосударственные организации и структуры, участвующие в формировании МО и ВПО.

¹⁹² **Сценарий развития военно-политической обстановки** — зд.: порядок перехода ВПО из одного состояния в другое под воздействием совокупности факторов, определяющих социально-политическое и военнотехническое, а также иное развитие субъектов и тенденций в развитии ВПО

¹⁹³ См.: Истоки представлений о соотношении понятий: *Клаузевиц, Карл фон «О войне»*. — М.: АСТ, 2019. — 320 с.

¹⁹⁴ **Локальные человеческие цивилизации (ЛЧЦ)** — цивилизационные объединения (центры силы и военно-политические коалиции) субъектов и акторов МО-ВПО, которые формируются на основе цивилизационной идентичности и политических систем ценностей под влиянием, как правило, страны-лидера: США, Китая, Индии, Бразилии, России и др.

¹⁹⁵ См., например, одну из моих последних работ: *Подберезкин А.И. Локальные цивилизации и их влияние на формирование МО / Эл. ресурс: «Рейтинг персональных страниц» / www.Viperson.ru.12.12.2018.*

¹⁹⁶ **Военная организация государства** — зд.: совокупность органов государственного и военного управления, Вооруженных Сил, других войск, воинских формирований и органов, осуществляющих свою деятельность военными методами, а также части производственного и научного комплекса страны, деятельность которых направлена на подготовку вооруженной борьбы.

¹⁹⁷ **Сводный индекс национального потенциала** (англ. *Composite Index of National Capability, CINC*) — статистическая оценка национальной мощи, созданная Дж. Дэвидом Сингером для проекта *Correlates of War* в 1963 году.

¹⁹⁸ **Стратегический прогноз** Российской Федерации — документ стратегического планирования, содержащий систему научно обоснованных предсказаний о стратегических рисках и угрозах национальной безопасности.

¹⁹⁹ **Прогноз научно-технологического развития России** — документ стратегического планирования, содержащий систему научно обоснованных представлений об ожидаемых результатах научно-технологического развития и возможных рисках для национальной безопасности.

²⁰⁰ **Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации** — документ стратегического планирования, содержащий систему

научно обоснованных представлений о внешних и внутренних условиях, направлениях и ожидаемых результатах социально-экономического развития.

²⁰¹ **Стратегия (Концепция) социально-экономического развития Российской Федерации** — документ стратегического планирования, содержащий систему долгосрочных приоритетов, целей и задач государственного управления, направленных на устойчивое развитие.

²⁰² **Документы в сфере обеспечения национальной безопасности** — утверждаемые (одобряемые) Президентом России документы стратегического планирования, определяющие стратегические приоритеты, цели и меры внутренней и внешней политики, характеризующие состояние национальной безопасности.

²⁰³ **Стратегия национальной безопасности Российской Федерации** — документ в сфере обеспечения национальной безопасности, который разрабатывается Советом Безопасности совместно с другими участниками стратегического планирования с учётом стратегического прогноза на долгосрочный период, и корректируется каждые шесть лет.

²⁰⁴ ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» от 28.06.2014 г. №172. Ст. 18, п/п 4,5.

²⁰⁵ См. подробнее: Эл. ресурс: «Сайт Президента Российской Федерации» / Президент.ру

²⁰⁶ Цит. по: *Кокошин А.А.* Выдающийся отечественный военный теоретик и военачальник Александр Андреевич Свечин. — М.: Издательство МГУ, 2013. — С. 127.

²⁰⁷ **Целеполагание** — зд.: определение направлений, целей и приоритетов развития нации и обеспечения её безопасности наиболее эффективными средствами.

²⁰⁸ Цит. по: *Кокошин А.А.* Выдающийся отечественный военный теоретик и военачальник Александр Андреевич Свечин. О его жизни, идеях, трудах и наследии для настоящего и будущего. — М.: Изд. МГУ, 2013. — С. 129.

²⁰⁹ ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» от 28.06.2014 г. № 172. Ст. 18, п 3.

²¹⁰ President Donald Trump, Executive e Order 13806 / <https://www.whitehouse.gov/presidential-actions/presidential-Executive-e-order-assessing->

strengthening-manufacturing-defense-industrial-base-supply-chain-resiliency-united-states/

²¹¹ President Donald Trump, Executive e Order 13806 / <https://www.whitehouse.gov/presidential-actions/presidential-Executive-e-order-assessing-strengthening-manufacturing-defense-industrial-base-supply-chain-resiliency-united-states/>

²¹² XV ежегодное заседание международного дискуссионного клуба «Валдай» «Россия: программа на XXI век». 15.10.2018.

²¹³ Подробности см.: «Актуальные комментарии». 17.06.2019 / http://actualcomment.ru/ekonomicheskiiy-krizis-v-rossii-43-grazhdan-ekonomiyat-na-ed-1905171519.html?utm_source=finobzor.ru

²¹⁴ См. подробнее: *Алексеева Т.А.* Современная политическая мысль (XX–XXI вв.): Политические теории и международные отношения. — М.: Издательство «Аспект Пресс», 2016. — 623 с.

²¹⁵ См., например: *Кокошин А.А.* Выдающийся отечественный военный теоретик и военачальник Александр Андреевич Свечин. О его жизни, идеях, трудах и наследии для настоящего и будущего. — М.: Изд. МГУ, 2013. — 408 с.

²¹⁶ XV ежегодное заседание международного дискуссионного клуба «Валдай» «Россия: программа на XXI век». 15.10.2018.

²¹⁷ *Путин В.В.* Указ ««О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» от 7 мая 2018 г. № 204.

²¹⁸ Понятие контроля над обычными вооружениями в Европе (КОВЕ) является открытым и содержит в себе несколько вопросов. Например, чем руководствоваться при определении границ Европы: географией или политическими установками? Расширяется оно или остается в исторических рамках? Другой момент связан с тем, какие категории вооружений относятся к обычным вооружениям, подлежащим контролю? На каких основаниях может уточняться или пересматриваться этот список, для того чтобы действующий режим отвечал реальному положению вещей? И, конечно, ключевые вопросы относятся к тому, какую цель преследует контроль, в какой форме он осуществляется; кто и кого контролирует?

²¹⁹ Договор об обычных вооруженных силах в Европе (ДОВСЕ), ставший краеугольным камнем европейской безопасности, был заключен 19 ноября 1990 г., и вступил в силу два года спустя. И если в 1970-х гг. речь шла о сокращении численности личного состава, то в ДОВСЕ были обозначены ограничения на категории обычных вооружений: танки, боевые бронированные машины, артиллерию калибра 100 мм и выше, боевые самолеты, ударные вертолеты. Первоочередной целью Договора была ликвидация «потенциала для внезапного нападения и начала крупномасштабных наступательных действий в Европе».

²²⁰ The National Military Strategy of the United States of America. 2015. — Wash., June 2015. — P. 16.

²²¹ Цит по: *Эллисон Грэм*. Китай против Америки. Как справиться с очередным столкновением цивилизаций// Россия в глобальной политике, 2017. Сентябрь-октябрь. — № 5. — С. 142–143.

²²² Там же. — С. 143.

²²³ **Локальная человеческая цивилизация** — зд. один из важнейших субъектов МО и ВПО, участвующих в форме военно-политической коалиции в формировании и реализации современной международной и военно-политической обстановки.

²²⁴ *Подберёзкин А.И.* Книга вторая. Идеология русского социализма и стратегия национального развития. — С. 291–426 / В кн.: *Подберёзкин А.И.* Национальный человеческий капитал. — М.: МГИМО-Университет, 2011. — Т. 3.

²²⁵ Так, например, в 2017–2018 годах Д. Трамп положил тезис о приоритете развития военной промышленности в основу своей промышленной политики. См.: President Donald Trump, Executive Order 13806 / <https://www.whitehouse.gov/presidential-actions/presidential-Executive-e-order-assessing-strengthening-manufacturing-defense-industrial-base-supply-chain-resiliency-united-states/>

²²⁶ См. подробнее: *Подберёзкин А.И.* Современная военная политика России: учебно-методич. комплекс. В 2-х т. — Т. 2. — М.: МГИМО-Университет, 2017. — 987 с.

²²⁷ **Локальная человеческая цивилизация** — зд.: уже в последнее десятилетие я активно использовал это понятие в серии работ, посвященных развитию и прогнозу МО и ВПО. См., например: Долгосрочное про-

гнозирование развития отношений между локальными цивилизациями в Евразии: монография / *А.И. Подберёзкин и др.* — М.: Издательский дом «Международные отношения», 2017. — 357 с.

²²⁸ Подробнее: *Подберёзкин А.И.* Повышение эффективности стратегического сдерживания — основное направление политики безопасности. Часть 1 и Часть 2 / Журнал «Обозреватель», 2018. — № 5 и 6.

²²⁹ *Подберёзкин А.И.* Состояние и долгосрочные военно-политические перспективы развития России в XXI веке. Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) М-ва иностр. дел Рос. Федерации, Центр военно-политических исследований. — М.: Издательский дом «Международные отношения», 2018. — 1596 с.

²³⁰ Так, например, представитель США в ООН 24 июля 2018 года заявил о «принципиальной невозможности достижения договорённостей с Россией».

²³¹ **Мир-система** — *зд.*: система МО и ВПО, в которой важную роль играют ЛЧЦ.

²³² Мир в XXI веке: прогноз развития международной обстановки по странам и регионам: монография / [*А.И. Подберёзкин, М.И. Александров, О.Е. Родионов и др.*]; под ред. *М.В. Александрова, О.Е. Родионова.* — М.: МГИМО-Университет, 2018.

²³³ *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций. — М.: АСТ, 2016. — С. 36.

²³⁴ *Щипков А.В.* Похищение русской идентичности / Эл. ресурс: «Наспровди». 6 июля 2018 / nasprovdi.info. 06.07.2018

²³⁵ Assessing the impact of cost-imposing options / RAND report. April, 2019. — P. 5 / Источник: https://politexpert.net/153115-rand-corporativedeistvii-ssha?utm_source=smi2

²³⁶ Мир в XXI веке: прогноз развития международной обстановки по странам и регионам: монография / [*А.И. Подберёзкин, М.И. Александров, О.Е. Родионов и др.*]; под ред. *М.В. Александрова, О.Е. Родионова.* — М.: МГИМО-Университет, 2018.

²³⁷ См. подробнее: «CIA World Facts» / www.cia.gov

²³⁸ *Щипков А.В.* Похищение русской идентичности / Эл. ресурс: «Наспровди». 6 июля 2018 / nasprovdi.info. 06.07.2018

²³⁹ *Путин В.В.* Официальный текст послания президента РФ В.В. Путину Федеральному Собранию России 1 марта 2018, ПАИ / <http://cont.ws/@8982572106/868792>

- ²⁴⁰ The Power to Coerce. — RAND, 2016.
- ²⁴¹ Долгосрочное прогнозирование развития отношений между локальными цивилизациями в Евразии: монография / *А.И. Подберёзкин и др.* — М.: Издательский дом «Международные отношения», 2017. — 357 с.
- ²⁴² *Щипков А.В.* Похищение русской идентичности / Эл. ресурс: «Наспровди». 6 июля 2018 / nasprovdi.info/06.07.2018
- ²⁴³ См. подробнее: *Подберёзкин А.И., Боришполец К.П., Подберёзкина О.А.* Евразия и Россия. — М.: МГИМО-Университет, 2014.
- ²⁴⁴ *Щипков А.В.* Похищение русской идентичности / Эл. ресурс: «Наспровди». 6 июля 2018 / nasprovdi.info/06.07.2018
- ²⁴⁵ The National Military Strategy Of the United States of America 2015. — Wash., 2015.
- ²⁴⁶ Мир в XXI веке: прогноз развития международной обстановки по странам и регионам: монография / [*А.И. Подберёзкин, М.И. Александров, О.Е. Родионов и др.*]; под ред. *М.В. Александрова, О.Е. Родионова.* — М.: МГИМО-Университет, 2018.
- ²⁴⁷ См. подробнее: *Подберёзкин А.И.* Состояние и долгосрочные военно-политические перспективы развития России в XXI веке. Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) М-ва иностр. дел Рос. Федерации, Центр военно-политических исследований. — М.: Издательский дом «Международные отношения», 2018. — 1596 с.
- ²⁴⁸ *Лосев А.* «Трампономика»: первые результаты / Валдайские записки, 2018. — № 87. — С. 3.
- ²⁴⁹ Мир в XXI веке: прогноз развития международной обстановки по странам и регионам: монография / *А.И. Подберёзкин, М.В. Александров, О.Е. Родионов и др.*; под ред. *М.В. Александрова, О.Е. Родионова.* — М.: МГИМО-Университет, 2018. — С. 13.
- ²⁵⁰ *Путин В.В.* Официальный текст послания президента РФ Владимира Путина Федеральному Собранию 01 марта 2018, ПАИ / <https://cont.ws@89825721067/868792>
- ²⁵¹ *Подберёзкин А.И.* Русский путь: сделай шаг! — М. 1998. (3-е изд., перераб. и доп.).
- ²⁵² См. подробнее: *Подберёзкин А.И.* Русский Путь. — М.: ВОПД «Духовное наследие», 1996.

²⁵³ См. подробнее: *Подберёзкин А.И.* Национальный человеческий капитал. — М.: МГИМО-Университет. — Т. III. «Идеология русского социализма». — С. 601–768.

²⁵⁴ *Лавров С.В.* Выступление и ответы на вопросы Министра иностранных дел С.В. Лаврова в рамках Всероссийского молодежного образовательного форума 11 августа 2017 года / Эл. ресурс: сайт МИД РФ / www.mid.ru

²⁵⁵ См.: *Подберёзкин А.И.* Современная военная политика России. — М.: МГИМО-Университет, 2017. — Т. 2.

Глава III.
Новая структура
международной и военно-
политической обстановки
в мире

Следует отличать международные отношения (МО) и международную обстановку (также обозначаемую как МО) для того, чтобы понимать разницу между этими явлениями и структурами, с одной стороны, и, как следствие, между ними и структурой военно-политической обстановки, которая и является интересующим нас объектом. Обозначим эту разницу ещё раз для того, чтобы лучше понимать взаимосвязь с ВПО.

Я исхожу из того, что **международные отношения (МО)**²⁵⁶ — не только традиционные отношения, как правило, между государствами, но и межгосударственная политическая практика и научная дисциплина, изучающая взаимодействия между государствами и другими субъектами и акторами в рамках единой системы отношений внутри человеческой цивилизации (естественно, во взаимодействии с другими тенденциями и факторами), а в более широком смысле — деятельность всей **международной** системы как единого целого. Иными словами, международные отношения, это отношения между всеми субъектами и акторами (которые находятся под влиянием других факторов и тенденций).

Отношения между некими субъектами МО, например, могут быть хорошими, а общее глобальное состояние МО — опасное. Либо состояние региональных отношений, например, в Африке или на Ближнем Востоке, позитивное, а отношение с другими субъектами — негативное.

В отличие от международных отношений международная обстановка характеризуется неким интегрированным показателем, характеризующим общую тенденцию, «вектор» развития, например: разрядка международной напряженности, холодная война и т. д., как правило, оформленным (иногда даже формально) в некий сценарий развития

МО — сотрудничества, конфронтации, усиления (эскалации) напряженности и др.

Международная обстановка (МО)²⁵⁷ — Это не только традиционные отношения между субъектами и другими акторами, но и состояние этих субъектов и акторов (например, уровень внутривнутриполитической стабильности), степень их взаимовлияния, т. е. ещё более широкое понятие, включающее в себя также глобальные, региональные и иные тенденции и другие факторы, формирующие МО, которые превращают эти отношения в некий общий результат, динамическую систему. Этот конечный результат проявляется в самой общей, генеральной, тенденции мирового развития, частью которой являются сценарии и варианты развития МО и ВПО.

Разница между международными отношениями и международной обстановкой (здесь мешает, безусловно, одна и та же аббревиатура МО) вытекает из самих названий — «**отношения**» (как правило, между субъектами) и «**обстановка**» (результат отношений между всеми 4 группами субъектов и акторов). Очевидно, что «обстановка» — результат отношений в самом широком смысле слова, требует анализа всех (или максимально многих) факторов и субъектов, а также влияния одних на других.

Для того чтобы представить себе МО и ВПО точнее надо понимать, что эти две системы находятся постоянно в динамике, меняются, но, прежде всего, меняются не только сами субъекты и акторы, но и отношения между ними. В том числе и под влиянием неких тенденций мирового развития, например, научно-технических или демографических. Так, по оценке ВЭБ, таких глобальных тенденций, влияющих как на МО-ВПО, так и на все субъекты и акторы, десять²⁵⁸:

1. Прорывные технологии.
2. Индустрия 4.0 (Большие базы данных)
3. Частный капитал, который начинает входить в самый крупный государственный сектор.
4. Стартапы, которые устраивают «атаки» на крупные кампании.
5. Новые взаимодействия государства и участников экономики (например, блокчейн).
6. Конвергентные технологии.

7. Длинная жизнь
8. Усиление дисбалансов и эффект технологий.
9. Новые способы организации работы персонала.
10. Лидерство в XXI веке.

Очень трудно, если вообще возможно, оценить, как эти тенденции вместе или по отдельности повлияют на формирование будущей МО, а тем более ВПО, но очевидно, как минимум, что они радикально изменят отношения между ними.

Поэтому анализируя состояние МО и его «проекцию», часть, — ВПО, необходимо постоянно иметь в виду, влияние глобальных, региональных и национальных тенденций и факторов, что усложняет анализ многократно по сравнению с «добрым старым временем», когда он основывался на анализе отношений 2–6 ведущих государств-субъектов МО.

В этих целях, повторяюсь, несколько лет назад я предложил объединить эти факторы и тенденции в **4 основные группы**, где собственно субъекты²⁵⁹ МО и ВПО (государства) составляют только одну такую группу. Другая группа относительно независимых участников обозначена как акторы²⁶⁰, а в целом все эти 4 группы представляют собой некую систему, которая лежит в основе модели МО и производной от неё — ВПО.

3.а). Основные участники формирования международной и военно-политической обстановки: государства, локальные человеческие цивилизации и коалиции

Традиционно и вполне справедливо основными участниками формирования ВПО являлись государства, чьи отношения как субъектов формирования ассоциировались традиционно со всей ВПО. По сути, все теории войны, включая теорию К. Клаузевица и более поздних ученых, исходили из изучения отношений государств (часто только одного государства) в войне или даже в период подготовки

войны. К. Клаузевиц прямо писал: «Прежде под названием «военное искусство» или «военной науки» всегда разумели совокупность тех знаний и сноровок, которые касаются материальных вещей. Устройство, изготовление и употребление оружия, постройка крепости и окопов, организация армии и механизм её движения были предметами этих знаний и сноровок.... И война рассматривалась как область деятельности лишь одной из воюющих сторон»²⁶¹. Только позже война стала отношением сторон, их борьбы, превратившись в искусство ведения войны, а не простого соотношения сил.

Ещё позже в эти отношения были вовлечены другие субъекты, которые превратили войны в вооруженные столкновения коалиций, а еще позже в эти уравнения добавились и влиятельные участники — негосударственные акторы: партизанские движения против Наполеона в Испании и России, активная деятельность институтов церкви (хотя первый Крестовый поход и был инициирован влиятельным актором — Католической церковью).

Как видно из отображённой структуры (международной обстановки — МО), представляющей основные 4 группы факторов и тенденций, их взаимодействие и взаимовлияние (порой противоречивое) формирует в основном современное состояние МО и закладывает самые общие основы для различных сценариев развития сценариев ВПО и их вариантов.

И, наоборот, **международные отношения** являются лишь частью участников, формирующих международную обстановку. Главным действующим лицом МО является государство. Основная форма его деятельности — дипломатия. Государственная политика существует в двух измерениях — внутреннем (внутренняя политика, являющаяся предметом политологии) и внешнем (внешняя политика, являющаяся предметом международных отношений).

Так как главные субъекты МО государства, то из этой констатации вытекает два принципиальных вывода:

- Во-первых, основа всех международных действий государств коренится в их национальных (прежде всего, государственных) интересах, как правило, стремлении государств обеспечить безопасность, суверенитет и выживание.

— Во-вторых, международные отношения — это силовое взаимодействие государств, в основе которого находится соотношение сил, в котором, в свою очередь, преимущественно обладают наиболее мощные державы.

Баланс сил может принимать различные формы — однополярную, биполярную, трёхполярную, мультиполярную конфигурацию.

Кроме того, в структуре международных отношений принято выделять несколько уровней: глобальный, региональный, субрегиональный, международно-ситуационный, групповой, двусторонний.

В зависимости от количества великих держав, входящих в международную систему, выделяется два типа структур международных отношений — мультиполярную и биполярную.

Напротив, международная обстановка²⁶² — это, прежде всего, **состояние отношений** между всеми участниками формирования системы, а также воздействие глобальных, региональных, национальных и иных тенденций и факторов. Иными словами, главное определение МО — качественное состояние между субъектами, акторами, тенденциями и факторами в определённый период времени, которое может быть и бывает в истории очень разным. Из такого определения явствует, что международная обстановка гораздо шире по составу участников и факторов и является не констатацией отношений между субъектами, а результатом их взаимодействия. Такой результат на разных уровнях (глобальном, региональном, национальном) может быть очень разным. Так, например, посол В.В. Попов пишет: «Революционные действия Д. Трампа фактически способствовали постепенному изменению главного вектора в развитии международных отношений с глобализма на национализм»²⁶³. Другими словами, изменения в международных отношениях под влиянием политики Д. Трампа привели, по мнению В.В. Попова, к изменению (сценария) развития МО.

Естественно, что это сложный и длительный по времени процесс, который только набирает силу в настоящее время. Тем не менее, все больше стран делают акцент именно на отстаивании и продвижении своих национальных интересов. Очевидным результатом стал раскол Запада. Трамп не скрывает, что он не заинтересован в единстве ЕС,

который он объявил своим «врагом» и ему проще иметь дело с каждой из стран ЕС по отдельности.

Примечательно, что один из известных американских обозревателей Т. Фридман писал в газете New York Times, что по убеждению Трампа (а он способствует распаду ЕС), Америка «может доминировать над отдельными экономиками ЕС гораздо лучше, чем, когда они ведут переговоры, как единый крупнейший рынок в мире». Фактически и США, и Европа отказались от так называемого трансатлантического партнерства. Как известно, в интервью газете «Зюддойче Цайтунг» Ангела Меркель заявила: «Европе нужно собраться с силами и ответить на три вызова: России, Китая и США». Все чаще США и Западная Европа оказываются по разные стороны во многих острых вопросах современности. Например, о потеплении климата, об отношении к иранской ядерной программе, примеров можно приводить достаточно много. Ныне разгорается торговая война между США и ЕС. По словам Министра иностранных дел Испании Ж. Боррелля, ЕС должен иметь стратегическую автономию от США, которые утверждают, что оборона Европы, это не их проблема».

Государства, как основные участники МО, формируют разного рода коалиции, союзы и блоки, которые сами начинают выступать в качестве субъектов МО. При этом роль государств-лидеров таких блоков и союзов может снижаться, либо повышаться (как при Д. Трампе, который усиливает влияние США через ревизию двусторонних соглашений). Ещё более широкой формой консолидации усилий отдельных государств выступает «цивилизационная коалиция», объединяющая усилия самых разных государств и акторов на очень широкой основе. Так, например, западная коалиция во главе с США сегодня объединяет более 60 государств и сотни акторов (включая экстремистские и даже террористические организации), причём как входящие в политические, военные или экономические союзы, так и не входящие в них (например, нейтральные Финляндию, Швецию и Швейцарию). Как правило, это становится заметным при некой совместной акции, например, при голосовании в ООН или создании широкой коалиции (против Сирии, КНДР или России).

3.6). Перераспределение влияния среди основных факторов и участников на формирование военно-политической обстановки

Перераспределение влияния факторов, формирующих ВПО, происходило в истории достаточно регулярно. В особенности в связи с **формированием военно-политических коалиций, которые усиливали роль того или иного государства.** Древняя история — история борьбы государств-коалиций с другими государствами, которым не удалось создать коалиции. Так, Ганнибалу, как известно, не удалось сформировать антиримскую коалицию, хотя для этого и были все условия. Позже его потенциальные союзники — Македония, Сирия, Египет — пожалели об этом. Не удалось ему и развалить италийскую коалицию, созданную под эгидой Рима. Таким образом, только часть сил мощного Карфагена выступила против объединенного Рима.

Другим примером может стать использование Римом коалиции Ахейского союза и других греческих полисов против Спарты в своих интересах в 195 г. д.н.э. Эта война вошла в историю как Лаконская или же «Война против Набиса». Она произошла в 195 году д.н.э., Набисом звали правившего Спартой царя. Рим выступил против Спарты не один, а вместе с Ахейским союзом, а также Пергамом, Македонией и Родосом. Эта война началась сразу после Второй Македонской и была вызвана недовольством Ахейского союза Спартой, выступившей во время этой войны на стороне Македонии. По сути, греки решили руками римлян наказать надменных спартанцев, ведущих собственную политику в ущерб прочим греческим полисам.

Следующим греческим государством, уничтоженным Римом, создавшим свою коалицию, стала Македония в сражении в 197 г. д.н.э. между римской и македонской армией в Фессалии за контроль над Грецией. Это было первое масштабное полевое сражение римских легионов и македонской фаланги.

Коалиции оставались важнейшими субъектами при формировании МО и ВПО на протяжении нескольких тысячелетий. Возможность объединить ресурсы нескольких субъектов ради достижения

некой общей цели всегда была залогом победы, хотя любая коалиция имела и свои недостатки, прежде всего, потому, что каждый из субъектов преследовал собственные цели и дорожил собственными ресурсами, каждый раз стараясь использовать своих союзников. Поэтому нередко возникали такие ситуации, когда одни субъекты находились в менее выгодном положении по сравнению с другими.

Крупные коалиции определяли условия формирования МО и ВПО в XX веке. Они не ограничивались только участием в войне, но и отвечали за послевоенное устройство мира и даже (как минимум, некоторое время) гарантировали нормы и условия его развития. По сути дела, вся вторая половина XX века была историей борьбы двух мировых коалиций — западных государств и социалистических стран, которая отнюдь не прекратилась с развалом ОВД и СССР.

Современный мир представляет собой борьбу тех же коалиций, которые создаются и развиваются на цивилизационной основе локальными человеческими цивилизациями — западной, китайской, индийской, исламской, евразийской и другими. Именно они стали сегодня главными субъектами формирования МО и ВПО.

3.в). Изменения в значении факторов, формирующих военно-политическую обстановку

Почти все государства создавались войной,
ею же поддерживались и свержались
в пучину забвения²⁶⁴

А. Снесарев, военный теоретик

В истории человечества и развития мировой ВПО всегда происходил процесс усиления одних и ослабления других факторов, формирующих ВПО, но такой процесс почти всегда относился к субъектам ВПО — государствам или их коалициям²⁶⁵, о чём хорошо писал А.Е. Снесарев. В XX и XXI веке, однако, произошло резкое усиление

значения других групп факторов, прежде всего негосударственных акторов и глобальных тенденций, влияние которых на ВПО стало намного сильнее. Более того, фактически сложилась новая группа факторов, которая связана с влиянием человеческого капитала и когнитивно-информационными средствами политики.

Для того чтобы точнее анализировать современную ВПО и прогнозировать развитие её конкретных сценариев и вариантов необходимо вносить существенные поправки, связанные с новыми факторами формирования ВПО, прежде всего, глобальными тенденциями развития человечества и субъективным влиянием человека и его потенциала. Так, новые технологии в области информатики привели к военно-технической революции в области управления, что, в свою очередь, прямо отразилось на появлении новейших ВВСТ (ВТО, гиперзвукового, лазерного, пр.) и способах их применения (концепция «глобального удара», «ограниченных ядерных войн на ТВД», «нанесении стратегических ударов без ЯО» и т.д.). С военно-политической точки зрения это создало массу новых явлений и угроз, которые в итоге выразились в резком усилении (и удорожании) значения качества ВВСТ и военного управления. Очевидно, что, оценивая ВПО и прогнозируя её развитие, эта группа факторов должна учитываться в полной мере.

Наконец, **военно-политическая обстановка**²⁶⁶, как уже говорилось выше, — это часть МО и во многом, даже в основном его производное, в отношениях между всеми субъектами, акторами, факторами и тенденциями, которые в целом отражают общую специфику (военно-политические и военно-технические и пр. особенности) существующей МО. Это означает, что при анализе и прогнозе развития того или иного сценария ВПО требуется учитывать и наиболее важные особенности развития международной обстановки. Такие, например, как тенденции в демографии, финансовых институтах, экологии и иных областях, прямо не связанных с военно-политическими особенностями МО. Так, например, рост внешней задолженности США и дефицит платёжного баланса и государственного бюджета, торговая асимметрия в отношениях с другими центрами силы и целый ряд других факторов не могут не оказать влияния на формирование ВПО. В исследовании РЭНД-Корпорации, в частности, посвященном

анализу последствий возможного военного конфликта США и КНР, говорится о том, что торгово-экономические отношения между этими государствами настолько важны для их существования, что перевешивают риски военно-политических разногласий. Примечательно, что примерно в том же духе говорил даже в условиях кризиса этих отношений китайский лидер Си Цзиньпин.

Зависимость ВПО от МО настолько сильна, что можно говорить о доминировании сценария развития МО при формировании сценария ВПО, а тем более его вариантов. Более того, в этой связи, как уже говорилось выше, можно говорить о двух типах взаимосвязей и взаимозависимостей между МО-ВПО и государством, которые на рисунке отображаются следующим образом.

Влияние МО-ВПО на аспекты безопасности и жизнедеятельности государства могут быть самыми разными, но, как правило, достаточно системными даже в случае попыток изолироваться со стороны государств. Иными словами, в самом общем виде **МО и ВПО являются системными субъектами**, по сути — широкой группой внешних факторов (политических, экономических, военных, гуманитарных и пр.), формирующих внешние условия существования и развития государства. Эти внешние условия могут, как содействовать развитию и безопасности, так и препятствовать ему. Так, например, в отношении КНДР и Кубы долгие годы существует стратегия, затрудняющая их развитие. То же можно сказать и в отношении Ирана и России.

В целях изучения конкретного состояния ВПО, которое выражается в его существующем конкретном сценарии и варианте развития, для исследования и практических нужд важна именно специфика ВПО. Она выражена как на разных уровнях, так и в разные периоды времени, а в разных условиях развития. В значительной степени эта специфика определяется существующей структурой ВПО, что естественно, ведь состояние ВПО это в основном отношения между частями такой структуры.

Период перехода от «однополярного» мира к «многополярному» неизбежно связан не просто с радикальным изменением в соотношении сил, но и стремлением новых субъектов «исправить» неудобные для них нормы и правила международного поведения, а старых субъ-

ектов-лидеров — сохранить эти нормы и правила. Более того, предполагается вообще максимально ослабить национальную и цивилизационную идентичность новых центров силы, расколов, дезинтегрировав и, в конечном счёте, поставив под их контроль. Именно так сформулировал для США, например, международную повестку дня Д. Трамп, который стал реализовывать план, состоящий из трех основных стратегических направлений политики США в мире²⁶⁷:

- **во-первых**, «переформатировать» все отношения с партнёрами и союзниками с многостороннего формата на двусторонний, учитывающий, прежде всего, конкретные интересы США;
- **во-вторых**, ослабить или уничтожить те институты и организации в мире (созданные, прежде всего, в период существования ялтинско-потсдамской системы), которые мешают усилению влияния США в мире;
- **в-третьих**, ликвидировать те соглашения и договорённости, которые были результатами компромиссов США со странами в самых различных областях — от торгово-экономических до военно-политических, сохранив исключительно такие, которые содействовали бы усилению влияния США в мире.

Соответственно и военно-политическую коалицию западной ЛЧЦ, во главе которой находились США последние десятилетия, они стали переформатировать в систему двусторонних союзов США, созданных на их условиях, нередко за их счёт и — совершенно точно — в их интересах. В этом процессе «мирового переустройства» важная роль принадлежит и негосударственным акторам, чье влияние в мире объективно усилилось не только по естественным причинам, но и по воле США, которые стали активно их использовать в качестве инструмента своей внешней политики. Так, опыт США на Украине и в Сирии показал, что самые эффективные инструменты силовой политики это те, которые могут быть объединены понятием «облачный противник». — Т. е. такой актор (организация, даже отдельная небольшая группа, как «Белые каски») или террористическая организация, как «Джабхад-ан-Нусра», которые используются в качестве политического инструмента в том, или ином регионе или даже в отдельном случае.

В предлагаемой работе автор часто возвращается не к сотрудничеству, а противоборству между локальными цивилизациями, причем противоборству нарастающему, переходящему в прямое военно-силовое противоборство, войну. В зависимости от преобладания тех или иных тенденций в развитии МО и ВПО формируются различные сценарии и их варианты развития²⁶⁸. В данном исследовании автор использует анализ и прогноз закономерностей развития ЛЧЦ и исследование их противоречий в качестве основной тенденции формирования ВПО, требующей самого пристального внимания.

При этом автор прибегает к двум известным методологическим приёмам — дедукции, создавая общую концепцию развития МО-ВПО, где важнейшая роль принадлежит ЛЧЦ и их коалициям, и индукции, где он пытается объединить максимально широкий круг источников, событий и суждений, выступающих как подтверждением, так и корректировкой этой авторской концепции. В этом подходе к анализу ВПО он солидарен с А.Ф. Простовым, который полагает, что «... открытие **объективных** закономерностей возможно только после обобщения **субъективных** наблюдений, опыта и исследований. Поэтому, исторической объективности можно достичь, складывая общую историческую картину из объективно существующих фрагментов, которые отыскивали в процессе своих исследований разные ученые...»²⁶⁹.

Это — справедливо и, как показывает практика, вполне обосновано для военно-политических исследований. Но с одной и очень существенной, на мой взгляд, оговоркой — изначально должна быть предложена максимально адекватная логическая концепция, основанная на дедуктивном анализе и изучении опыта развития МО и ВПО в контексте мирового развития ЛЧЦ. В противном случае нагромождение фактов и событий, избыток информации могут привести к нежелательному эффекту, который часто встречается в отечественной политологии, — бесконечному описательному процессу, когда чередование «с одной стороны» и «с другой стороны» так и не приводит к определённым выводам²⁷⁰. Либо эти выводы сознательно маскируются.

Среди таких рассуждений сегодня немало как откровенно спекулятивных и политизированных, так и ошибочных, недобросовестных с научной точки зрения: бесконечный перечень «процессов» и «трен-

дов», различных видов «глобализаций» и т.п. тенденций не позволяют выйти на практические выводы, необходимые для работы над укреплением безопасности страны. О чём очень точно говорили некоторые политологи, критикуя сложившуюся российскую традицию западных заимствований. Нередко они настолько противоречат друг другу, что возникает ощущение полного хаоса. Концептуально это явление, например, описал еще в 2014 году профессор МГИМО МИД РФ В. Сергеев: «В начале XXI века мировое сообщество зафиксировало появление новых центров силы — Китая, Индии, Бразилии, Турции, Ирана. Их подъём было бы естественно связать с развитием глобализации и вовлечением новых стран в процесс быстрого экономического роста. В связи с этим возникает весьма интересный вопрос, почему этот рост оказывается неравномерным. Что обуславливает успехи одних стран и неудачи других?».

Так, несмотря на высокую численность населения, ресурсы и прогресс в общем уровне образования, такие страны, как Пакистан, Египет, Нигерия, Аргентина, пока что не смогли принять участие в этом ралли. Но это совсем не означает, что они не смогут сделать этого в будущем»²⁷¹.

В работе я пытаюсь объяснить это успехами или неудачами в демографическом и научно-технологическом развитии. Если воспринимать основные факторы мощи ЛЧЦ и государств как относительные константы (территория, ресурсы, численность населения, ВВП и пр.), то изменение положения той или иной нации-государства или ЛЧЦ в наши дни может быть сделано быстрее всего за счёт быстрого развития демографии и качества НЧК, а также развития институтов НЧК, которые обеспечат сверхбыстрое развитие «творческих слоёв» («креативного класса») созидателей, авторов идей и прочих «биллогейтсов», которые, в свою очередь, гарантируют быстрое технологическое развитие ЛЧЦ и нации.

Необходимо отметить, что такие качественные характеристики минимизируют пользу от экстраполяций в истории, в особенности, в тех прогнозах, к которым привыкли. Низкая практическая значимость традиционных прогнозов превращает их в «упражнения для интеллекта», которые очень далеки от реалий. Более того, даже и не претен-

дуют на сколько-нибудь практическое значение, снимая с себя таким образом и без того символические обвинения в безрезультативности и бессмысленности. «Справедливое урегулирование» — по мнению авторов одного из прогнозов, не имеет равным счётом никакого отношения к той борьбе, которая развернулась в последние годы за суверенитет и идентичность России, что на самом деле является основой политики безопасности России²⁷².

В обобщённом виде условия нормализации российско-американских отношений выглядят так:

- 1). Модернизация ядерного оружия США не поставит под угрозу ядерный паритет с Россией;
- 2). Начнётся предметная дискуссия о проблемах европейской безопасности с учётом озабоченностей России;
- 3). Будет достигнуто взаимопонимание в вопросе об урегулировании украинского кризиса и отмене санкций;
- 4). Возобновится сотрудничество по борьбе с международным терроризмом и новыми вызовами;
- 5). США не пойдут на обострение отношений с КНР или Ираном;
- 6). Россия и США будут согласованно реагировать на новые международные кризисы»²⁷³.

Надо ли говорить о том, что НИ ОДНО из этих условий выполнено не было ни в 2017, ни в 2018, ни в 2019 году?

Наверное, скудность попыток прогноза, тем более среднесрочного и долгосрочного, объясняется тем, что на протяжении десятилетий сокращался потенциал российской науки, а прогноз и планирование вообще были «выведены за скобки» политической деятельности. Также, как и в области идеологии, официального запрета вроде бы и не было, но вместо российских и советских наработок втихую пропихивались западные. В условиях борьбы систем ценностей это можно называть политической диверсией.

²⁵⁶ **Международные отношения (МО)** — trad.: **особый вид** общественных отношений между субъектами международной деятельности

²⁵⁷ **Международная обстановка (МО)** — общее состояние взаимоотношений субъектов, акторов и тенденций, формирующих внешние условия развития человеческой цивилизации.

²⁵⁸ Следующие 20 лет. Ведущие бизнесмены, экономисты и политики предсказывают будущее. — М.: Росконгресс, 2018. — С. 9.

²⁵⁹ **Субъекты МО и ВПО** — зд.: суверенные с точки зрения международного права государства, способные к проведению самостоятельной внешней и военной политике.

²⁶⁰ **Акторы МО и ВПО** — легитимные и нелегитимные, негосударственные организации и структуры, участвующие в формировании МО и ВПО.

²⁶¹ *Клаузевиц Карл фон «О войне»* — С. 115.

²⁶² **Международная обстановка (МО)** — зд.: результат взаимовлияния **отношений** между всеми участниками формирования системы, а также глобальных, региональных, национальных и иных тенденций и факторов.

²⁶³ *Попов В.В.* Расстановка сил на международной арене стремительно меняется / Эл. ресурс: «портал МГИМО». 31.5.2019

²⁶⁴ *Снесарев А.Е.* Философия войны. — М.: Финансовый контроль, 2003. — С. 187.

²⁶⁵ Военно-политические коалиции в новейшую историю также претерпели эволюцию, превратившись, как правило, в союзы на основе ЛЧЦ. См.: Долгосрочное прогнозирование развития отношений между локальными цивилизациями в Евразии: монография / *А.И. Подберёзкин и др.* — М.: Издательский дом «Международные отношения», 2017. — С. 357.

²⁶⁶ **Военно-политическая обстановка (ВПО)** — зд.: производная от МО военно-политическая часть.

²⁶⁷ *Подберёзкин А.И.* Состояние и долгосрочные военно-политические перспективы развития России в XXI веке; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) М-ва иностр. дел Рос. Федерации, Центр военно-политических исследований. — М.: Издательский дом «Международные отношения», 2018. — 1596 с. — С. 25–59.

²⁶⁸ **Сценарии развития международной обстановки** — зд. относительно детальный план (проект), существующий в виде документа или набора логически последовательных идей по поводу краткосрочных, сред-

несрочных и долгосрочных политических и иных тенденций в развитии и взаимодействии витии субъектов, факторов и акторов, формирующих международную обстановку.

²⁶⁹ *Простов А.Ф.* Лживая правда или правдивая ложь // Национальные интересы, 2008. — № 1(54).

²⁷⁰ См. подробнее: *Подберёзкин А.И.* Повышение эффективности стратегического сдерживания — основное направление политики безопасности России. Часть 1 // *Обозреватель-Observer*, 2018. — № 5. — С. 19–35.

²⁷¹ *Сергеев В.И.* Новые центры силы на мировой арене / Эл. ресурс: «РСМД», 2014.26.10 / <http://russiancouncil.ru/analytcs-and-comments>

²⁷² *Подберёзкин А.И.* Повышение эффективности стратегического сдерживания — основное направление политики безопасности. Часть 1 и Часть 2 / Журнал «Обозреватель», 2018. — № 5 и 6.

²⁷³ *Безруков А.О., Силаев Н.Ю., Сушенцов А.А.* Прогноз угроз международной безопасности России в 2017 году // Вестник МГИМО-Университет, 2017. — № 2. — С. 233.

Глава IV.
Приоритеты субъектов
международной обстановки:
защита идентичности
и суверенитета

Анализ и прогноз развития ВПО, как уже не раз говорилось, несёт в себе очень серьёзный субъективный отпечаток лиц, готовящих и принимающих решения. Они могут увидеть и захотеть увидеть одно явление (и именно в том свете, как им кажется) и не заметить, или не оценить по достоинству другое. В этой связи хотелось бы привлечь внимание к тому, что анализ и прогноз развития современной ВПО во многом должен строиться на понимании значения таких явлений как национальный и государственный «суверенитет»²⁷⁴, «система национальных ценностей»²⁷⁵ и национальная «идентичность»²⁷⁶, а также различий между ними и другими понятиями. Так, от правильного, адекватного понимания системы национальных ценностей непосредственно зависит современное политическое целеполагание, которое формируется, прежде всего, на основе ценностей (национальных, либо региональных или цивилизационных, либо чужих), а не, как прежде, когда цели формировались исключительно на базе интересов (групповых, личных, классовых, национальных, государственных).

К сожалению, это происходит не всегда, хотя в последнее время внимание было привлечено и в важнейших нормативных документах²⁷⁷.

Для анализа и прогноза развития важнейших военно-политических тенденций в мире и рекомендаций для деятельности российского руководства по созданию эффективной национальной стратегии уже сложились благоприятные условия: после мировоззренческой и экономической разрухи 90-х и тяжелого, почти двадцатилетнего периода восстановления, отказа от системы национальных ценностей и интересов, Россия встала перед практической потребностью в соответствии с национальными интересами и системой ценностей перейти к ускоренному развитию, выбору наиболее эффективной национальной

модели и сценария развития, которые бы соответствовали такой потребности²⁷⁸.

Проблема — в создании эффективного государственного механизма реализации этого целеполагания в реальных современных условиях развития ВПО. В.В. Путин неоднократно заявлял это. Более того, он формально зафиксировал эту потребность в своём послании ФС 2018 года и поручении правительству в указе 7 мая 2018 года, а потом, неоднократно возвращался к реализации этой цели. Это означает, что анализ состояния ВПО и России, прогноз развития, без которых невозможен никакой план деятельности, уже востребованы властью: ни реальный прогноз, ни планы социально-экономического развития России подготовить невозможно без анализа и прогноза развития международной обстановки и последствий политики ведущих государств мира в отношении России. Примеры показывают, что такие последствия могут быть очень серьёзными²⁷⁹.

Надо признать, что решение этой управленческой задачи — крайне сложная проблема для современной российской элиты, которая так и не смогла создать эффективного и ответственного механизма государственного управления. Даже либеральные сторонники В. Путина, такие, как Г. Греф, признают эту задачу «проблемой № 1» для российского руководства.

И последнее. Из всех ЛЧЦ, которые в 2020 году являются мировыми лидерами, российская пока что находится на самом последнем месте по своим основным ресурсам, определяющим государственную мощь страны и её способность защитить свой суверенитет — демографическим, экономическим, технологическим. Более того, приходится констатировать, что такое отставание России, прежде всего, в области технологического и промышленного развития и человеческого капитала нарастает: если темпы развития в мире в последние десятилетия составляли 3–4%, то в России в среднем не более 1%.

Но Россия находится отнюдь не на последнем месте по площади своей территории, природным ресурсам, геополитическому положению и политическому влиянию, качеству человеческого капитала, а также таким важным ресурсам как культура, история, духовность. По совокупности этих качеств и признаков российская ЛЧЦ рассма-

тривается наравне с другими ведущими ЛЧЦ²⁸⁰, более того, нередко в более предпочтительной ситуации. Из этого признания следуют неизбежно два вывода:

Во-первых, это требует в ещё большей степени **ускорения усилий** в её социально-экономическом и научно-культурном развитии, прежде всего в области опережающих темпов развития качества НЧК и его институтов («креативного класса»)²⁸¹. В противном случае все её богатства могут стать приобретением для других ЛЧЦ.

Во-вторых, национальная безопасность и развитие требуют, прежде всего, защиты национальной идентичности — важнейшего национального ресурса. Обладая огромными природными богатствами, наивно полагать, что они останутся вне сферы корыстных интересов, защититься от которых можно только обладая силой и решимостью, а также знаниями к её применению.

4.а). Защита национальной идентичности как главная цель в условиях формирования новой международной обстановки

В период нарастающего противоборства между ЛЧЦ, как видим, происходит радикальное изменение особенностей и характера силовой борьбы между субъектами МО и ВПО. Основные особенности современной гибридной (информационной, психологической, кибернетической, экономической, финансовой, политической) войны в сочетании с горячими региональными конфликтами состоят, в частности, в следующем²⁸²:

- они либо ведутся без всякого объявления войны, либо маскируются действиями, направленными якобы на защиту международного права, либеральных ценностей и т.п. Типичными примерами таких войн стали войны США и западной коалиции в Центральной Азии;
- такие войны могут не иметь ни точного начала, ни конца, они носят перманентный характер. Так, в войне США в Афганистане

- и Ираке нет точной даты начала и соответственно нет даты окончания;
- предпринимаемые действия во всех сферах гибридной войны носят неожиданный и нередко весьма быстрый характер. Классический пример — война США в Афганистане и Сирии;
 - отсутствие каких бы то ни было правил ведения войны и норм международного права, решающая роль «права силы», использование в своих целях частных корпораций (включая и наиболее крупные корпорации на рынке информационных и интернет-услуг) и неправительственных организаций;
 - решающая роль борьбы за сознание и умы людей, прежде всего молодежи;
 - целенаправленное и массированное разрушение национальной идентичности противника, чувства принадлежности к своему народу, единства общества, его системы ценностей, традиций, социальных норм;
 - прямой подкуп или шантаж части элиты противника;
 - систематическое разрушение экономической и финансовой системы противника с помощью различных санкций, экономических и финансовых диверсий, инициирования массового бегства капиталов;
 - провоцирование и финансирование внутренних государственных переворотов, «цветных революций» с целью изменения политического режима²⁸³.

Как показывает экономический, политический и ситуационный анализ, гибридная война политических и транснациональных элит США против России не прекращалась со времен холодной войны, но особенную интенсивность она приобрела с начала 2014 г., причем ее накал и масштабы постоянно увеличиваются. Конечная цель этой войны, как и при Р. Рейгане и М. Тэтчер, состоит в том, чтобы (как это и произошло в СССР) сменить в России любым способом политическое руководство, либо заставить его пойти на серьезные уступки в области суверенитета. — Т. е. фактически капитулировать, а затем окончательно ослабить суверенитет и, если удастся, расчленив страну. «Выбив» Россию из российско-китайского тандема, США рассчитывают подчинить себе и РФ, и Китай, и другие страны²⁸⁴.

В этой войне Соединенные Штаты уже задействовали огромное количество аналитических и других центров, спецслужб, разведывательных организаций, изобретающих все новые и новые средства давления на Россию. В такой войне используются все способы и преимущества США (особенно в финансовой сфере). Тем не менее, несмотря на то, что 2018 и 2019 гг. продемонстрировали расширение масштабов и обострение этой войны, очень вероятно, что самая острая и **самая тяжелая для России ее фаза начнется несколько позже, возможно, в 2020–2022 гг.** (то есть после новых выборов президента в США). Таким образом, у России очень мало времени для того, чтобы подготовиться к самой опасной фазе гибридной войны, в которой будут использоваться новейшие информационные, военные и политические технологии, а также «тяжелая артиллерия» финансовых санкций, которая требует самого пристального анализа и тщательного стратегического планирования²⁸⁵.

Важно, что примерно на период 2025–2029 годов приходится и время, которые математики и другие учёные соотносят с наступлением «точки абсолютных» перемен, математической сингулярности, когда качественные изменения в основных сферах деятельности всей человеческой цивилизации будут наступать настолько быстро, что между ними практически не останется «фазовых переходов», которые прежде насчитывали тысячи и сотни лет²⁸⁶. Так, например, технологическое развитие вступило именно в такую фазу, но именно в неё превращается и экономическое, и демографическое развитие. Эти перемены уже вступили в свою качественную новую фазу, когда прямая экстраполяция с помощью традиционных методов становится уже бесполезной.

Нужны — и в этом С. Хантингтон был абсолютно прав — новые попытки разработать практически полезные для реальной политики парадигмы. Таким образом, современный характер силового противоборства во многом предопределяется именно цивилизационным характером отношений между ЛЧЦ и их центрами силы²⁸⁷. Это означает как смену основных, наиболее приоритетных политических целей, так и средств, и способов их применения. Так, заметно сократились возможности политико-дипломатических средств, но резко выросло зна-

чение силовых, информационных (особенно сетевых), а сам характер противоборства стал бескомпромиссным, отрицающим промежуточные и временные соглашения²⁸⁸.

Сказанное означает, что для сохранения национальной идентичности и суверенитета России предстоит пересмотреть, прежде всего, своё отношение к национальной безопасности, которую следует рассматривать с цивилизационной точки зрения — успешного (опережающего) развития²⁸⁹ российской ЛЧЦ. «Успешность» такого развития будет определяться темпами развития НЧК и его институтов, которые, в свою очередь, измеряются количественными и качественными показателями, способностью создавать, воспроизводить и сохранять свой творческий потенциал и систему ценностей.

4.6). Защита национальных интересов и суверенитета в новой международной обстановке

«Найдите врага, который хочет покончить с этим экспериментом (американской демократией) и убейте каждого из них, пока им так не надоедят убийства, чтобы они оставят нас и наши свободы нетронутыми»

Дж. Маттис

министр обороны США (2017–2018 гг.)

Рассмотрим прогноз эволюции развития национальных интересов США.

Также, как и у других государств, интересы США можно условно разделить на несколько крупных групп, каждая из которых достаточно автономна, с одной стороны, и взаимосвязана с остальными группами, с другой. Эти группы делятся следующим образом:

- **Биологические интересы** — интересы США, как части западной ЛЧЦ и мировой цивилизации, выживание которой отдельно от остального человечества невозможно или крайне ущербно.

- **Глобальные интересы** — интересы США в мире, включая самые удаленные регионы и не самые приоритетные области.
- **Национальные интересы** — самый широкий круг интересов США, включающий как глобальные и региональные, так и локальные интересы.
- **Государственные интересы** — интересы американского государства и его институтов власти
- **Социально-классовые интересы** — интересы отдельных классов, социальных слоев и групп.
- **Групповые интересы** — интересы отдельных групп, корпораций и коллективов.
- **Личные интересы** — интересы отдельных личностей, семей и близких.

Очевидно, что «в чистом виде» отдельных интересов в политике не существует. В реальности происходит пересечение и даже столкновение интересов, например, национальных и групповых. Тем не менее, мы можем говорить о том, что некоторые интересы доминируют в определенный период времени и при определенных обстоятельствах над другими интересами. Поэтому, анализируя наиболее широкие политические национальные интересы, необходимо учитывать и влияние других интересов, которое может быть незначительным, но может быть и очень заметным. Так, например, интересы безопасности ядерных стран требуют испытания новых ядерных боезарядов, однако биологические интересы (прежде всего экологические) требуют их ограничения и запрещения.

Кроме того, эти интересы могут по временной продолжительности быть разделены на:

- современные, краткосрочные;
- среднесрочные (5–7 лет);
- долгосрочные (7 и более лет).

Это обстоятельство также необходимо иметь ввиду потому, что краткосрочные интересы («сиюминутные», тактические) могут оказываться сильнее стратегических, долгосрочных. Особенно в случае, когда возникает «политическая целесообразность», вызванная тактическими обстоятельствами — выборами, политической

конъюнктурой, состоянием здоровья и другими субъективными причинами.

В практических целях, когда необходимо определенное упрощение анализа и стратегического прогноза тех или иных интересов, они могут быть объединены в более крупные группы, например, вокруг национальных интересов, а именно: «Глобальные», «Национальные», «Государственные» и «Групповые-элитные» интересы, которые, в свою очередь, делятся на наиболее крупные функциональные подгруппы, отличающиеся ярко выраженной спецификой интересов. Как минимум, можно говорить о следующих подгруппах:

- **Подгруппа, объединяющая политические интересы субъектов и ак-торов МО;**
- **Подгруппа экономических интересов** (финансовые, торговые, экономические и пр.);
- **Подгруппа военных интересов** (военно-политические, военно-технические и пр.);
- **Подгруппа широкого спектра гуманитарных интересов** (цивилизационных, культурных, духовных, научных, нравственных и пр.).

Таким образом, если составить матрицу основных интересов США, то они делятся на 16 основных групп интересов продолжительностью (длительностью) в три временных периода — краткосрочный, среднесрочный и долгосрочный — т.е. таких групп интересов может быть вычленено в три раза больше.

Представляется, что подобная формализация позволит полнее вычленить особенности и наиболее характерные черты тех или иных интересов, хотя в ряде случаев и будет оказываться, что одновременно в той или иной степени присутствуют сразу несколько интересов, либо одни интересы противоречат другим. Именно поэтому механическая абсолютизация тех или иных интересов может привести к ошибочным выводам анализа.

В случае с необходимостью анализа и прогноза внешней и военной политики США можно остановиться на доминирующей группе интересов, получивших на практике название «национальные интересы США», которые отражают в действительности как объективные на-

циональные и государственные интересы (потребности) США, так и субъективные интересы — групповые, социальные, личные — правящей элиты стран, а также другие интересы в разной временной перспективе. Как видно из этого определения, понятие «национальные интересы» США — очень размыто. Тем не менее, оно лежит в основе американской внешней и военной политики, которые в разных документах его конкретизируют и детализируют.

Кроме того, в документе Комитета начальников штабов (КНШ) США, планирующем оборону до 2035 года, например, изначально обращают на себя внимание два обстоятельства, имеющих принципиальное значение. В анализе проблем безопасности приоритет уделяется, прежде всего, национальным интересам США, оставляя для других групп приоритетов менее важное значение. В этой связи предлагается рассматривать собственно национальные интересы США, группируя вокруг них все остальные интересы и группы интересов. Этот подход упрощает анализ, сводя его только к анализу некоторых аспектов интересов национальной безопасности США, а именно:

- **Во-первых**, обеспечение безопасности США, национальных интересов США и безопасности союзников рассматривается как единая, общая задача. — т.е. не существует формального или иного разделения на:
 - безопасность США;
 - интересы США;
 - безопасность союзников.
- **Во-вторых**, основные внешние угрозы, по мнению КНШ США, исходят из двух тенденций:
 - роста новых центров силы, претендующих на изменение существующей системы безопасности;
 - и внутривнутриполитических и социальных конфликтов внутри развивающихся государств.

Важно также отметить, что базовые интересы и система ценностей в представлении правящих кругов США не только рассматриваются в едином комплексе, но и защита этих базовых ценностей предполагается в качестве важнейшего, исключительного национального интереса США, вокруг которого, так или иначе, формируются

остальные интересы. Вместе с тем, выделение в этом комплексе национальных интересов своего рода отдельных приоритетов — «безопасности США», «национальных интересов США» и «безопасности союзников» предполагает, что и в реальной политике страны национальные интересы подразделяются:

- **на интересы безопасности собственно США и их системы ценностей** (образа жизни, государственного устройства и пр.), что наглядно проявилось в том значении, которое придается раздуванию скандала с «вмешательством России в выборы в США»;
- **на национальные интересы США за рубежом**, необходимость которых защищать с помощью силы и рассматривается, прежде всего, политиками и аналитиками, но приоритетность которых порой (как в случае с использованием ядерного оружия в интересах безопасности союзников США в Европе) вызывает серьезное сомнение;
- **на безопасность союзников США по военно-политической коалиции**, которая даже у союзников не идентифицируется абсолютно с безопасностью США.

Таким образом, выделяются наиболее приоритетные национальные интересы США, которые условно делятся на 3 группы, каждая из которых, в свою очередь, также соответствует своему «рангу приоритетности» — «жизненно важные национальные приоритеты» (1-го ранга), «национальные интересы за рубежом (2-го ранга), «интересы США и их союзников» (3-го ранга). Эту структуру интересов и деление их на приоритеты изображены на рисунке 22.

С учетом такого деления понятия «национальные интересы» предлагается их рассмотреть в той же последовательности. В этой связи предлагается рассмотреть следующие возможные особенности сценариев развития США после 2025 года: основанного на сохранении влияния старых парадигм.

Во втором десятилетии XXI века развитие отдельных субъектов и МО — ВПО в мире («сущность которых заключается в формировании полицентричной международной системы²⁹⁰»), привело к качественным изменениям в соотношении сил между основными субъектами, акторами и их коалициями, и, как следствие, — возникновению

Рис. 22. Структура национальных интересов США после 2025 года

острого противоборства за право влиять (а для США — контролировать) не только на внешнюю политику, но и дальнейшее политическое, экономическое и социальное развитие государств, их систем ценностей, отношения к национальным интересам и суверенитету²⁹¹.

Произошла быстрая смена в акцентах целей внешней политики: инициированная США острая борьба между многими участниками ВПО сознательно, целенаправленно, но достаточно постепенно переносилась ими из области борьбы за национальные интересы в область борьбы за системы национальных ценностей (которые включали отношение к суверенитету, а также нормы и правила, существующие в мире), превращение их в клоны американской системы ценностей. И, что вполне естественно и неизбежно, встречало активное сопротивление у других стран, включая даже союзников США.

Этот аспект внешней политики США периодически становился предметом обсуждений, но так и не стал, к сожалению, центральным —

политические элиты большинства стран, как правило, не заявляли открыто о силовом принуждении США даже в случаях сильного давления или шантажа, как это было в октябре 1999 года при бомбардировке Югославии или позже — Сирии. Сложилась ситуация де-факто, когда «по определению» американская система ценностей признавалась:

- во-первых, универсальной, «общезападной и общецивилизационной»;
- во-вторых, её нормы — обязательными (именно в силу универсальности);
- в-третьих, они должны стать международными нормами, заменив те из них, которые устарели (например, в практике ООН, либо в процессе ограничения и сокращения вооружений).

Этот процесс носил откровенно силовой, принудительный характер, когда конкуренция между системами ценностей приобретает «форму соперничества ценностных ориентиров»²⁹².

На практике это означало стремление США сохранить полный контроль над развитием МО и ВПО, которое приобрело форму борьбы США за установление своих национальных норм и правил, как и системы ценностей, вместо международных норм и правил, реформирование системы международной безопасности, созданной в послевоенные годы, пересмотр двусторонних и многосторонних обязательств и (при необходимости) международных институтов²⁹³. Такая массированная «ломка» всей системы МО и ВПО, начатая Д. Трампом сразу после его прихода к власти (буквально сразу же отказ от созданных ТТП и ТАП, выход из ЮНЕСКО, фактически разрушение всех соглашений по контролю над вооружениями и т. п.), означало только одно — силовое принуждение всех субъектов мирового сообщества к национальной системе ценностей, нормам и правилам США.

При этом возникали вполне естественные противоречия, например, в области стратегической стабильности: **каким образом можно повлиять и силовым образом** принудить другое государств к отказу от национальной системы ценностей, если оно обладает ЯО и волей для своей защиты, либо готово защищаться, несмотря на любую агрессию извне?²⁹⁴

Кроме того, думается, что со стороны Китая и России США увидели угрозу не только военную, сколько цивилизационную, ставящую под сомнение правомерность США формировать модели для других стран — именно поэтому они обозначили в качестве прямой угрозы «авторитарную модель» КНР и РФ. В этом лежит ответ на вопрос о том, что хотят США от развития ВПО в мире, а именно — **добиться того, чтобы Китай, Россия и другие государства на первом этапе разрушения ими суверенитетов не вмешивались в этот процесс, предоставив им право «переформатировать» МО по-своему.**

Бывший министр обороны США Дж. Маттис очень точно характеризует эту политику Китая и России как «главную внешнюю угрозу»: «Главной угрозой процветанию и безопасности США является новое возникновение долгосрочного, стратегического соревнования между теми, кого в Стратегии национальной безопасности называют ревизионистскими державами. Становится всё яснее, что Китай и Россия хотят привести мир к своей авторитарной модели — получить право вето на решения, принимаемые в других странах в области экономики, дипломатии и безопасности»²⁹⁵.

Другими словами, политика Китая и России рассматривается в качестве важнейшей внешней угрозы США из-за того, что их возросшее влияние сказывается на поведении других стран. — Т. е. на развитии МО и ВПО. Но в основе такой политики этих государств лежит их национальная идентичность и система ценностей, которые и обеспечивают суверенитет Китая и России. Таким образом, главная по приоритетности и долгосрочная цель внешней политики США — разрушение национальной идентичности и системы национальных ценностей. Проблема, однако, в том, что сделать это можно только уничтожив государственный и национальный суверенитет, ограничив его на первом этапе во внешней политике этих стран²⁹⁶. Таким образом, последовательность достижения политических целей США в отношении Китая и России следующая²⁹⁷:

— на первом этапе — ограничение внешнеполитического суверенитета этих стран, их цивилизационного и политического влияния в мире;

- на втором этапе — внутривнутриполитическая дестабилизация этих государств и разрушение их институтов, уничтожение суверенитета;
- на третьем этапе — демонтаж системы ценностей и идентичности, распыление нации на отдельные самостоятельные сегменты.

Процесс этот уже был апробирован на Югославии и СССР, значительные части, которых были превращены в итоге в противников друг другу. В определённом смысле для Запада это стало блестящим результатом в Евразии и Южной Европе перестали существовать мощные центры силы.

В новых условиях формирования МО и ВПО требуются новые подходы к защите системы национальных ценностей и интересов. Суть такого подхода заключается в том, чтобы защищать уже не только экономические и торговые интересы, но и культурно-духовные, информационно-когнитивные интересы и ценности.

²⁷⁴ **Суверенитет** — *зд.*: государственный — независимость и полная самостоятельность во внешних и внутренних делах; национальный — полновластие нации, её политическая свобода, обладание реальной возможностью определять характер своей национальной жизни, включая, прежде всего способность политически самоопределяться вплоть до отделения образования самостоятельного государства.

²⁷⁵ **Система национальных ценностей** — *зд.*: система (базовых) национальных ценностей — совокупность духовных идеалов, присущих определённой этнической общности, которые отражают её историческое своеобразие, нравственные приоритеты и специфику.

²⁷⁶ **Национальная идентичность** — *зд.*: (англ. Identity) — свойство психики человека в концентрированном виде выражать для него то, как он представляет себе свою принадлежность к национальной (и политической) общности.

²⁷⁷ Путин В.В. Указ Президента Российской Федерации № 640, от 30 ноября 2016 г. «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации». Часть II. Статья № 4.

²⁷⁸ Этой проблеме была посвящена специальная работа. См.: Состояние и долгосрочные военно-политические перспективы развития России

в XXI веке / *А.И. Подберёзкин*; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) М-ва иностр. дел Рос. Федерации, Центр военно-политических исследований. — М.: Издательский дом «Международные отношения», 2018. — 1496 с.

²⁷⁹ Assessing the impact of cost-imposing options / RAND report. April, 2019. — P. 5 / Источник: https://politexpert.net/153115-rand-corp-opublikovala-antirossiiskii-plan-deistvii-ssha?utm_source=smi2

²⁸⁰ Мир в XXI веке: прогноз развития международной обстановки по странам и регионам: монография / [*А.И. Подберёзкин, М.И. Александров, О.Е. Родионов и др.*]; под ред. *М.В. Александрова, О.Е. Родионова*. — М.: МГИМО-Университет, 2018. — С. 30–31.

²⁸¹ *Путин В.В.* Указ ««О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». — № 604 от 7 мая 2018 г.

²⁸² *Пантин В.И., Малков С.Ю., Гринин Л.Е.* Основные угрозы и риски России при переходе к новому мировому порядку и пути их минимизации: Стратегический анализ. — М.: Московская редакция издательства «Учитель», 2018. — 24 с.

²⁸³ Мир в XXI веке: прогноз развития международной обстановки по странам и регионам: монография / *А.И. Подберёзкин, М.В. Александров, О.Е. Родионов и др.* — М.: МГИМО-Университет, 2018. — 768 с.

²⁸⁴ См. подробнее: *Подберёзкин А.И.* Формирование современной военно-политической обстановки / Latvia, Riga.: Lap Lambert Academec Publishing. — 2018. — P. 91–93.

²⁸⁵ *Подберёзкин А.И., Боришполец К.П., Казанцев А.А., Козин В.П., Орлов А.А.* Прогнозирование международной ситуации: угрозы безопасности и военная политика России: аналитический доклад. — М.: МГИМО-Университет, 2014. — 44 с., а также: Информационно-аналитическая система стратегического планирования противодействия угрозам национальной безопасности: аналит. доклад / *П.М. Шмелёв, А.И. Подберёзкин*. — М.: МГИМО-Университет, 2014. — 159 с.; Долгосрочное прогнозирование сценариев развития военно-политической обстановки: аналит. доклад / *А.И. Подберёзкин, М.А. Мунтян, М.В. Харкевич и др.*; рук. авт. коллектива *А.И. Подберёзкин*. — М.: МГИМО-Университет, 2014. — 161 с.; Долгосрочные сценарии развития стратегической обстановки, войн и военных конфликтов в XXI веке: аналит. доклад / *А.И. Подберёзкин, М.А. Мунтян, М.В. Харкевич (и др.)*;

рук. авт. кол. А.И. Подберёзкин. — М.: МГИМО-Университет, 2014. — 175 с.; Подберёзкин А.И. Третья мировая война против России: введение в концепцию. — М.: МГИМО-Университет, 2015. — 157 с.; Военно-политические аспекты прогнозирования мирового развития: аналит. доклад / А.И. Подберёзкин, Р.Ш. Султанов, М.В. Харкевич и др. — М.: МГИМО-Университет, 2014. — 167 с.; Стратегическое прогнозирование и планирование внешней и оборонной политики: монография: в 2-х т. / под ред. А.И. Подберёзкина. — М.: МГИМО-Университет, 2015; Подберёзкин А.И. Вероятный сценарий развития международной обстановки после 2021 года. — М.: МГИМО-Университет, 2015. — 325 с.; Долгосрочное прогнозирование международных отношений: сборник статей / под ред. А.И. Подберёзкина. — М.: МГИМО-Университет, 2016. — 307.

²⁸⁶ **Singularity** (англ.) — зд.: понятие, означающее уникальное в своем роде событие с крайне особыми последствиями. Это слово используется математиками для обозначения значения, которое превосходит любое конечное ограничение, такое как взрывообразный рост величины, который возникает при делении константы на переменную, значение которой все больше приближается к нулю.

²⁸⁷ Подберёзкин А.И. Повышение эффективности стратегического сдерживания — основное направление политики безопасности России. Часть 1 // Обозреватель-Observer, 2018. — № 5. — С. 20–23.

²⁸⁸ Подберёзкин А.И. Состояние и долгосрочные военно-политические перспективы развития России в XXI веке /; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) М-ва иностр. дел Рос. Федерации, Центр военно-политических исследований. — М.: Издательский дом «Международные отношения», 2018. — 1496 с.

²⁸⁹ Путин В.В. Указ «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». — № 604 от 7 мая 2018 г.

²⁹⁰ Путин В.В. Указ Президента Российской Федерации № 640, от 30 ноября 2016 г. «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации». Часть II. Статья № 4.

²⁹¹ См. подробнее в работе: Состояние и долгосрочные военно-политические перспективы развития России в XXI веке / А.И. Подберёзкин; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) М-ва иностр. дел Рос. Федера-

ции, Центр военно-политических исследований. — М.: Издательский дом «Международные отношения», 2018. — 1496 с.

²⁹² Путин В.В. Указ Президента Российской Федерации № 640, от 30 ноября 2016 г. «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации». Часть II. Статья № 4.

²⁹³ Мир в XXI веке: прогноз развития международной обстановки по странам и регионам: монография / А.И. Подберёзкин, М.В. Александров, О.Е. Родионов и др. — М.: МГИМО-Университет, 2018. — 768 с.

²⁹⁴ Путин В.В. Указ Президента Российской Федерации № 640, от 30 ноября 2016 г. «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации».

²⁹⁵ Mattis Jim. Summary of the 2018 National Defense Strategy of The United States of America. — Wash., DOD, 2018. — P. 2.

²⁹⁶ Об этом еще в 50-е годы XX века писал русский философ И.Ильин. См.: Ильин И.А. Пути России. — М.: Вагриус, 2007. — С. 234.

²⁹⁷ Подберёзкин А.И. Военно-политические перспективы развития России в XXI веке. — М.: Издательский дом «Международные отношения», 2018. — 1599 с.

Глава V.
Прикладной анализ
современной международной
обстановки

Западная военно-политическая коалиция во главе с США с 2010 г. по настоящее время находится в быстро меняющихся условиях формирования МО и ВПО²⁹⁸

Исследование международных отношений в англоязычных странах — это просто изучение наилучшего способа управлять миром с позиции силы²⁹⁹

*Е. Карр, один из основателей
школы политического реализма*

В 2020-х годах фрагментация материкового Китая, а ближе к 2030-м годам — распад Российской Федерации, оставит Евразию в хаосе. Найдутся новые державы, которые перераспределят сферы влияния в этом районе, и в большинстве случаев региональные лидеры сдадутся «без боя».

В России Чечня и другие мусульманские регионы, а также Дальний Восток, обретут независимость. Финляндия аннексирует Карелию, а Румыния аннексирует Молдову³⁰⁰

Дж. Фридман, американский политолог

Для исследователей и тех, кто практически занимается международной политикой принципиальное значение имеет не столько исследование концепции и теоретических изысков развития международной обстановки и её следствия — военно-политической обстановки — сколько прикладное значение таких исследований, практические навыки и практические приёмы анализа и прогноза.

Вместе с тем, важно, чтобы в основе прикладных исследований лежали некие логические схемы и исторические примеры. Подкрепля-

ющие их существование, а не абстракции, не имеющие отношения к реалиям. Так, например. Можно рассмотреть логическую схему развития МО и ВПО на примере формирования монголо-татарской ЛЧЦ. В самом общем виде эта схема развивалась следующим образом:

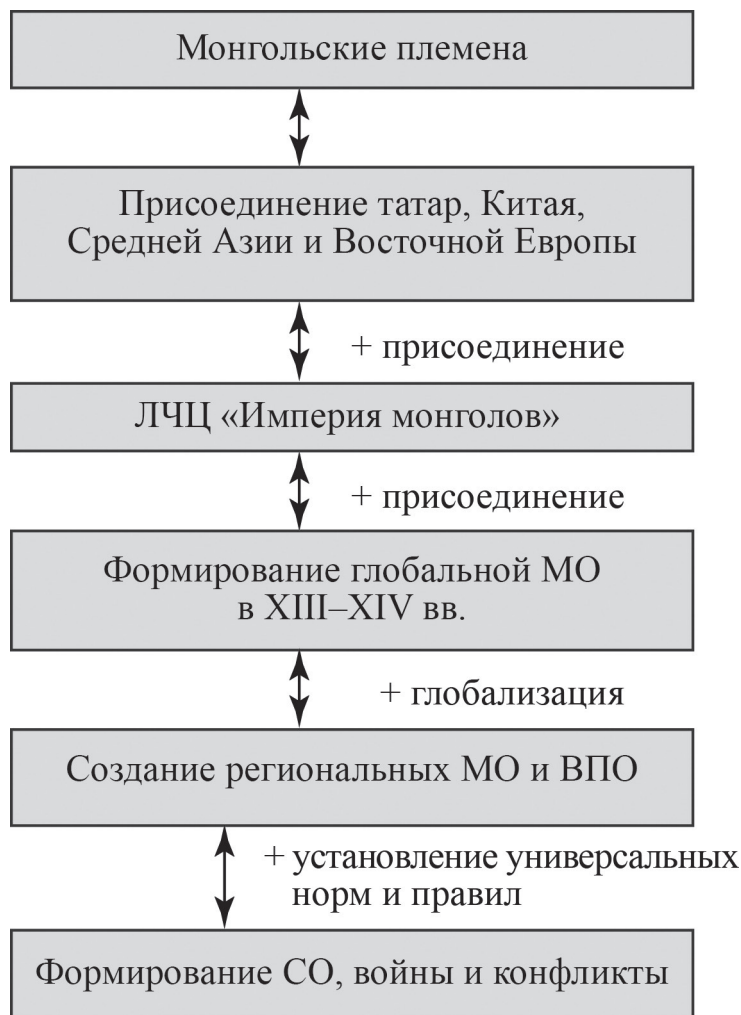

Рис. 23. Логическая схема развития монголо-татарской ЛЧЦ

Как видно из схемы, развитие ЛЧЦ во многом предопределялось успехом военной организации татаро-монгольского войска. Успехи монгольских войск объясняются внутренними факторами (эффек-

тивность управления, мобильность и пр.) и внешними условиями — толерантностью и присоединением. Другими словами, МО в те годы во многом формировалась под влиянием ВПО.

Базовый сценарий развития ВПО, как уже говорилось, во многом предопределяется сценарием развития МО. В свою очередь, модель развития отношений субъектов МО в современном мире во многом предопределяется той ролью, которой наделяются те или иные субъекты и тенденции, формирующие всю международную обстановку. Другими словами, чтобы оценить вероятность развития того или иного сценария ВПО и его вариантов необходимо начинать анализ с анализа основополагающей системы данных о субъектах и факторах, формирующих МО, среди которых важнейшую роль играют локальные человеческие цивилизации³⁰¹ и страны-лидеры, вокруг которых происходит формирование таких ЛЧЦ и центров силы, своего рода процесс кристаллизации, когда нарастание мощи государства является следствием её лидерства в ЛЧЦ, с одной стороны, и условием появления такого государства, — с другой. Ярким примером в древности могут стать Афины и Рим, которым удалось изначально объединить вокруг себя близкие племена и народности, а затем и создать империи (Древней Греции, правда, так и не удалось в полной мере завершить этот процесс, хотя «Великая Греция» на Апеннингах, в Малой Азии и на Чёрном море вполне состоялась).

В более позднее время по этому пути шли практически все остальные государства, например, небольшое Московское княжество, которое через 200 лет превратилось в Московское государство, а ещё через 200 лет в империю. По этому же пути шла Англия, превратившись в Великобританию, а затем в Британскую Империю и Содружество, США, которые из нескольких восточных штатов превратились в империю, охватившую не только Северную Америку, но фактически и половину мира, а также такие страны-лидеры, как Китай, Индия, Россия и несколько исламских государств, борющихся за лидерство в исламской ЛЧЦ.

Поэтому с точки зрения прикладного военно-политического анализа представляется важным признать, что:

- Военно-политическая обстановка, как уже говорилось выше, — **важнейшая часть** международной обстановки, следствие её развития и развития основных субъектов, среди которых исключительно важную роль играют ЛЧЦ и страны-лидеры, формирующие ЛЧЦ и центры силы.
- ВПО **производная** от специфических отношений между всеми субъектами, факторами и компонентами, формирующими МО, но, прежде всего, отношениями между её важнейшими субъектами: локальными цивилизациями, государствами и коалициями³⁰².

Поэтому анализ собственно ВПО начинается с анализа МО, а ещё ранее — с анализа состояния важнейших субъектов, среди которых исключительно важное значение имеют локальные человеческие цивилизации, страны-лидеры и их коалиции. Собственно говоря, именно такая последовательность заложена в логике настоящей работы. Она не вполне совпадает с логикой других концепций формирования МО, среди которых выделяются, на мой взгляд, две наиболее популярные:

- концепция «нации-государства», в соответствии с которой формирование МО и ВПО является следствием взаимодействия и противоборства основных (ведущих) государств;
- концепции глобализации, в соответствии с которой универсалистские тенденции и процессы доминируют при формировании МО и ВПО, оставляя другим факторам и тенденциям подчинённую роль.

Таким образом, важно следовать следующей последовательности в анализе ВПО:

- анализ состояния и перспектив развития ЛЧЦ, их коалиций и стран-лидеров;
- анализ состояния и перспектив развития МО, их наиболее вероятных сценариев (в нашем случае — сценария «переходного периода»³⁰³);
- анализ наиболее важных военно-политических особенностей развития МО, формирующих ВПО.

Эта последовательность, однако, не безусловна для многих, если ни для большинства экспертов и политиков, которые предпочитают

иные модели развития ВПО (а иногда и их полное отрицание). Тем не менее, в самом конце XX века ряд известных политиков и политологов — от авторов международного раздела XXIV и XXV съездов КПСС (в которых говорилось о формировании новых центров силы) до С. Хантингтона и А. Тойнби — вновь заговорили о том, что решающее влияние на формирование международной и военно-политической обстановки приобретает соперничество нарождающихся новых центров силы и их формирующихся **основ** — локальных человеческих цивилизаций³⁰⁴, — и формирующихся на их основе военно-политических коалиций³⁰⁵.

5.а). Государство — лидер локальной человеческой цивилизации

Таким образом, в основе любой ЛЧЦ находится государство-лидер, которое доминирует и привлекает к себе на разных условиях и разными средствами и способами другие государства, подчиняя их, в конечном счёте, своим интересам. Самым ярким примером создания и развития основ ЛЧЦ и её влияние на формирование МО и ВПО можно считать Римскую империю, а до этого — Древнюю Грецию и Карфаген, которые, по сути, заложили основу современной западной локальной цивилизации в ожесточенной борьбе между собой в V–I до нашей эры. Позже, таким феноменом стала Империя Карла Великого и Монгольская империя Чингисхана, которая сформировалась в конце XII века из небольшого монгольского племени, быстро превратившись посредством присоединения самых разных племён, народностей и народов (позже государств) в огромную империю, которая доминировала в последующие годы при формировании МО, а, как следствие, — ВПО и СО на территории всей Евразии — от Западной и Южной Европы до Юго-Восточной Азии.

Причём именно благодаря Монгольской империи процессы глобализации пошли значительно быстрее, чем они развивались до этого: почтовая и курьерская связь монголов, например, позволяла

доставить сообщение от Каракорума или другой точки на востоке империи в Западную Европу за 8-9 дней, а обмен знаниями, товарами и людьми (бумага, порох, врачебные приёмы и даже научные наблюдения) стали обычным явлением.

Задолго до этого аналогичный генезис прошел Древний Рим, объединивший в III–I вв. д. н. э. сначала более 50 италийских племен, а затем и подчинивший остальные племена и народы, проживавшие на Аппенинах — от этрусков до греков и галлов, а ещё позже все народы, нации и государства Средиземноморья от Великобритании до Северной Африки и Восточной Европы, от Македонии до Египта. Примечательно, что и в Римской империи процессы глобализации резко ускорились. Прежде всего, благодаря строительству дорог и коммуникаций, а также продвижению греческих и собственно римских культурных достижений, нравственных и правовых норм.

Параллельно, но не так успешно, в других регионах и ЛЧЦ проходили аналогичные процессы, когда за 100–200 лет до Рима, это же пытался сделать Карфаген, контролировавший огромную территорию от Испании до Кападокии, а ещё ранее — Греция, создавшая при Александре Македонском империю от Аппенин и Сицилии до Афганистана. И здесь ЛЧЦ Карфагена, в основе, которой лежали знания и торгово-промышленные навыки семитско-финикийских народов, — письменность, денежное и вексельное отношения, торговля и земледелие — стали достижениями многих государств.

Примечательно, что каждая из ЛЧЦ продвигала, в том числе и насильственно, свои системы ценностей и правила, нередко под угрозой физической расправы заставляя другие ЛЧЦ и страны принимать их. Так, брюки (штаны) — предмет одежды, который закрывал ноги, римляне видели только у диких северных народов («варваров») и называли «barcas» («бракас», «брэка», отсюда произошли и французское «брэ», и английское «бричиз», и, конечно же, наши «брюки»). Для римлян эта одежда была символом нецивилизованности и варварства, и поэтому человек, носящий штаны (даже короткие, типа шорт) для них был чужеземцем и варваром! Дошло до того, что в IV веке нашей эры римский император Феодосий издал следующий строгий указ: «*Idem aa. flaviano praefecto urbi. intra urbem romam nemo vel bracis vel*

tzangis utatur. quod si quisquam post praeceptum nostrae clementiae in hac contumacia perduraverit, prout condicio siverit, coercitus sacra urbe pelletur. et cetera. dat. viii id. iun. brixiae. theodoro v. c. Cons.» Грубо переводя, с латинского языка двухтысячелетней давности перевод выглядит следующим образом: «В городе Рима никто не должен носить штаны. Однако если человек после того, как услышит этот закон, упорствует в ношении штанов, должен понести соответствующее наказание, лишен всех гражданских прав и изгнан из города Рима»³⁰⁶.

Иными словами, человеческая история и международные отношения (в т.ч. военно-политические отношения) были, **прежде всего, производными от развития тех или иных ЛЧЦ, которые находились под доминированием государства-лидера**, отношений между ними и отношений их коалиций. Победила, в конечном счёте, греко-римская цивилизация в той части мира, которую мы сегодня называем «Европой», а в древние времена — большей частью известного на то время мира.

В настоящее время этот процесс характеризуется обострением борьбы западной ЛЧЦ и китайской ЛЧЦ, с одной стороны, западной ЛЧЦ и российской, исламской, и другими ЛЧЦ, с другой. Во всех случаях мы видим, что в центре такой ЛЧЦ находится страна-лидер (хотя могут быть и альтернативные амбиции у других государств, например, в исламской ЛЧЦ — у Турции, Ирана и Саудовской Аравии — или в российской — Украина).

Надо признать, что такое развитие не стало неким «выпадением» из общей логики развития МО и ВПО в мире за всю историю человечества. XVII–XIX и в XX–XXI века, например, не стали каким-то особенным исключением из этой закономерности, хотя появление многочисленных теорий «наций-государств» и затушевало эту особенность вплоть до настоящего времени. «Семилетняя война» середины XVIII века и «Крымская война» середины XIX века, также, как и Мировые войны XX века стали войнами между военно-политическими коалициями (что признаётся всеми) и их ЛЧЦ (что признаётся не многими).

И сегодня ЛЧЦ (и их страны-лидеры) формируют в основном миропорядок и нормы поведения не только внутри собственных государств, но и в коалициях. Более того, они претендуют на то, чтобы их

национальные нормы и нормы ЛЧЦ стали универсальными. Так, подобная задача откровенно сформулирована в официальных документах США и НАТО: США и их союзники придумывают свои нормы, а затем пытаются превратить их в нормы универсальные, принудив другие ЛЧЦ и страны к их соблюдению. Так, в «Национальной военной стратегии США» откровенно признаётся: «Взаимовыгодный союз и партнерство — критически важен для нашей стратегии, обеспечивающей ассиметричные стратегические преимущества, которые не соизмеримы с другими противниками.... Каждый день наши союзники и партнеры поддерживают нас в защите свободы.... И сохранении правил, лежащих в основе ... мирового порядка»³⁰⁷. При этом именно сила ЛЧЦ становится тем инструментом, с помощью которого пытаются привести к соблюдению этих норм. Ричард Хаас в первом номере за 2019 год журнала «Форрин Аффэарс», например, опубликовал примечательную статью под заглавием «Как заканчивается мировой порядок»³⁰⁸, где он пишет: «Стабильный мировой порядок редкость.... Это требует равномерного распределения мощи и общего согласия относительно правил и норм, с помощью которых регулируются международные отношения».

Этот подход — достаточно традиционен, подтверждая вновь, что классические нормы поведения субъектов МО в мире остаются на уровне V века до нашей эры. «Вновь», потому, что еще в V веке д.н.э. военное соперничество Афин и Спарты, точнее — опасения в отношении усиления того, либо другого государства, — превращали их отношения в «ловушку Фукидида», названную так по имени древнегреческого историка, наблюдавшего за этими отношениями.

История с соперничеством двух держав-цивилизаций повторилась двумя столетиями позже уже на уровне локальных человеческих цивилизаций, претендовавших на лидерство в мире, — когда Рим и Карфаген, представлявшие семитскую и индоевропейскую (арийскую) ЛЧЦ и их коалиции, по сути дела начали первую мировую войну, в которую оказались втянуты практически все известные на то время страны и которая проходила на самых разных ТВД — от Испании до Сирии, Туниса и Египта. Как известно, война закончилась не просто поражением, но и уничтожением Карфагена и превращением

Римского союза италийских племён в мировую империю. Этот итог — закономерный итог столкновения ЛЧЦ, который позже повторялся не раз. В XII — XIII веке Русь не удалось захватить Западу благодаря не только сопротивлению Новгорода и Северо-Восточных земель, но и нашествию Татаро-монгол на Европу, которые в 1241 году разгромили 100 — тысячное венгерское войско, навсегда похоронив мощь западных рыцарских войск.

Приводятся сегодня и примеры, связанные с периодом после 1815 года, а также после Первой мировой войны. Разница, однако, заключалась в том, что сегодня один-единственный субъект — западная ЛЧЦ во главе с США попыталась создать систему, гарантирующую сохранение существующего миропорядка в мире, не смотря на стремительное появление новых центров силы. Именно изменение экономических и финансовых соотношений сил (и, как следствие, военного соотношения сил) в мире лежало в основе растущего интереса к ЛЧЦ как новым политическим центрам силы и будущим коалициям с конца XX века, хотя реально на 2020 год можно говорить лишь об одной реально существующей коалиции — коалиции западной ЛЧЦ, реально участвующей под эгидой США в формировании всей военной политики коалиции³⁰⁹. Другие военные коалиции — ОДКБ, исламская, китайская, индийская, пр. — ещё только формируются.

Отдельно следует сказать об африканских странах, которые относятся к разным локальным цивилизациям, но имеют много общего, но, главное, — быструю общую динамику демографического и экономического развития.

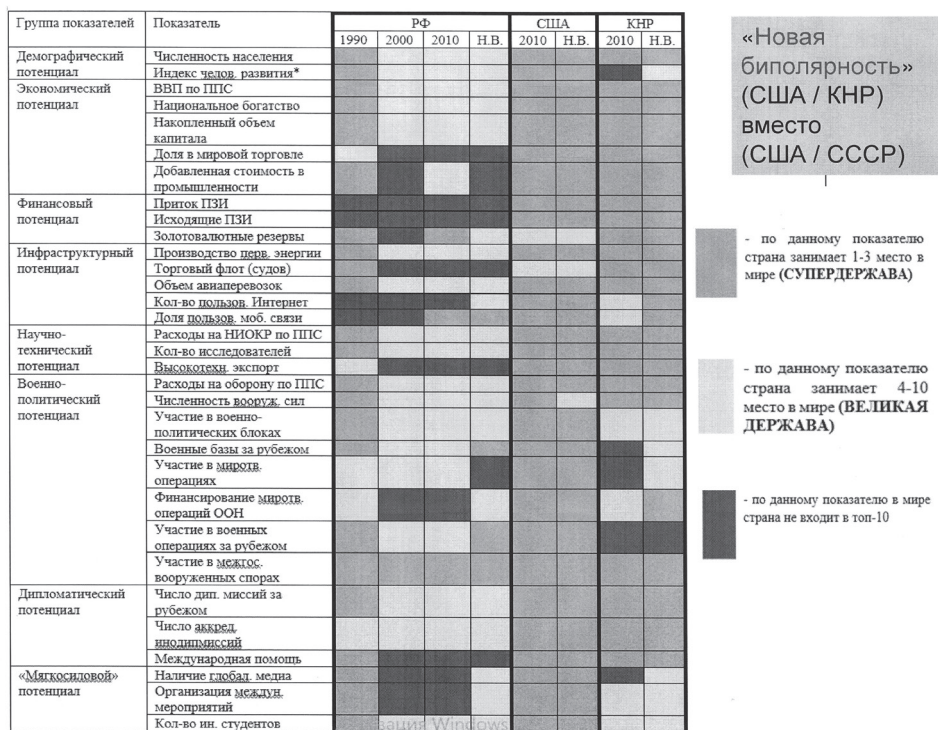
Созданная США из более 60 государств коалиция, некоторые из которых, строго говоря, не принадлежат к западной цивилизации, фактически основывается **на двусторонних отношениях с США**. И именно эту особенность всячески подчёркивает и развивает администрация Д. Трампа, акцентируя внимание на двусторонних отношениях, иногда в ущерб общекоалиционным. Так, в Сирии, например, (а до этого в Ираке и Афганистане) на стороне США участвовали в разных формах как члены НАТО, так и не члены НАТО и даже не члены ЕС, более того, арабские государства. В августе 2019 года антитеррористическая коалиция, возглавляемая США, заявила о «смене приоритетов»

на борьбу с терроризмом в странах северной Африки и Сахеля (пояса южнее африканских пустынь, пролегающего с востока на запад континента, стран, чья территория превышает 3 млн. кв.км.). Фактически это означает распространение борьбы западной коалиции с другими режимами (прежде всего с целью их дестабилизации) уже за пределы Азии и Ближнего Востока на Африку. Складывается весьма пессимистическая картина развития МО:

- дестабилизация Европы (Югославия, Украина, Россия, Кавказ) в начале 90-х годов;
- дополнилась дестабилизацией Центральной Азии (Афганистан, Ирак, бывшие советские республики) в начале 2000-х гг.;
- усилилась «цветными революциями» в Европе и странах Северной Африки, которые вылились в конфликт на Украине и в войну западной коалиции в Сирии;
- в 2019 году получили импульсы для конфликтов в Европе и Африке.

Таким образом, для понимания принципиальной модели развития того или иного сценария МО в работе исходят из признания приоритетов развития ЛЧЦ и отношений между ними. Это — важное признание потому, что в последние годы появились и иные политические и научные концепции, пытающиеся объяснить основные тенденции в развитии человечества и, как частный случай, обосновать закономерности в развитии МО и ВПО в мире. В них роль и значение ЛЧЦ нередко вообще игнорируется, но чаще о них сегодня как-то «забывают», вспоминая, когда коалиция (западная) приступает к совместным действиям — удивительно скоординированным и слаженным, даже в тех случаях, когда в них участвуют не члены НАТО (Финляндия, Австралия, Австрия и др.). Цивилизационный подход, надо признать, далеко не всегда находит поддержку, более того, чаще всего вообще игнорируется, особенно в российской политике, которая иногда признаёт только некий «Запад», под которым, как правило, понимаются страны-члены НАТО, но который не включает других реальных военно-политических союзников США. (Рис. 24)

В частности, существует много других концепций и даже принципов построения МО и ВПО, отрицающих роль ЛЧЦ, их коалиций и новых

Рис. 24³¹⁰

центров силы. В том числе и сознательно затрудняющие практический анализ развития ВПО. Так, принцип может быть самый разный, но, как правило, используются принципы «общей безопасности», которые почему-то совпадают с безопасностью западной военно-политической коалиции. В частности, говоря о мимесисе, как общей черте социальной жизни, А. Тойнби делил человечество на цивилизации, обращенные «в прошлое» (где доминирует традиция) и «в будущее» (где мимесис ориентирован на творческих личностей), которые «динамично устремляются по пути изменений и роста»³¹¹.

Очевидно, что подобное деление на «умных» и «глупых», «цивилизованных» и «варваров» тоже не является новым: именно в Римской империи произошло первое разделение на «цивилизованных» граждан империи и «варваров» — не граждан, который в XX веке всячески пропагандировался на Западе, идеализируя все аспекты западной ЛЧЦ (что, надо признать, как минимум в СССР имело свой результат).

Позже, уже в начале нового века, научный интерес к «лидерству цивилизаций» несколько утих под влиянием растущего доминирования идей глобализации и «всеобщей универсализации», хотя именно цивилизационные идеи навязывания всему человечеству западных норм и правил с помощью военной силы и других видов насилия, созданных «однополярным миром», стали фундаментом глобализации и политики США как лидера западной ЛЧЦ. Но после прихода к власти Д. Трампа идеи конфликта цивилизаций вновь актуализировались. Идея «Америка фёрст» по сути дела стала идеей доминирования не только американской нации и государства, но и американской цивилизации. Трамп дал много оснований считать их очередным реваншем США в погоне за сохранением «проамериканской» системы МО-ВПО, сложившейся к 2019 году.

5.6). Роль локальных человеческих цивилизаций в формировании международной обстановки

Когда превосходство Запада исчезнет...
остаток будет рассеян по региональному
признаку между несколькими основными
цивилизациями и их стержневыми
государствами³¹²
С. Хантингтон

Роль ЛЧЦ и их коалиций до сих пор остаётся (как уже говорилось выше) не бесспорной в оценке большинства политиков и исследователей. По самым разным, в том числе политическим и иным причинам, не имеющим отношения к реальному и практическому анализу. Между тем, игнорируя эту роль, мы можем остаться в стороне от точных ответов на вопросы об основных закономерностях в развитии современных МО и ВПО. И, наоборот, адекватное понимание роли ЛЧЦ даёт неоспоримые преимущества. Также, впрочем, как и адекватное понимание Ганнибалом необходимости разгрома Рима на терри-

тории Апеннинского полуострова (на что он потратил более 12 лет), пытаясь создать свою коалицию на базе карфагенской ЛЧЦ, развалив коалицию италийцев во главе с Римом. Если бы Ганнибалу удалось развалить италийскую коалицию на Апеннинском полуострове и, наоборот, завершить формирование своей коалиции с Македонией, галльскими племенами и недовольными племенами в самой италийской коалиции, то вполне возможно, что история современной Европы была бы другой.

Сегодня США выполняют, по сути, ту же роль, что и Рим (а до него Карфаген и Македония), формируя на базе одного государства-лидера («стержневого» государства) западную (торгово-экономическую) ЛЧЦ и военно-политическую коалицию, направленную против других ЛЧЦ и их государств-лидеров. Причём эту стратегию особенно наглядно продемонстрировал Д. Трамп, который открыто обозначил «стратегические цели» в виде «ревизионистских государств-лидеров ЛЧЦ: Китая, России, Ирана.

Идея Д. Трампа «Америка фёрст» отнюдь не означает простого лидерства США (которое в чистом виде в нашем веке уже невозможно). Эта идея может быть реализована только при условии использования США всех ресурсов формируемой ими коалиции. — Т. е. цивилизационных ресурсов, где страны, которые традиционно не относящиеся к западной культуре (КСА или Япония), играют подчиненно-второстепенную роль «партнера». Эту роль США, как и роль ЛЧЦ в целом, в конце XX века попытался сформулировать С. Хантингтон в одной фразе, обозначив сразу три последствия развития отношений между подконтрольной США ЛЧЦ для будущей МО в мире:

- исчезающее превосходство Запада (которое, правда, он, «Запад», пытается сохранить силой);
- распределение «остатков мощи» по региональному признаку между несколькими основными цивилизациями (грубо говоря — Австралия отойдет к КНР, а Европа — к исламской ЛЧЦ?);
- вычлениются «стержневые государства», вокруг которых формируются ЛЧЦ. Таким «стержневым государством» может выступать локальная человеческая цивилизация с политико-экономическим центром в виде государства-лидера.

Рис. 25³¹³

Существующие сводные индикаторы мощи (индексы совокупного потенциала)

Традиционные (со времен «холодной войны») – «жесткосиловые»

Сводный индекс национального потенциала (Composite Index of National Capability, CINC) – с 1963 г., разработан Д.Сингером для «Корреляторов войны»

$$CINC = \frac{TPR + UPR + ISPR + ECR + MER + MPR}{6}$$

Последние
данные – за 2012

TPR (Total Polulation Rate) – это доля населения данной страны от общего населения земли; **UPR (Urban Population Rate)** – это доля городского населения данной страны от общего городского населения земли; **ISPR (Iron and Steel Production Rate)** – это доля выплавленной данной страной чугуна (до 1896 г.) и стали (с 1896 г.) от мирового производства; **ECR (Energy Consumption Rate)** – это доля потребляемой страной первичной энергии; **MER (Military Expenditure Rate)** – это доля национальных военных расходов от мировых; **MPR (Military Personnel ratio)** – это доля численность национальных вооруженных сил от численности всех армий мира

Топ-10 стран НАТО (CINC 2012)			ШОС (CINC, 2012)			НАТО: 26% ШОС: 36%
Страна	% от мировой мощи	% от НАТО	Страна	% от мировой мощи	% от ШОС	
США	13,9	53,2	КНР	21,8	60,6	G7: 24% БРИКС: 31%
ФРГ	1,8	6,8	Индия	8,1	22,5	
Великобр.	1,5	5,8	РФ	4,0	11,1	
Турция	1,5	5,8	Пакистан	1,5	4,0	
Финляндия	1,4	5,4	Казахстан	0,3	0,9	
Италия	1,3	4,9	Узбекистан	0,3	0,7	
Канада	0,9	3,5	Таджикистан	0,0	0,1	
Испания	0,8	3,1	Киргизия	0,0	0,1	
Польша	0,5	2,1	ВСЕГО	36,0	100,0	
Нидерланды	0,4	1,6				

Рис. 26³¹⁴

На мой взгляд, даже такое очень условное выделение значения ЛЧЦ для будущей МО, а также формирующихся на их основе центров силы и военно-политических коалиций, — хороший и обоснованный методический прием, позволяющий сохранить концептуальность и, главное, последовательность в практической политике, насыщенной множеством деталей. Особенно когда речь идёт о таких крупных системах как МО и ВПО. Как раз этого и не хватает сегодня современной российской политике, которая, по сути, отрицает необходимость долгосрочной и последовательной национальной стратегии, ограничившись оперативными, «прагматическими» задачами обеспечения государственного суверенитета.

Именно поэтому, прежде всего, теоретически и методологически, анализ МО и ВПО, на мой взгляд, должен начинаться с анализа состояния отношений между ЛЧЦ и центрами силы, а анализ эффективности внешней политики России — с анализа и прогноза развития возможностей и намерений противостоящих ей военно-политических коалиций, созданных на базе ЛЧЦ и центров силы³¹⁵.

В этой связи предлагается следующая логическая последовательность анализа будущих сценариев развития МО, основанная, прежде всего, на роли ЛЧЦ в формировании МО в мире:

— **1-й этап — общая (глобальная) оценка состояния и перспектив развития всей человеческой цивилизации**, выделение основных тенденций в развитии наиболее важных тенденций, трендов, факторов, субъектов и акторов, прежде всего, ЛЧЦ, стран-лидеров («стержневых») и их коалиций.

Предполагается, что делается анализ современного этапа экономического, технологического и политического развития человечества и его отдельных представителей, сконцентрированных в формирующихся ЛЧЦ, а также реального места в нём разных ЛЧЦ, их коалиций и России (которое сокращается в мире в последние 30 лет).

Так, (только в качестве примера) огромное значение имеет характер экономического, социального и научно-технологического развития человечества на современном этапе, в частности, развития науки, образования и информационных технологий, которые создают эшелонированные информационные системы:

- на уровне коалиций;
- на уровне государств;
- на уровне министерств обороны и безопасности;
- на оперативном уровне ВС;
- на тактическом уровне ВС;
- на уровне отдельных подразделений и даже отдельных военнотружущих³¹⁶.

На этом этапе первоначальный вывод заключается в том, что в ближайшие десятилетия ключевыми субъектами, влияющими на формирование МО, будут западная ЛЧЦ (США и коалиция), китайская ЛЧЦ (Китай и будущая коалиция), Индия (и возможная коалиция), а также исламская ЛЧЦ (во главе с одной или несколькими странами-лидерами)³¹⁷.

При этом роль западной ЛЧЦ неизбежно будет снижаться, что постепенно будет признаваться всё большим числом политиков. Так, в августе 2019 года президент Франции Эммануэль Макрон заявил буквально следующее: «эпоха западного доминирования в мире завершается в силу геополитических изменений. Сейчас идет укрепление новых держав. Китай выдвинулся в первый ряд, а Россия добивается большего успеха в своей стратегии»³¹⁸.

— **2-й этап** — изучаются изменения в **соотношении сил в мире**, прежде всего, между ЛЧЦ, центрами силы и их коалициями, которые формируют МО и ВПО. Государственная, военная и коалиционная мощь и потенциалы традиционно являются главными показателями военно-политических и военно-экономических возможностей государств. Как правило, аналитические и разведывательные службы, соответствующие генеральные штабы государств концентрируют эту информацию, систематизируют и обобщают все данные соответствующие выводы.

Собственно, такие характеристики и являются основными параметрами, характеризующими как ВПО, так и его отдельных субъектов и акторов. Так, формирование западной военно-политической коалиции радикально меняет всю ВПО в мире. Конкретный пример: достаточно посмотреть на соотношение сил коалиций (России и Западной, например) на море, из которого следует:

1. ВМФ РФ необходимо делить на четыре изолированных театра, при том, что межтеатровый маневр затруднен и ни один из театров нельзя оголять полностью;
2. Совершенно невозможно себе представить, что США ввяжется в вооруженное противостояние с РФ в одиночку, не вовлекая в конфликт ни одного из своих потенциальных союзников.

С точки зрения коалиции западной ЛЧЦ это означает: если на стороне США выступит одна только Турция, то ВМС США получают ощутимую прибавку в виде 13 ПЛ, 16 фрегатов, и 8 корветов. Если на стороне США выступит Англия, то ВМС США получают поддержку 6 АПЛ, авианосца, 19 эсминцев и фрегатов. Если на стороне США выступит Япония, то действующий против нас флот усилится 18 ПЛ, 4 вертолетоносцами (скорее — малыми авианосцами), 38 эсминцами и 6 фрегатами. А если ВМС всей западной военно-политической коалиции будет противостоять только ВМФ России, то это будет означать, что даже использование ВКС РФ и береговых возможностей страны будет недостаточно для её обороны.

Надо иметь ввиду, что эта область — сопоставления и сравнения ВС противоборствующих сторон — является наименее проработанной с точки зрения теории и методологии исследований потому, что даже достаточно полные знания о количественных параметрах ВС не означают точных представлений об их тактико-технических возможностях, качестве ВВСТ и военном искусстве, таких характеристиках как возможности экономической мобилизации, моральном духе, готовности к вооруженной борьбе и пр. характеристикам государственной и военной мощи.

С точки зрения коалиционной борьбы ЛЧЦ огромное значение имеют военно-политический и политико-дипломатический потенциалы, возможности и готовность потенциальных союзников. Так, например, примерное равновесие военных сил Рима и Карфагена было бы значительно изменено не в пользу Рима, если бы Македония (обладавшая такими же военными возможностями как Рим и Карфаген) вовремя поддержала бы своего союзника против Рима.

Напомню, что ВС Франции в 1940 году были вполне сопоставимы с ВС Германии (примерно по 2 млн. чел. и одинаковое количество

бронетехники и самолетов), однако даже помощь британского корпуса не спасла французскую армию от полного разгрома за несколько недель.

Другой пример. В 1943 году наступление советских войск после Курской битвы развивалось, очень успешно не смотря на примерное равенство сил с германскими войсками и их союзниками (1:2 по численности солдат и 1:1,1 танков), а прорыв на Днепре был осуществлён не с помощью огромного военного превосходства советских войск, а при относительном равенстве сил.

Как правило, при оценке ВПО и СО именно эти данные и возможности играют важнейшее значение, хотя опыт войн показывает, что попытки свести успех к равенству или превосходству — заведомое упрощение. Необходим многофакторный анализ и учёт важнейших показателей, среди которых особенно важное значение имеет качество человеческого капитала — военнотружущих и командного состава, — его профессионализм, образованность и готовность идти на самоотверженную борьбу.

— **3-й этап** — изменения в политике, **средствах и способах** субъектов и основных акторов ВПО: прежде всего ЛЧЦ, их военно-политических коалиций, основных («стержневых») государств. Речь идет о военной политике, стратегиях и средствах их достижения в современной ВПО, то, что и является собственно военной политикой и военной стратегией государств и коалиций.

Этот анализ требует конкретных исследований как относительно количества и качества ВВСТ, так и в отношении особенностей их использования, т.е. военного искусства, которые стремительно сочетаются с политическими и информационно-дипломатическими средствами и особенностями применения военной силы в мире в XXI веке.

Строго говоря, это качество государственного и военного управления, которое в войне определить крайне сложно из-за их высочайшей субъективности оценок. Важно, однако, подчеркнуть, что именно этот этап нередко определяет не только изменения в СО, но и изменения в ВПО. Так, использование ВКС России в Сирии показало высокую эффективность не только существующей ВВСТ, но и их недостатки, и устранить их в ходе операции, через которую прошло более 80%

личного состава ВКС и образцов ВВСТ. Результат — коренное изменение к 2019 году СО на большинстве фронтов, а в целом — изменение ВПО в Сирии и даже изменение МО в стране и в регионе.

— **4-й этап** — на этом, заключительном этапе, наконец, с учётом выводов и сделанных определений (или без оных), происходит выбор ответных мер, действий и стратегий со стороны России, включая и учёт, в том числе и будущего развития МО и ВПО.

Это — очень крупные периоды и объекты исследования, данные в заведомо упрощенном, агрегированном, виде, которые требуется упростить, либо свести к неким простым определениям потому, что для того, чтобы описать точное состояние ВПО (например, на 1 января 2019 года) потребуется учёт десятка тысяч факторов. Это в принципе возможно, но требует ресурсов и времени, которых, как правило, всегда бывает недостаточно. Поэтому мы ограничимся предложенной логикой и простым алгоритмом:

- общее описание состояния человеческой цивилизации и глобальных процессов в мире;
 - состояние МО, определяемое многими факторами и тенденциями, среди которых большое значение имеют отношения между ЛЧЦ и их военно-политическими коалициями;
 - вытекающее из него во многом состояние ВПО и конкретных вариантов его развития, а также реализации этих вариантов в сценариях развития СО;
 - политики и стратегии коалиций и основных государств;
 - действия (политика и стратегия) России.
- **Во-первых**, формирование ВПО в решающей степени определяется отношениями между ЛЧЦ и состоянием МО. — Т. е. несколькими группами факторов и тенденций, оказывающих друг на друга разное по силе и направленности влияние. Этот процесс формирования ВПО протекает как следствие процесса формирования МО, его относительно частное явление. Поэтому важно изначально определиться с решающими группами факторов, влияющих на формирование МО, а именно это группы:
- включают основные субъекты МО (государства, локальные цивилизации, нации);

- основные акторы МО (коалиции, международные, национальные, религиозные, пр. негосударственные субъекты);
- глобальные, региональные, национальные и местные тенденции развития;
- качество НЧК, институтов развития и состояние когнитивных возможностей правящих элит.

В зависимости от имеющихся информационных, организационных и иных возможностей, можно вычленил сотни, тысячи и даже сотни тысяч таких факторов только в одной из групп. Поэтому анализ, как правило, ограничивается анализом состояния и прогнозом наиболее важных факторов, тенденций и участников (например, 3–4 ЛЧЦ, их коалициями и 10–12 государствами).

— **Во-вторых**, формирование военно-политической обстановки в основном предопределяется текущим состоянием и особенностями развития МО, а также конкретными особенностями развития стратегической обстановки, войн и конфликтов, а не искусственно придуманными факторами, о которых нередко любят рассуждать некоторые политики и политологи. Так, бывший посол России в США В. Лукин, например, искренне считал в 1992 году, что «совместная работа по демократическому возрождению России — первейшая задача складывавшегося российско-американского партнерства»³¹⁹. К слову сказать, подобных «благоглупостей» и в 90-е годы, да и в настоящее время можно наслушаться немало. Проблема в том, что те, кто их озвучивают, нередко действительно (как В. Лукин) влияют на внешнюю политику России.

Последняя группа факторов — наиболее динамична и мало предсказуема, но её последствия возможно прогнозировать на основе формирования ВПО в решающей степени определяется отношениями между ЛЧЦ и состоянием МО. — Т. е. несколькими группами факторов и тенденций, оказывающих друг на друга разное по силе и направленности влияние. Этот процесс формирования ВПО протекает как следствие процесса формирования МО, его относительно частное явление. Поэтому важно изначально определиться с решающими группами факторов, влияющих на формирование МО, а именно это группы:

- включают основные субъекты МО (государства, локальные цивилизации, нации);
 - основные акторы МО (коалиции, международные, национальные, религиозные, пр. негосударственные субъекты);
 - глобальные, региональные, национальные и местные тенденции развития;
 - качество НЧК, институтов развития и состояние когнитивных возможностей правящих элит анализа имеющихся потенциалов и концепций их использования («возможностей» и «намерений»). Поэтому системный анализ государственной и военной мощи ЛЧЦ, коалиции или государства является основой для оценки реальных — материальных и иных — возможностей того или иного субъекта, а анализ концепций (стратегий, доктрин, политики) их использования может существенно дополнять такой анализ возможностей.
- **В-третьих**, важно помнить, что развитие всей МО происходит хотя и хаотично — под влиянием разнонаправленных групп факторов, — но всегда по одному из наиболее вероятных сценариев, состоящих из нескольких, достаточно ограниченных (возможностями и намерениями) конкретных вариантов, реализация которых будет определяться конкретными субъективными факторами, которые прогнозировать трудно, либо вообще невозможно. С точки зрения анализа ВПО такой сценарный подход имеет смысл потому, что «общие рассуждения» метафизического плана бессмысленны с точки зрения нужд реальной внешней и военной политики, где требуются достаточно конкретные ответы на вполне конкретные вопросы. Поэтому нужно продумать самые разные сценарии и их варианты, выбрав из них наиболее вероятный вариант развития МО, который и станет базовым для будущего варианта развития ВПО.

Учёт с самого начала значения и роли ЛЧЦ, как наивысшего этапа развития человечества, имеет огромное значение, хотя нередко именно этого в международных анализах мы и не наблюдаем. Такое соперничество между ЛЧЦ и их коалициями, не рассматривалось в новом столетии специалистами в качестве решающего фактора

формирования МО и ВПО. Вместе с тем, не прямо, в современный период политическая оценка международной и отчасти военно-политической обстановки, роли ЛЧЦ, как новых субъектов и центров мировой политики, была дана (и неоднократно), например, В.В. Путиным и многими политиками и учёными, в том числе и мною в различных работах.

В ней (оценке состояния МО–ВПО) противоборство ЛЧЦ не выделялось в качестве решающей тенденции, хотя и стало признаваться с 2014 года, что произошло резкое обострение МО. Мои попытки явно подчеркнуть эту особенность оставались в числе немногих³²⁰. Например, мною в одной из работ, описывается как достаточно пессимистичная перспектива развития отношений между ЛЧЦ, которая реализуется в военном сценарии: «...наиболее вероятным сценарием развития МО до 2050 года является сценарий «Глобального военно-силового противоборства западной локальной цивилизации с другими цивилизациями...»³²¹.

Особенно важное значение приобретают в наши дни отношения между ЛЧЦ, возникающие в результате соперничества — экономического, политического, но, главное, в конечном счёте, цивилизационного, — которого не могут не видеть политические лидеры. Так, В.В. Путин в своём послании ФС РФ 1 марта 2018 года подчеркнул, по сути дела, цивилизационное значение ускоренного развития России, необходимости преодоления отставания, прямо заявив: «Именно отставание — вот главная угроза и вот наш враг»³²². Необходимость учитывать разницу в темпах развития между ЛЧЦ и новыми центрами силы, её преодоления опережающими темпами³²³, он сформулировал также в своём первом указе в качестве нового Президента России, в форме поручения Правительству России, прежде всего, в области «укрепления национальной идентичности» и развитии человеческого капитала³²⁴.

Таким образом, в первой половине 2018 года В.В. Путин в своих важнейших документах, обращённых к законодательной и исполнительной власти страны, фактически недвусмысленно сформулировал политико-цивилизационную задачу эффективной конкуренции России с другими ЛЧЦ (хотя в таком виде и такими терминами он в данном случае и не оперировал). То, что подобная задача абсолютно

реально отражает действительность, подтверждают, например, беспрецедентные по масштабам военные учения, которые проводились формально только странами-членами НАТО вблизи границ с Россией в 2018 году. В этих учениях, подчеркну, принимали участие не только страны-члены блока, но и их «партнёры». Размах военных маневров НАТО, проводимых на территории Литвы, Латвии, Эстонии и Польши с 3 по 15 июня, превышает нашумевший «Запад–2017»: в учениях Альянса принимает участие более 18 тысяч военнослужащих из 17 стран НАТО, а также двух «государств-партнеров» (Македонии и Финляндии) и Израиля.

Иными словами, состав участников **выходил за формальные рамки участников военно-политического блока**, отражая скорее политический и цивилизационный характер формирующейся на цивилизационной основе новой военно-политической коалиции. Официальная цель учений «Saber Strike» (Удар саблей) состояла в отработке взаимодействия подразделений стран НАТО и государств-партнеров альянса, в проверке готовности к участию в международных миссиях и военных операциях³²⁵. Какого рода могут быть «миссии» и «военные операции» вблизи границ с Россией можно вполне определённо предполагать.

При этом исключительное значение в этой связи приобретает способность исследователя к тому, что А.А. Свечин называл «двумя основными компонентами» анализа, а именно — **оценка самого себя и оценка вероятного противника**³²⁶. Положение России в мире и её роль в формировании МО и ВПО будет во многом зависеть от адекватного восприятия и последующей точной оценки её возможностей и самих возможностей, которыми она будет обладать в ближайшем будущем на фоне возможностей других ЛЧЦ, коалиций и государств³²⁷.

Можно сказать, что с начала нового века популярный в своё время в российском обществе тезис, часто использовавшийся Е. Примаковым о многополярности постепенно получал всё большее распространение. При этом предполагалось, что многополярность — прямое последствие ускоренного экономического и финансового развития некоторых стран, которое трансформируется в политическое влияние. Действительно, тезис многополярности был связан, прежде всего,

с опережающими темпами социально-экономического (а не цивилизационного, демографического или иного) развития новых центров силы, характеристика которых, например, С.В. Лавровым была дана следующим образом: «Сейчас мы переживаем переломный этап в международных отношениях. Уходит прошлая эпоха, которая характеризовалась тем, что несколько столетий Запад доминировал в международных делах, и объективно формируется то, что мы называем полицентричным миропорядком. Это естественный процесс, потому что жизнь идет. Наряду с теми, кто были пионерами в развитии мира, наряду с западными странами появляются новые центры экономического роста и финансовой мощи, а со всем этим, конечно же, приходит и политическое влияние»³²⁸.

Подобный подход, на мой взгляд, не только существенно суживает угол зрения и масштаб проблемы, но и, в конечном счете, даёт о ней неправильное представление: мощь коалиций, ЛЧЦ и центров силы в новом веке определяется уже не только (и не столько) финансово-экономической мощью, сколько качеством и количеством национального человеческого капитала³²⁹ и его институтов, а также вытекающим из этого уровнем развития технологий: чем больше и лучше качество человеческого потенциала, тем больше и лучше изобретения и быстрее их внедрение, а сам человеческий капитал сформирован на основе системы ценностей — цивилизационных, национальных, групповых.

На Западе эта тенденция также в полной мере была не только оценена, но и из неё были сделаны практические выводы. Так, например, в очередном докладе Национального Совета по разведке США, получившем распространение накануне инаугурации Д. Трампа, говорилось: «Основу этого этапа мирового кризиса (в ближайшие 5 лет — А.П.) составят различия в подходах на местном, национальном и международном уровне в вопросах «правильного понимания» роли правительств в решении проблем от экономики до экологии, религии, безопасности и прав человека. Споры о моральных ценностях, «кто кому и чем обязан», станут всё более явными и будут угрожать международной безопасности»³³⁰. Более того, в официальных документах администраций Б. Обамы и Д. Трампа последнего десятилетия, посвященных национальной безопасности, обращается внимание

на «усложнение глобальной безопасности», связанной с появлением «долгосрочного соперничества между нациями», которое Д. Трамп охарактеризовал как «ревизионизм»³³¹.

В основе стремительного нарастания неравномерности развития человечества лежат ещё более общие законы, когда качественные изменения в экономике, обществе, технологиях наступают всё чаще, а «фазовые переходы» между ними становятся всё короче и короче, фактически сливаясь в единый процесс в нашем столетии³³². Это означает, что человечество в своём развитии (или деградации) вступает в период «скачков», качественных перемен сегодня чаще, чем это было сто или триста лет назад. В конечном счёте, наступает период сингулярности³³³, когда качественные изменения сливаются в единый поток. Именно это стало происходить в новом веке, прежде всего, из-за технологических «прорывов», которые, в свою очередь, стали результатом развития НЧК и его институтов³³⁴. Последовательность в эволюции развития становится ограничителем развития ЛЧЦ. В этом смысле идеи «скачков» Сталина, Мао Дзедунa, Хрущёва являлись отражением общего представления о неравномерности развития.

Но сама суть «технологических прорывов» лежит в их цивилизационно-научном фундаменте, который создается тысячелетиями и столетиями, развиваясь стремительно в периоды, когда для этого создаются наиболее благоприятные условия ЛЧЦ или наций. Именно национальные (цивилизационные) научные школы становятся основными двигателями развития в наши годы — уровень НИОКР, технологий и производств, становится прямым следствием такого цивилизационного развития, его базой. Именно национальная наука и технологии, а не зарубежные заимствования, являются основой «скачка».

Не случайно то, что в основных документах США при Д. Трампе главными принципами американской политики заявляются, сохранение системы ценностей и технологического лидерства, коалиционность и опора на военную силу. Именно эти качества в наибольшей степени будут влиять на изменения, вызванные «фазовыми переходами» человеческой цивилизации от одного периода к другому.

Математически и эмпирически это было многократно доказано, но политически из этого не было сделано выводов (если и было кем-то,

то не сказано публично). В частности, расчёты показывают, что «точка» слияния таких переходов выпадает на 2026 год, что означает отсутствие вообще фазовых переходов в фундаментальных общественных и технологических изменениях, равных, например, по своему масштабу изобретению колеса, способности поддерживать огонь или появлению персонального компьютера. Иначе говоря, человечество в среднесрочной перспективе ожидает новое качество. Естественно, что лидера — глобального лидера — в такой гонке ожидает главный приз, который может быть обозначен как контроль над мировой ситуацией, ВПО и всеми основными процессами в мире.

5.в). Концепция многополярности: роль локальных человеческих цивилизаций и развитие международной обстановки в мире

... преобладающей тенденцией мирового развития является формирование многополярной системы международных отношений, опирающейся на несколько самостоятельных центров силы, претендующих на конкуренцию с единственным центром силы, существовавшим до этого, — западной цивилизацией³³⁵

Эксперты ЦВПИ МГИМО

Очень многие явления общества, внедряемые модели развития — экономического, политического, духовного и т.д. — можно рассматривать как действия, оказывающие свое влияние на процесс цивилизационного развития...³³⁶

С. Белкин, философ

Концепция многополярности, ставшая предметом бурного обсуждения политологов в последние два десятилетия, как мне кажется, не заслуживает такого внимания. Она в самом общем виде сводится к попыткам объяснения потери абсолютной власти США и их контро-

ля в мире, что, на мой взгляд, не требуется. Но в этой концепции неким «краешком» оказалась использована гораздо более продуктивная мысль о нарастающем противоборстве между локальными человеческими цивилизациями и их (по-Хантингтону) «стержневыми» государствами. Примером таких государств в XXI веке служат США и КНР.

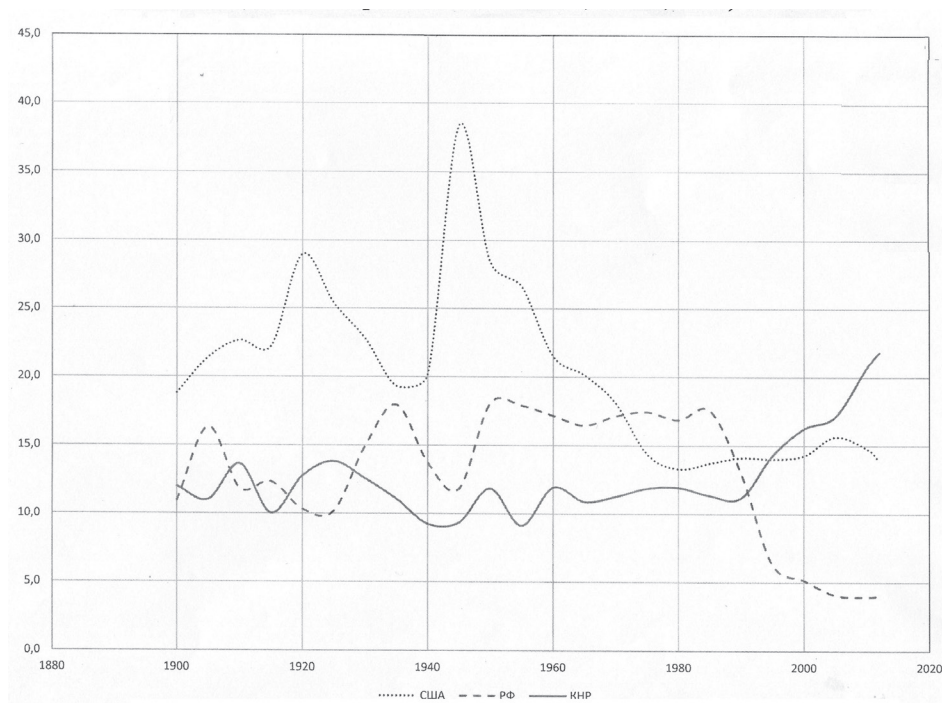

Рис. 27. Динамика национального потенциала США, РФ (СССР) и КНР (в % от мирового потенциала, CINC, 2012)³³⁷

В рамках этой работы я не считаю необходимым ещё раз останавливаться на анализе сущности такого явления как «цивилизация» или «локальная человеческая цивилизация», а тем более на истории вопроса и обзоре работ авторов достаточно многочисленных концепций, возникших ещё в XVIII веке. Вполне достаточно, на мой взгляд, просто «зафиксировать» этот тезис. Отмечу только, что, самое сильное влияние изначально оказали концепции В. Данилевского, С. Хантингтона

и А. Тойнби, а также ряда российских учёных. Согласно некоторым теориям локальных человеческих цивилизаций, к сторонникам которых я отношу также себя, мир состоит из многообразия самых разных уникальных культур. Причём, когда я говорю культура, то имею в виду совокупность знаний, опыта, традиций, национальных особенностей в той или иной сфере человеческой деятельности.

Каждая культура имеет свой путь развития, уникальна и неповторима, развивается своим путем, вносит свой вклад в историю мировой культуры, не существует единой лестницы культур³³⁸. Более того, экономические традиции и практика, политическая и социальная системы, научные школы и т.д. во многом являются продуктом развития сложившихся цивилизационно-национальных систем ценностей. Так, правовая система Киевской Руси стала результатом влияния славянской традиции, православия и творчества государственных институтов. Другими словами, каждая ЛЧЦ обладает своей собственной системой ценностей, которая, как правило, является более приоритетной, чем система ценностей национальная, государственная, классовая или групповая.

Но, главное, у каждой ЛЧЦ есть свои цивилизационные интересы (выступающие основой любой политики), которые являются более общим, а значит и более важным понятием, по отношению к национальным или государственным интересам, а, тем более, — социально-классовым, групповым или личным. Другими словами, в иерархии интересов цивилизационные интересы, «как правило», доминируют над остальными. «Как правило» — не означает всегда. Бывает и так в истории, что на какой-то период времени система ценностей и интересов более низкого порядка начинает доминировать. Так, социально-классовые интересы большевистской России доминировали в её политике над национальными и даже цивилизационными какое-то время после революции 1917 года, что хорошо иллюстрирует история СССР и современной России³³⁹. Иногда, групповые и личные интересы, как бывает в истории современной России, становятся более важными, чем приоритеты более высокого порядка. Так, личные амбиции М. Горбачёва и Б. Ельцина нередко шли вразрез с интересами СССР и России.

Таким образом, общая приоритетность интересов и систем ценностей при самом общем подходе к анализу развития МО и ВПО в мире в принципе выглядит следующим образом:

Рис. 28

Из предложенного перечня приоритетов видно, что, система интересов и ценностей ЛЧЦ объективно выше не только государственных, но и национальных интересов и ценностей, что неизбежно отражается как на структуре, так и на функциях формирования МО и ВПО. Как правило, эти интересы доминируют над национальными и государственными, либо, как минимум, оказывают на них решающее влияние. Так, система ценностей и интересов шиитов и суннитов исламской ЛЧЦ (даже при всём антагонизме их отношений) является общей по отношению к другим системам ценностей и интересов, особенно западной. Война в Ираке, Сирии, в целом в «Передней Азии», показывает, что религиозная, политическая, клановая борьба между суннитами и шиитами уступают их общим интересам и ценностям по отношению к другим ЛЧЦ³⁴⁰.

Конечно, важно, чтобы в правящих элитах и обществах национальная самоидентификация достигала такого уровня, когда цивилизационные интересы и национальные интересы осознаются достаточно отчетливо во всех социальных группах, что происходит далеко не всегда. Так, на Украине в последние десятилетия ложные цивилизационные и национальные интересы навязываются искусственно большинству нации, более того, идут нередко вразрез с национальными и государственными интересами.

Эти рассуждения имеют самое прямое отношение к политике России и её политическому будущему, которое у многих российских политиков с 90-х годов ассоциировалось с будущим западной ЛЧЦ. И это сегодня является крупнейшей политической проблемой России потому, что её правящую элиту ставят перед выбором: политическая капитуляция (при сохранении некоторых преимуществ западной цивилизации и активов), либо противодействие западной ЛЧЦ (при потере от санкций и возможных преследований).

Именно ассоциация своей судьбы с судьбой страны и её будущим является, наверное, главным цивилизационным признаком, который становится и политическим условием существования России. Причём Россия, в действительности, не видится на Западе в качестве части ЛЧЦ. — Т. е. реального выбора у правящей российской элиты нет. Скорее наоборот, противопоставляется ей уже на протяжении многих столетий. Как справедливо отмечает С. Хантингтон, «семь из восьми отличительных характеристик западной цивилизации — католическая религия, латинские корни языков, отделение церкви от государства, принцип господства права, социальный плюрализм, традиции представительных органов власти, индивидуализм — практически полностью отсутствуют в историческом опыте России»³⁴¹.

Из этого можно сделать, как минимум, следующие выводы:

- необходимо признать (пусть с опозданием), что горбачёвско-ельцинская политика России, ориентированная на «вхождение в Запад» на любых условиях, была ошибкой, а уступки — преступлениями. Тем более она преступна сегодня, как силовое давление стало откровенным и беспощадно-бескомпромиссным;
- будущее России, её перспективы, следует искать в развитии её

системы национальных интересов и ценностей, национального человеческого потенциала, т. е. в самой России, а истоки — в её прошлом, традициях, истории, культуре;

- враждебность по отношению к России — естественная, традиционная исторически, политика западной ЛЧЦ, направленная на дезинтеграцию страны и ликвидацию, в конечном счете, не только её суверенитета, но и национальной идентичности;
- важно понимать, что по отношению к России будут использоваться любые, самые радикальные, меры и приёмы, но, прежде всего, зарекомендовавшие себя в политике Запада по отношению к России — русофобии, искажению реалий, что отчётливо проявилось в политике Украины, — противопоставление «украинского народа» русскому, а Украины — России.

Из этого же порядка приоритета интересов и ценностей вытекает признание того, что противоборство во всё большей степени **переходит от противоборства государств-субъектов ВПО к противоборству наций и ЛЧЦ**. Это хорошо видно на примере торговли оружием и военной техникой, где за последние 5 лет произошли серьёзные изменения в пользу западной ЛЧЦ, прежде всего, США, Франции, Великобритании, Израиля и ряда других государств, фактически составляющих более 75% общего объема торговли ВТС³⁴².

Согласно новым данным о поставках оружия, опубликованным сегодня Стокгольмским международным институтом исследования проблем мира (SIPRI), объём международных поставок основных видов обычных вооружений в 2014–2018 вырос на 7.8% по сравнению с 2009–2013 гг. и на 23% по сравнению с 2004–2008. Пять крупнейших экспортёров военной продукции — США, Россия, Франция, Германия и Китай — обеспечили 75% совокупного объёма мирового экспорта вооружений в 2014–2018 гг. В 2014–2018 гг. поставки оружия на Ближний Восток возросли по сравнению с 2009–2013 гг., в то время как потоки оружия в другие регионы сократились. Разрыв между США и другими экспортёрами вооружений расширится.

Из этого же подхода вытекает и вполне логичный факт создания и использования специальных средств противоборства между ЛЧЦ,

что, соответственно, ведет к разработке новых способов их применения. Иными словами, принятие концепции возрастания роли ЛЧЦ в формировании МО и ВПО, влечёт за собой достаточно радикальные многочисленные политические, экономические, технологические, информационные и иные последствия, требующие не просто соответственного учёта, но и смены существенных акцентов во внутренней и внешней политике.

Пока что в России наблюдается медленная эволюция в этом направлении, которая приписывается «авторитаризму Путина», хотя она, на самом деле, выражена значительно меньше, чем во Франции или в Венгрии, не говоря уже о Китае, Индии, а тем более Иране, где созданы специальные институты защиты национальной идентичности. В деформированно-искаженном виде они существуют в Польше, и на Украине, где создание автокефальной и «независимой» православной церкви происходило по инициативе власти.

Естественно, что политика, как крайне субъективная область деятельности, может выходить за рамки объективных реалий и представлений. Более того, нередко так и происходит в реальной политике. Явный пример — неадекватная, не соответствующая объективным реалиям, политика М. Горбачёва и Б. Ельцина, которые игнорировали национальные и государственные интересы России, что неизбежно, крайне негативно, сказалось на национальном развитии. Субъективная политика этих лидеров носила ярко выраженный антинациональный и антигосударственный характер. Исправление этих ошибок, возвращение к национальным интересам и ценностям, — длительный и тяжелый, но неизбежный процесс, в котором в настоящее время задействованы не только Россия, но и другие страны³⁴³.

Примечательно, что только США, Великобритания, а также исламские страны, Индия и Китай, сумели не просто сохранить в предыдущие десятилетия свои национальные системы ценностей, но и существенно укрепить и развить их. В том числе и при помощи политических и информационных средств, сознательно, вкладывая в эти процессы огромные ресурсы. И именно эти страны за последние 30–40 лет дали пример динамичного развития и роста национальной мощи.

5.г). Значение локальных человеческих цивилизаций как главных субъектов формирования международной обстановки в мире

Политических лидеров, которые надменно считают, что могут кардинально перекроить культуру своих стран, неизбежно ждёт провал³⁴⁴
С. Хантингтон, американский политолог

Представление о современном состоянии МО и ВПО во многом зависит от того, **какое значение в таком представлении уделяется ЛЧЦ**. Очень важно определить степень значения и влияния той или иной ЛЧЦ на МО в мире не только с точки зрения значения влияния той или иной конкретной цивилизации в развитии человечества, но и с точки зрения воздействия ЛЧЦ на формирование конкретного сценария развития МО и ВПО. Действительно, если цивилизационное влияние сильно, то и преодолеть его можно только с помощью такого же цивилизационного влияния. Так, очевидно, что так называемая «санкционная политика» в отношении России — в ООН, в информационном пространстве, в спорте, в военно-технической области и т. д. — носит откровенно цивилизационно-коалиционный характер. В ней участвуют не только военные союзники США, но и Финляндия, Австрия, Австралия и другие страны, включая нейтральную Швейцарию.

Эта степень, по мнению некоторых, включая З. Бжезинского, С. Хантингтона, может быть очень высокой, прежде всего, потому, что именно ЛЧЦ создают основу для новых центров силы и военно-политических коалиций, которые, в свою очередь, стали главными факторами формирования МО в мире в начале нового века³⁴⁵. При этом именно фундаментальные факторы развития предопределяют становление и мощь будущих цивилизаций, центров силы и коалиций. Как справедливо заметил В.В. Путин 1 ноября 2018 года на Всемирном русском соборе, «вес и влияние полюсов будущего развития» будет определяться, прежде всего, «их экономической, культурной, научной, духовной и человеческой основой, потенциалом»³⁴⁶.

Таблица 6. 17 целей развития ООН (согласованные в 2015 г.), индикаторы и результаты (окончательные и промежуточные)³⁴⁷

SDG	Indicator	Target	Halfway-target
The 17 goals for humanity agreed by the UN in 2015	Indicator for the achievement of each sustainable development goal	Threshold value for "green"	Threshold value for "yellow"
1 No poverty	Fraction of population living below 1.90\$ per day (%)	<2%	<13%
2 Zero hunger	Fraction of population undernourished (%)	<7%	<15%
3 Good health	Life expectancy at birth (years)	> 75years	> 70years
4 Quality education	School life expectancy (years)	> 12 years	> 10 years
5 Gender equality	Gender parity in schooling (1)	> 0.95	> 0.8
6 Safe water	Fraction of population with access to safe water (%)	> 98 %	>80%
7 Enough energy	Fraction of population with access to electricity (%)	> 98 %	>80%
8 Decent jobs	Job market growth (%/y)	> 1%/year	> 0 %/year
9 Industrial output	GDP per person in manufacturing & construction (2011 PPP US\$/p-y)	>6.000 2011 PPP \$/p-y	>4.000 2011 PPP \$/P-Y
10 Reduced inequality	Share of national income to richest 10 % (%)	< 40 %	<50%
11 Clean cities	Urban aerosol concentration (pg 2.5M /m3)	< 10 pg 2.5M /m3	<20 pg 2.5M /m3
12 Responsible consumption	Ecological footprint per person (gha/p)	< 1.4 gha/p	<2 gha/p
13 Climate action	Temperature rise (deg C above 1850)	<1deg C	< 1.5 deg C
14 Life below water	Acidity of ocean surface water (pH)	> pH 8.15	> pH 8.1
15 Life on land	Old-growth forest area (Mkm2)	>25	>19
16 Good governance	Government spending per person (2011 PPP US\$/p-y)	>3.000 2011 PPP \$/p-y	>2.000 2011 PPP \$/ p-y
17 More partnership	Exports as fraction of GDP (%)	>15%	> 10%

**Таблица 7. Распределение центров силы по 7 критериям
(по модели «Земля» семи основных регионов)³⁴⁸**

Region	Symbol	Population million persons	GDP billion US\$: per year	GDP per person US\$ per person-year	Share of world population %
1 United States	USA	330	16 700	51 100	5
2 Other rich countries	ORC	750	28 100	37 500	10
3 Emerging economies	EE	890	15 400	17 300	12
4 China	CHINA	1430	18 500	13 000	20
5 Indian subcontinent	IND	1 660	8 100	4 900	23
6 Africa south of Sahara	ASoS	750	2 800	3 800	10
7 Rest of the world	RoW	1 540	11 500	7 500	20
World total	World	7 350	101 100	13 800	100

При таком политическом подходе к роли ЛЧЦ происходит отказ от метода простого финансового или экономического сравнения и сопоставления разных государств и, тем более, оценки степени развития наций и разных культур. Мир, вся система МО и ВПО, рассматривается как совокупность, а не неизбежное противостояние локальных культур отдельных цивилизаций. Именно такая совокупность в итоге и определяет доминирующий в настоящее время путь развития всей человеческой цивилизации. В том числе и международной, и военно-политической обстановки, которые являются прямым следствием такого развития³⁴⁹. Проблема, однако, в том, что политические элиты ряда таких цивилизаций и их коалиций основывают свои оценки МО на противоборстве цивилизаций и неизбежности развития силового противоборства их военно-политических коалиций.

Причем — что особенно важно — эти ЛЧЦ и их экономики, как и их военно-политические коалиции (или «протокоалиции», существующие не только в форме союзов, но и, как БРИКС, в форме клубов), развиваются и будут развиваться во все большей степени неравномерно. Подобная неравномерность предполагает неизбежно

и неравномерность развития военных потенциалов государств и конкретных военно-политических коалиций государств, объединенных на базе ЛЧЦ. Подобная неравномерность в развитии военных потенциалов ЛЧЦ, как правило, хорошо иллюстрируется на примере роста ВВП отдельных стран-лидеров таких ЛЧЦ и их коалиций (что, однако, отнюдь не означает механического совпадения темпов экономического роста и военной мощи коалиций).

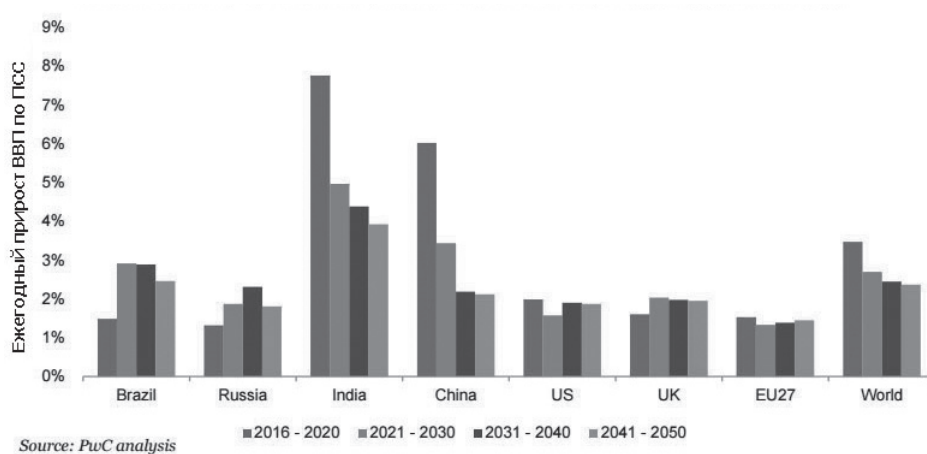

Рис. 29. Развитие экономики некоторых стран по периодам до 2050 года³⁵⁰

Как видно из примера темпов развития ВВП отдельных стран, взятых во временном отрезке до 2050 года, сделанных авторитетной консультативной фирмой, экономическая мощь (и военные потенциалы) отдельных стран и ЛЧЦ будут расти темпами более высокими и/или менее высокими, чем в среднем в мире. Это означает, что в относительно длительном периоде изменения в соотношении военных потенциалов неизбежны, что также неизбежно повлечёт за собой изменение в их военно-политических возможностях, а это, в свою очередь, повлечёт за собой вероятные изменения в намерениях правящих элит таких государств, ЛЧЦ и их коалиций. Наконец, эти изменения в политических намерениях неизбежно отражаются на поиске новых средств силовой борьбы и способах их применения.

Очень наглядно эта логическая цепочка уже реализовалась в политике КНР и Индии, а также ряда других государств, которые уже пересматривают свои политические цели и основные положения военной политики по мере роста экономической мощи. Так, военные потенциалы этих государств уже не только количественно, но и качественно становятся вполне сопоставимыми с военными потенциалами прежних лидеров ЛЧЦ — США и России. Эту логику можно представить себе следующим образом.

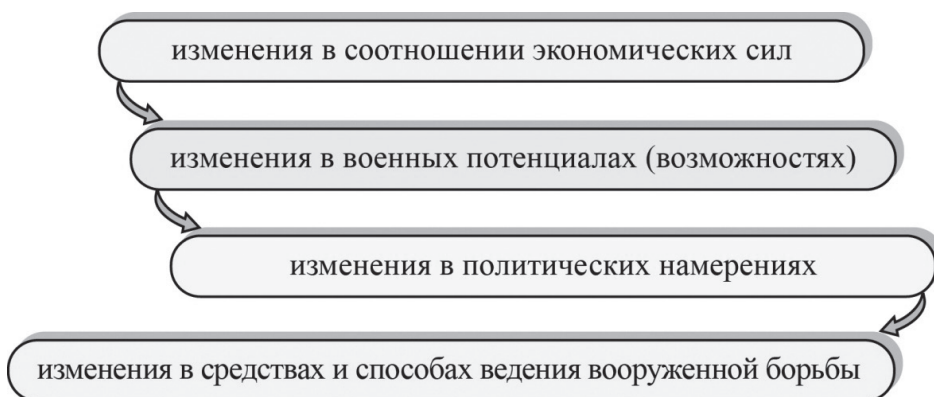

Рис. 30

На самом «верху» этой логической цепочки находятся отношения между ЛЧЦ и новыми центрами силы. Именно эти отношения во многом определяют будущее состояние МО, а соотношение их экономических и военных сил становится во многом главным критерием, характеризующим современное состояние МО. Поэтому во втором десятилетии нашего века становится жизненно важно максимально точно определить направленность вектора и темпы развития всей человеческой цивилизации, который во многом является совокупностью взаимовлияния развития основных ЛЧЦ и их отношений, формирующих МО.

Во втором десятилетии XXI века этот вектор отношений между ЛЧЦ, центрами силы и их коалициями приобрел, очевидно, конфликтный характер, направленный, с одной стороны (западной ЛЧЦ), на силовое удержание современного состояния контроля над

финансово-экономическими и военно-политическими мировыми системами, а с другой стороны (ЛЧЦ и новых центров силы), на реформирование этого состояния в более справедливый порядок. Степень политического и цивилизационного влияния ЛЧЦ и, прежде всего, стран-лидеров на процесс формирования МО в мире становится одним из решающих критериев³⁵¹.

На мой взгляд, степень влияния разных ЛЧЦ и их коалиций — очень разная. Если западная ЛЧЦ демонстрирует постоянное усиление своего влияния в мире, что очень хорошо видно на примере поведения этой коалиции в конфликтах в Югославии, Афганистане, Ираке, Ливии, Сирии, на Украине, наконец, в отношении антироссийских санкций, то влияние российской ЛЧЦ постепенно ослабевает, а китайской ЛЧЦ, напротив, усиливается. Как усиливается (не всегда заметно) влияние и индийской, и исламской ЛЧЦ в мире. В результате развития этих процессов формируется принципиально новая основа для будущей МО, которую условно, можно представить следующим образом.

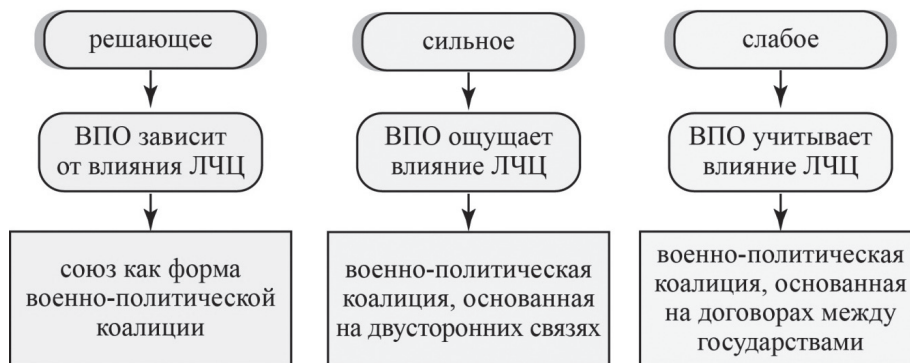

Рис. 31. Влияние ЛЧЦ (как субъектов) на формирование МО

В свою очередь направленность и динамика развития той или иной системы МО задает основные параметры (темпы, обязательства и т.п.) для формирования будущей ВПО³⁵². Так, стремление западной ЛЧЦ сохранить военно-силовыми средствами и способами свой контроль в мире, (т.е. в МО) неизбежно будет инициировать военные и иные конфликты. — Т. е. формировать систему противостояния в

ВПО. Что и происходит в настоящее время и будет усиливаться в будущем, создавая новую глобальную и региональные ВПО и их производные — стратегическую обстановку, военные конфликты и различные по своему характеру и масштабу войны³⁵³. Так, администрация Д. Трампа сознательно, решительно и быстро уничтожает как институты сотрудничества в военно-политической области, так и договоренности, правовые основы и сами основы мирного сосуществования в рамках ВПО.

Поэтому очень важно адекватно оценить влияние ЛЧЦ на МО и, как следствие, — на формирование будущей ВПО. Существующая тенденция развития МО на основе проведения западной ЛЧЦ политики «силового принуждения» объективно противоречит формирующимся новым реалиям, которые будут вступать с ней в неизбежное противоречие. Противоречие, которое изначально ведёт к военно-силовым конфликтам.

Надо сказать, что конфликт между российской и западной ЛЧЦ существует очень давно, утихая и разгораясь иногда с яростью военных действий. Это — цивилизационный межвидовой конфликт, когда «одна часть» Европы пытается уничтожить «другую часть» (православно-славянскую), чтобы доказать, что только она и именно она имеет право называться «цивилизацией» Европы, а именно европейской ЛЧЦ. Суть конфликта на Украине заключается именно в этом: после того как все остальные (польские, чешские и пр.) нации были интегрированы, поглощены западной ЛЧЦ, осталась только русская ЛЧЦ, которую нужно ассимилировать и уничтожить.

Повторюсь, что такая политика — не новая черта в политике Запада, которая стабильно и систематически проявлялась с конца первого тысячелетия нашей эры, например, в вытеснении славян на восток Европы, уничтожении Византии, преследовании православия. Русский мыслитель Н.Я. Данилевский еще в XIX веке изложил свои взгляды в книге «Россия и Европа», где он подвергнул критике европоцентристскую схему развития человечества. Линейно-прогрессистской перспективе (т.е. современной западной ЛЧЦ) он противопоставил мультикультурную концепцию исторического процесса. (Которую в наших условиях можно обозначить как неравномерность развития

ЛЧЦ). Мыслитель отказался от идеи единой общечеловеческой задачи, реализуемой в ходе исторического развития народов, как это было у Г. Гегеля. Для него история плюралистична. — Т. е. развивается в направлении развития соревнования между ЛЧЦ.

Выступая против европоцентристской схемы понимания истории культуры, ученый выдвигал теорию культурно-исторических типов, рассматривал законы их развития, отстаивал уникальность и важность вклада в мировую историю каждой культуры. Н.Я. Данилевский писал об односторонности теории линейного прогресса истории человечества, отвергал претензии европейской цивилизации на роль культурного эталона и представление о странах Востока как сфере культурного застоя и косности. (Сегодня то же самое можно сказать о США).

Он выделил несколько самобытных цивилизаций или культурно-исторических типов: 1) египетский, 2) китайский, 3) ассириовилоно-финикийский, халдейский, или древнесемитический, 4) индийский, 5) иранский, 6) еврейский, 7) греческий, 8) римский, 9) ново-семитический, или арабийский, 10) германо-романский, или европейский, а также два американских — 11) мексиканский и 12) перуанский, чье развитие было прервано преждевременно, и еще формирующийся 13) славянский тип. В развитии каждого культурно-исторического типа Данилевский выделяет периоды, соответствующие возрастам человека — детство, отрочество, молодость, зрелость, старость, дряхлость. Культура зарождается, переживает свой пик развития и умирает³⁵⁴. Задача автора книги «Европа и Россия» заключалась в развенчании европоцентристских умонастроений в науке, обосновании самобытности России и ее культуры, утверждении перспектив славянского культурно-исторического типа. Идеи Н.Я. Данилевского впоследствии оказали сильное воздействие на теорию евразийства.

Рубеж XIX–начала XX вв. занимает особое место в культурологической мысли. Это время переосмысления таких традиционных в культурологии понятий, как «культура», «прогресс», «цивилизация»³⁵⁵. Для историко-культурологических исследований конца XIX–начала XX вв. было характерно критическое отношение к теории культурно-исторического прогресса, негативная оценка современного состо-

яния европейской культуры и ее перспектив. Тема «заката», «конца», «упадка», вступления в эру «бездуховной цивилизации» — вот основная тональность культурологических работ начала XX в. Не случайно, в одно и то же время появились книги Н. Бердяева «Новое Средневековье», О. Шпенглера «Закат Европы», Г. Ландау «Сумерки Европы», Н. Трубецкого «Европа и человечество».

Важно изначально сделать оговорку, что этот подход, безусловно, учитывает более поздние идеи А. Тойнби, но не копирует их, а пытается как-то приспособить к потребностям современной реальной политики. В частности, я не вполне согласен с основной идеей А. Тойнби, когда он рассматривал всемирную историю как систему условно выделяемых цивилизаций, проходящих одинаковые фазы от рождения до гибели и составляющих ветви «единого дерева истории». Цивилизация, по мнению А. Тойнби — замкнутое общество, характеризующееся при помощи двух основных критериев: религия и форма её организации, а также территориальный признак, степень удалённости от того места, где данное общество первоначально возникло. На мой взгляд, этих признаков явно недостаточно. Для локальных цивилизаций важное значение имеет история (в т.ч. давняя), культурные и бытовые особенности, общие представления об обществе, государстве и окружающем мире, наконец, общее будущее.

Можно согласиться с А. Тойнби, который выделяет 21 цивилизацию, но для современной политики важнее та роль, которую играют цивилизации-лидеры, обладающие мощным демографическим, экономическим и культурно-образовательным ресурсом³⁵⁶. Тем не менее, важно и то, как А. Тойнби определил список этих цивилизаций: египетская, андская, древнекитайская, минойская, шумерская, майянская, сирийская, андская, хеттская, эллинская, западная, дальневосточная (в Корее и Японии), православная христианская (основная) (в Византии и на Балканах), православная христианская в России, дальневосточная (основная), иранская, арабская, индуистская, мексиканская, юкатанская, вавилонская.

Основная идея А. Тойнби заключается в том, что в основе его теории развития цивилизаций находится идея возникновения и развития цивилизаций в виде ответа на глобальные вызовы своего времени.

Механизм рождения и развития цивилизации связан с ответом на вызовы, которые постоянно бросает народам природное и социальное окружение (суровый климат, частые землетрясения или наводнения, войны, культурная экспансия и т.д.). Творческое меньшинство должно успешно ответить на вызов, решив проблему. Тойнби выделяет 21 цивилизацию, из которых в XX веке осталось существовать только 10 цивилизаций, и 8 из них находятся под угрозой ассимиляции с западной культурой. Несмотря на своеобразие каждой цивилизации существует единая логика их развития — прогресс духовности и религии.

Учёным, в частности, были выдвинуты критерии оценки цивилизаций: устойчивость во времени и пространстве, в ситуациях взаимодействия с другими народами. Смысл цивилизации он видел в том, что сопоставимые единицы (монады) истории проходят сходные этапы развития. Успешно развивающиеся цивилизации проходят стадии возникновения, роста, надлома и разложения.

Развитие цивилизации определяется тем, способно ли творческое меньшинство цивилизации находить ответы на вызовы природного мира и человеческой среды. А. Тойнби отмечает следующие типы вызовов:

- вызов сурового климата (египетская, шумерская, китайская, майянская, андская цивилизации);
- вызов новых земель (минойская цивилизация);
- вызов внезапных ударов от соседних обществ (эллинская цивилизация);
- вызов постоянного внешнего давления (русская православная, западная цивилизация);
- вызов ущемления, когда общество, утратив нечто жизненно важное, «направляет свою энергию на выработку свойств, возмещающих потерю».

Каждая цивилизация даёт сформулированный её «творческим меньшинством» ответ на подобный вызов, бросаемый ей природой, социальными противоречиями и в особенности другими цивилизациями. На стадиях возникновения и роста творческое меньшинство находит ответ на вызовы окружения, авторитет его растёт и происходит рост цивилизации. На стадиях надлома и разложения творче-

ское меньшинство утрачивает способность находить ответы на вызовы окружения и превращается в элиту, стоящую над обществом и управляющую уже не силой авторитета, а силой оружия. Большинство населения цивилизации превращается во «внутренний пролетариат». Правящая элита создаёт универсальное государство, а внутренний пролетариат — Вселенскую церковь, тогда как «внешний пролетариат» создаёт мобильные военные отряды³⁵⁷.

В центре историософских построений Тойнби лежит концепция эллинской цивилизации, что вполне справедливо для западной ЛЧЦ, но не подходит для остальных ЛЧЦ.

Кроме того, А. Тойнби принципиально отвергал категорию общественно-экономической формации, что, на мой взгляд, существенно обедняет его концепцию.

Важно в этой связи определить значение ЛЧЦ и их коалиций среди других групп и факторов, формирующих МО и ВПО. Анализ и прогноз развития международной и военно-политической обстановки в мире являются, как уже говорилось в предыдущих разделах, следствием взаимодействия четырех основных групп факторов — субъектов МО, различных государственных и негосударственных акторов МО, глобальных тенденций и тенденций, связанных с человеческим капиталом и его институтами, которые проявляются в субъективном когнитивном влиянии на мировую политику. При этом роль субъектов ВПО, которая прежде была исключительной и сводилась к роли государств-лидеров, в настоящее время трансформируется в роль ЛЧЦ, которая приобретает исключительное значение.

В свою очередь и сама МО влияет на формирование тех или иных субъектов и акторов, иногда, как в случае с Россией в XXI веке, очень сильно. Таким образом, формируется взаимозависимость: ведущие субъекты, прежде всего, ЛЧЦ и их коалиции, влияют и формируют МО, а та, в свою очередь, влияет на развитие этих субъектов и факторов.

Из системы МО вычленяется её составная и важнейшая часть — ВПО, которая также находится под влиянием указанных групп факторов, среди которых важнейшая роль принадлежит военно-политическим коалициям. Взятые вместе, они создают внешние условия для существования государства и нации, которые лежат в основе созда-

ния его политики безопасности. Выше я уже пытался проиллюстрировать эту взаимозависимость на примере тех или иных сценариев и их вариантов развития России и США до 2040 годов³⁵⁸, но в данном разделе важно акцентировать внимание именно на роли ЛЧЦ и их коалиций, которые в XXI веке стали играть решающее значение. Другие субъекты формирования МО — нации, государства, отдельные акторы стали превращаться в составные части ЛЧЦ и их коалиций. Так, западная ЛЧЦ стала интегратором не только США и их союзников по НАТО, но и стран — членов ЕС, других европейских и неевропейских (всего более 60) государств.

5.д). Локальные человеческие цивилизации и современная международная обстановка: основные сценарии развития

Почти за 10 лет до 11 сентября Хантингтон предупреждал, что в современном, политически пробудившемся, мире наше осознание особенностей различных цивилизаций требует от нас.... Ориентации на междоцивилизационные коалиции, на взаимное уважение и сдержанность в стремлении управлять другими нациями³⁵⁹

Зб. Бжезинский

В этой работе я исхожу из того факта, что на формирование международной обстановки в XXI веке всё более значительное влияние оказывают отношения между различными цивилизациями и их военно-политическими коалициями³⁶⁰. Причём не только в одном аспекте — отношений между субъектами МО, а в нескольких, в частности, таких аспектах, как:

- во-первых, цивилизационные, политико-культурные, когда «своя» система ценностей и приоритетов не просто защищается с особенной активностью, но и **продвигается в мире**, в том числе насильственно;

- во-вторых, когда предпринимаются насильственные действия для **снижения влияния и уничтожение другой ЛЧЦ**. В частности, в США, в правящей элите страны, сложилось общее отношение к России, чьё влияние в мире и само существование требуется «разрыхлить», «ослабить», ради чего используется даже термин «extend». Собственно, интегрированной, главной целью политики США в отношении России становится именно эта цель. Примечательно, что в отношении других ЛЧЦ (прежде всего, китайской, индийской, исламской) такой цели не ставится. Применительно к ним стоит задача ограничения их влияния в мире.
- в-третьих, в политическом плане российская ЛЧЦ рассматривается как «экзистенциальная угроза» Западу, причём угроза историческая и цивилизационная одновременно, что предполагает, как минимум, ограничение её влияния не только в других странах, но и в мире. В политике это означает курс на изоляцию России под разными предлогами и даже без всяких предлогов («дело Скрипалей», «допинг», «сбитый Боинг» и т. д.). Именно это лежит в основе категорического отказа США и их союзников считаться (и даже признавать) любые международные объединения России — ШОС, ОДКБ и пр.

В XXI веке особенно популярной в политических и научных кругах стала концепция «многополярности» как нередко политическое требование, иногда искусственное противопоставление концепции «однополярности» западной ЛЧЦ во главе с США³⁶¹. На самом деле у этой банальной истины существует достаточно длительная история, которая никак не связана с «гениальной прозорливостью Примакова» или каких-то других российских политиков, а тем более ученых (как это порой представляют сегодня). У неё есть, как минимум, два объяснения.

Во-первых, объективно сформировалась политическая потребность декларирования того, что мир перестал уже находиться под контролем Запада, связанная, в том числе, с политикой США и их стремлением сохранить силой этот контроль. При этом нередко желаемое выдается за действительное: правда заключается в том, что контроль Запада (финансовый, экономический, информационный и военный)

в целом пока сохраняется, а переходный период еще только начался и не известно, как быстро он будет происходить и как быстро закончится³⁶². Более 50% (а в некоторых аспектах — более 90%) финансовых, экономических, информационных и военных ресурсов находятся де-факто в руках западной коалиции. Так, на США в 2017 году приходилось 24,3% глобального ВВП, а в 2000 году он составлял 32,5%. Второе место по номинальному ВВП занимает КНР — 14,8%, который в среднесрочной перспективе обгонит США, но на самом деле «Европа» может считаться на втором месте по объемам ВВП, имея примерно столько же, сколько и США объема экономики. И Запад отнюдь не собирается добровольно с этим расставаться.

Эта ситуация возвращает мир к классической схеме соперничества — так называемой «ловушке Фукидида» (древнегреческого историка, считавшего, что быстрое развитие Афин толкнуло Спарту на Пелопоннесскую войну) — поэтому мир постепенно возвращается к «ситуации столетней давности, к чему-то похожему на десятилетие перед Первой мировой войной»³⁶³, справедливо полагает известный топ-менеджер Александр Лосев.

Соответственно этот переход, который ещё не произошёл, но который уже всеми (в том числе и в США) ожидается, **заставляет прогнозировать и планировать будущее по-новому**. Это ожидание обозначилось еще в прошлом веке, но США удалось его умело отложить до тех пор, пока они не ликвидировали свой главный потенциальный центр соперничества — СЭВ и ОВД, а затем и СССР. Переход к многополярности, отмеченный еще в документах партийных съездов КПСС 70-х годов, вновь стал актуальной темой потому, что в России «в одно время» правящая элита согласилась с возникшей в реальности однополярностью, но затем, вдруг «прозрела» и обнаружила, что процесс перехода не останавливался, протекал по мере быстрого роста экономик КНР, Индии, Бразилии и ряда других стран. Процесс «прозрения» правящей элиты России стал тем процессом очищения её от вредных либеральных иллюзий во внешней политике страны, которые доминировали со времен М. Горбачева³⁶⁴.

Во-вторых, правящей элите России стало понятно, что односторонняя ориентация на Запад стала не допустима не столько с идео-

логической точки зрения, сколько из-за сугубо материалистических соображений: Запад не дал её представителям ни гарантий безопасности, ни индульгенций за прошлые грехи, ни, тем более, возможностей сколько-нибудь самостоятельно распоряжаться собой и российскими ресурсами. «Уход в автономное плавание» сопровождался усилением разрыва, который должен был неизбежно наступить после того, как правящая российская элита отказалась от полной вассальной зависимости³⁶⁵.

Не думаю, что у российской правящей элиты вдруг возникли патристические чувства — она вполне интегрировалась в качестве обывателя в систему европейских ценностей, — но она неожиданно столкнулась с периодическим, но постоянным нажимом на её интересы, искусственные ограничения и пр. по одной причине: в Европе правящие элиты с огромным трудом, через войны и кровь, создавали правила и системы своей защиты. И эти условия существования они не собирались отдавать российским представителям, более того, они рассчитывали на то, что по праву сильного они смогут пользоваться неравными условиями развития, ограничив национальный суверенитет России.

В любом случае, при самом разном субъективном отношении правящей российской элиты, в начале века произошло фактическое изменение мировой парадигмы развития: отчетливо проявились две основные тенденции в мировом развитии и, как следствие, в формировании МО. Сегодня существует много моделей глобального развития человечества.

На данный момент мы не можем точно знать будущую структуру МО, которая, на мой взгляд, окончательно сформируется к 2050 году, но мы можем предположить с высокой степенью вероятности следующие сценарии её формирования:

1. ПЕРВАЯ ТЕНДЕНЦИЯ: ожидаемый переход структуры МО к «многополярности».

Происходит быстрый процесс («фазовый переход») радикального изменения в расстановке мировых сил между локальными человеческими цивилизациями и их военно-политическими коалициями, который полностью изменит структуру МО и, как следствие,

ВПО после 2025 года в своих основных чертах и фундаментально к 2050 году.

Новая структура МО и ВПО начнёт отчётливо проявляться после 2025 года в борьбе против западной ЛЧЦ, причём, не только, со стороны китайской и исламской ЛЧЦ, но и индийской и других ЛЧЦ и центров силы. Поэтому тем, кто в России занимается военно-политическим планированием и военным строительством, необходимо уже сегодня заниматься, исходя из этих перспектив. На мой взгляд, можно рассмотреть несколько сценариев развития МО, которые будут развиваться в рамках этой тенденции в качестве примера.

Пример № 1. «Простая экстраполяция», когда развитие основных ЛЧЦ и центров силы, а также ЛЧЦ «второго эшелона» до 2050 года происходит инерционно, на основе уже известных тенденций, прежде всего, темпов развития экономики и демографии. В этот период (2025–2050 гг.) только 5 основных ЛЧЦ могут соперничать друг с другом, если сравнивать их демографические потенциалы (порядка 1500 млн. человек каждая) и объёмы экономик (порядка 20 трлн. долл.).

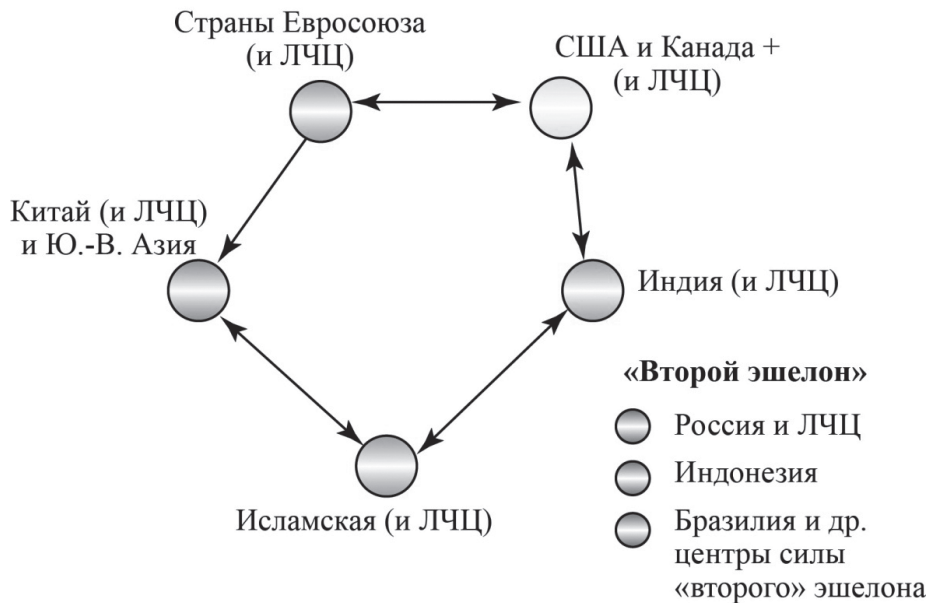

Рис. 32. Примерное соотношение сил между основными центрами силы и ЛЧЦ после 2025 года

«Второй эшелон» ЛЧЦ могут составить новые региональные центры силы, которые:

- могут бороться за собственный суверенитет и сохранение идентичности;
- присоединиться к коалиции, возглавляемой ЛЧЦ;
- создать собственную коалицию с другими центрами силы (например, «российско-восточноевропейско-азиатский»).

В результате к 2050 году складывается «пятиугольник» основных ЛЧЦ и центров силы, к которому тяготеют другие ЛЧЦ и региональные центры силы «второго эшелона».

Россия — будет вынуждена либо примкнуть к какому-то центру силы (и потерять идентичность и суверенитет), либо попытаться сохранить себя в качестве второстепенного, но самостоятельного центра силы и ЛЧЦ. Степень сохранения идентичности и суверенитета будет прямо зависеть:

- от темпов социально-экономического развития страны, качества её НЧК и институтов;
- от возможностей силовыми средствами и способами (включая военные) защищать свой суверенитет и идентичность;
- от качества отношений в МО и ВПО, способности к коалициям и союзам.

Пример № 2. «Статус-кво». (Наиболее вероятный сценарий). Сохранение контроля западной ЛЧЦ и коалиции до 2050 года над финансово-экономической и военно-политическими системами в мире, когда новые центры силы и ЛЧЦ остаются под влиянием Запада. Этот сценарий также предполагает, что политика «силового принуждения» Запада окажется достаточно эффективной. (Рис. 33)

В результате к 2050 году в МО складывается «деформированный» вариант современной структуры, где влияние новых ЛЧЦ и центров силы, а также ЛЧЦ «второго эшелона» настолько сильно, что их центробежная сила ежечасно подвергает риску всю систему МО. Попытки «редактировать» ситуацию, оспорить доминирование западной ЛЧЦ фактически идут непрерывной чередой, а Запад силовыми средствами сохраняет своё доминирование каждый раз, когда ему бросается вызов.

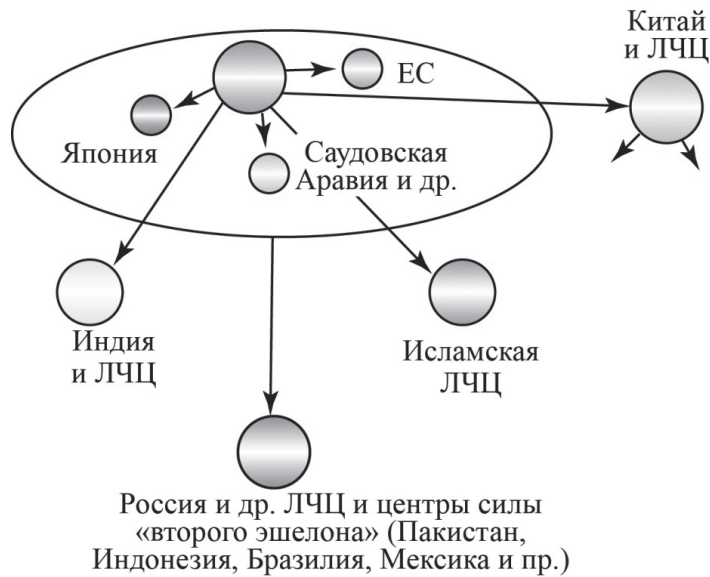

Рис. 33. Западная ЛЧЦ и центр силы

При такой структуре МО Россия стоит перед выбором:

- присоединиться к доминирующему центру силы и западной ЛЧЦ;
- создать коалицию с новым центром силы и ЛЧЦ (КНР, Индией, Исламской ЛЧЦ);
- сформировать коалицию с центром силы «второго эшелона»;
- сохранить себя в качестве самостоятельной ЛЧЦ и центра силы «второго эшелона».

За исключением первого варианта, все остальные варианты вполне приемлемы для России потому, что позволяют сохранить суверенитет и идентичность. Как и в случае с предыдущим примером, эффективность политики России будет зависеть от тех же качеств её развития:

- от темпов социально-экономического развития страны, качества её НЧК и институтов;
- от возможностей силовыми средствами и способами (включая военные) защищать свой суверенитет и идентичность;
- от качества отношений в МО и ВПО, способности к коалициям и союзам.

Пример № 3. «Смена парадигм». Один из сценариев доминирования новых центров силы и ЛЧЦ — либо «Китайский», «Индийский» или «Исламский», — который становится к 2050 году не только вероятным, но и реальным в результате разных, не известных до сих пор обстоятельств. Этот сценарий достаточно быстро и радикально меняет всю структуру современной МО.

К концу 2018 года стало ясно, что можно будет ожидать, что через 20–30 лет одна из трех ЛЧЦ — китайская, индийская или исламская сможет претендовать на исключительную роль в будущей системе, заменив лидерство и доминирование западной ЛЧЦ. Вероятность того, что это может быть китайская ЛЧЦ — 15–20% по сравнению с 60% у западной ЛЧЦ, а индийской и исламской — по 10–15%.

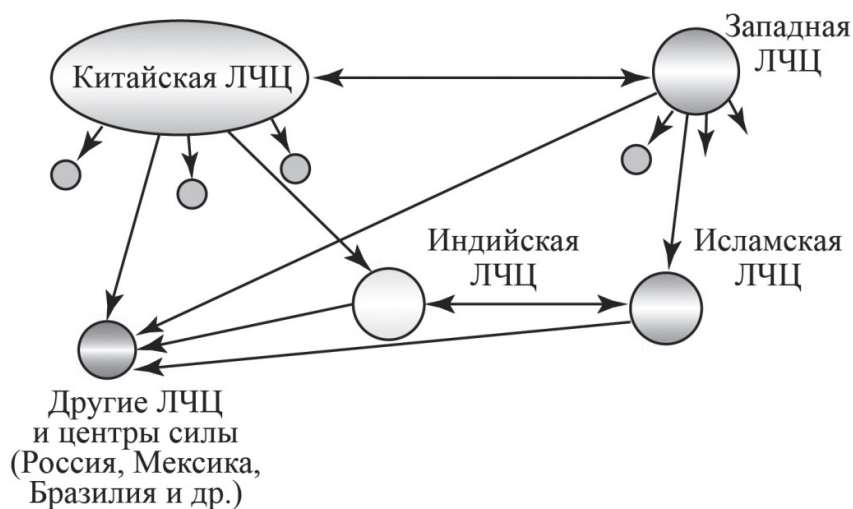

Рис. 34. Сценарий «смена парадигм»

В результате подобного развития событий к 2050 году сформируется совершенно новая структура МО, которая неизбежно приведет к пересмотру основных норм и международных правил в результате конфликтов, что, в свою очередь, может вызвать резкое неприятие других ЛЧЦ и центров силы, сопровождаемое усилением военно-силового противоборства.

Россия может, как и в первом варианте, оказаться в очень сложном положении: доминирование исламской или китайкой ЛЧЦ и их коалиций неизбежно будет вести не только к потере суверенитета, но и идентичности России. Доминирование индийской ЛЧЦ может привести к её конфликту с другими ЛЧЦ и центрами силы (в т.ч. «второго эшелона» — Пакистаном, исламской ЛЧЦ), что, в свою очередь, сформирует для России «новую реальность» в МО и ВПО.

2. ВТОРАЯ ТЕНДЕНЦИЯ: нарастание скорости и качества изменений, ускоряющегося сокращение отрезка времени для «фазовых переходов».

Исторические изменения, происходившие у человечества, в экономике, общественно-политической жизни, науке прежде раз в 1000, 100 или 50 лет, сегодня происходят практически **ежегодно**, а периоды между ними («фазовый переход») сократились до нескольких лет. Этот процесс сингуляции будет нарастать в ближайшие годы. Поэтому метод экстраполяции может использоваться очень и очень ограниченно.

Пример № 1. Сценарий «растущей неустойчивости», когда все или большинство субъектов и акторов развития сталкиваются с социальными или когнитивными фундаментальными проблемами. Так, рост производительности труда и продуктивности земель, успехи медицины привели в мировом масштабе к смене политэкономической парадигмы. Вместо привычной марксистской модели трудящегося люда и кучки эксплуататоров мы уже вплотную подошли к ситуации, когда меньшинство своим высокопроизводительным трудом кормит иждивенческое и не знающее, чем заняться, большинство. Картина, как замечает социолог Л.Ф. Соловейчик, «... чем-то напоминает время заката Рима, когда многочисленный праздный плебс требовал от властей хлеба и зрелищ и был готов низвергать власти, не обеспечивающие требуемых развлечений».

При этом продолжает действовать ранее отвоёванное в классовой борьбе всеобщее избирательное право и прямо на наших глазах демократия (не самая безошибочная форма правления — ведь Гитлер пришел к власти через выборы) превращается в охлократию. Такая качественная угроза развитию человечества смотрится почти столь же зловеще, как и угроза ядерного самоуничтожения.

Более того, мне представляется, что сытое безделье большинства в отсутствие целеполагания и есть тот неотвратимый тупик, в который упрутся любая технологическая цивилизация, даже в гипотетических других обитаемых мирах.

Рис. 35

Пример № 2. Сценарий «Разбегания траекторий развития», когда разные субъекты и акторы начинают в возрастающей степени ориентироваться на различные варианты и модели развития. В XX веке это стало нормой для коммунистических и капиталистических стран, но затем стала актуальной «исламская» модель, позже «модель ИГИЛ» и др.

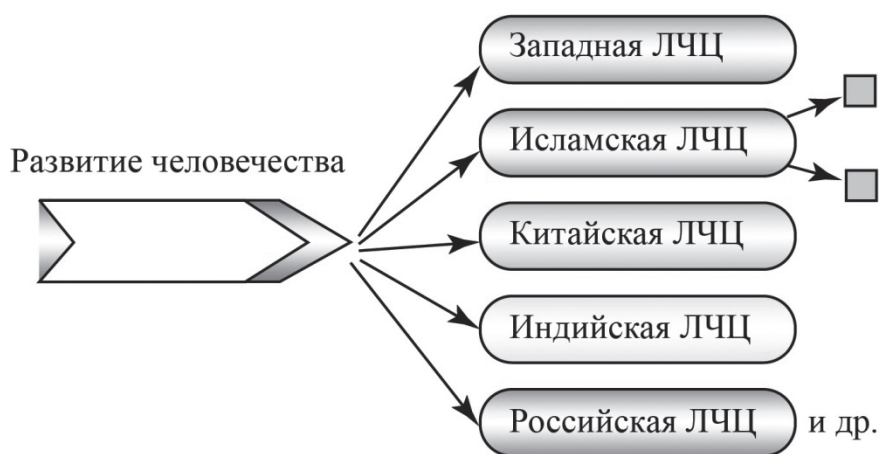

Рис. 36

Пример № 3. Сценарий «Антиэлитарного (социального) развития», когда нарастающий «креативный класс» начинает превращаться в «класс для себя». Его «доля» в экономике развитых стран намного превысила 50 % и он хочет соответствующих политических прав и возможностей, смены политической системы.

Экономическая, социальная и информационная мощь «креативного класса» настолько велики, что их организационно-политическое оформление превращает почти мгновенно этот социальный слой в гегемона не только на внутривнутриполитической, но и внешнеполитической арене. Если допустить приход к власти в какой-то стране «креативного класса», то необходимо тщательно просчитать его последствия для мировой политики, вытекающие из его представлений о системе ценностей и интересов.

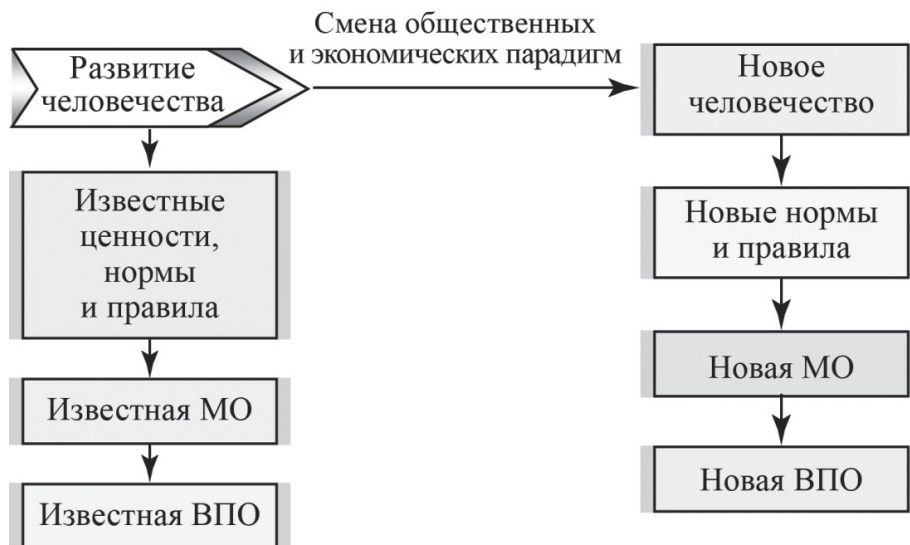

Рис. 37

Важная оговорка:

1. Количество сценариев развития ЛЧЦ и МО в действительности может быть больше, хотя вероятность их реализации — будет разная.

Таблица 8. МАТРИЦА развития МО до 2050 годов
(в основе которой лежат только некоторые особенности
смены структуры МО и разных тенденций развития)

Сценарий развития МО	Сценарии развития ЛЧЦ		
	«Растущая неустойчивость»	«Разбегание траекторий развития»	«Антиэлитарное развитие»
«Простая экстраполяция»	МО: Растущая неустойчивость	МО: Ценностное противостояние	МО: Череда революций
	ВПО: Военно-силовое противоборство	ВПО: бескомпромиссная борьба	ВПО: Внутриполитическая неустойчивость
«Статус-кво»	МО: Силовое противоборство	МО: Бескомпромиссное противоборство	МО: Революции, перевороты (гражданские войны)
	ВПО: Военные конфликты	ВПО: Войны и конфликты	ВПО: Внутриполитические радикальные социальные изменения
«Смена парадигм»	МО: Смена стратегий развития	МО: Новая структура МО	МО: Смена моделей МО
	ВПО: Революционные изменения	ВПО: ?	ВПО: Радикальное изменение ВПО

2. У каждого сценария МО могут быть свои конкретные варианты реализации.
3. Количество сценариев ВПО больше, чем МО, а их вариантов — больше чем самих сценариев.
4. На формирование ВПО влияют конкретные сценарии развития СО, войн и конфликтов в те или иные промежутки времени.

Итого, как минимум, 9 сценариев развития МО, из которых вытекает уже более 9 конкретных вариантов сценариев ВПО, каждый из

которых неизбежно делится (в зависимости от конкретных условий по месту, времени и т.д.) на несколько вариантов развития СО, войн и конфликтов.

Адекватная и практически имеющая значение оценка современного военно-политического положения России возможна только с учетом, как минимум, ближнесрочных (а лучше долгосрочных) перспектив его развития. Попытки составления анализа или даже обзора, не говоря уже о прогнозе, без учета этих обстоятельств абсолютно бесполезны и бесперспективны потому, что показывают состояние России вне мирового и даже национального исторического контекста и перспектив развития. Так, говоря о положении России в мире и её социально-экономическом состоянии в начале 2020 года, необходимо, как минимум, во-первых, показать основные показатели мирового и регионального развития за последние десятилетия и их перспективы на десять-двадцать лет, а, во-вторых, состояние России десять-тридцать лет назад и перспективу на двадцать-тридцать лет. Без первого и второго анализа и прогноза описание социально-политического и экономического положения России теряет смысл. В том числе, на мой взгляд, и при формировании бюджетной политики России на 1–3 года, где эти обстоятельства должны обязательно учитываться³⁶⁶.

Это означает, что **средства и способы** противоборства России в период до 2050 года мы должны соотносить с вероятностью нарастания этих сценариев и их конкретных вариантов. Они неизбежно будут разными. Поэтому:

$$\begin{aligned} &\textbf{Эффективность стратегического сдерживания} \\ &= \\ &\textbf{максимальное разнообразие средств} \\ &\textbf{и методов силовой политики} \end{aligned}$$

Однако такая бесконечность разнообразия средств и методов неизбежно требует огромных затрат ресурсов (в т.ч. различных видов и типов ВВСТ). Поэтому разумный компромисс может заключаться в:

1. Точности прогноза будущих сценариев и вариантов развития МО и ВПО.

2. Их сочетаемости с основными направлениями социально-экономического и научно-технического развития России.

Так, например, приоритетное развитие НИОКР и человеческого капитала (военнослужащих, работников ОПК, управления) — идеальное сочетание, отражающее и учитывающее все вероятные направления развития МО и ВПО, с одной стороны, потребности развития России, с другой³⁶⁷.

То, что сегодня существует в мире и в России, — неизбежно воспринимается как **часть будущего**. Причем, если говорить о военно-политических особенностях, то будущее — более того — само уже во многом предопределяет состояние настоящего. Иначе говоря, **будущая МО и ВПО, например, в 2025 или 2050 годах, уже сегодня влияет на состояние и формирование настоящей МО и ВПО**³⁶⁸. И не только с точки зрения перспектив развития науки и технологий, в т.ч. вооружений и военной техники или вооруженных сил, что совершенно естественно, но и с точки зрения современного состояния политики и военного искусства. В частности, если допустить дальнейшее развитие тенденций в области ядерных вооружений в мире, то до 2025 года даже в отсутствии договоренностей об их сокращении их численность будет сокращаться за счет устаревания ядерных СНВ США и России и снятия их с вооружения, как показано на графике.

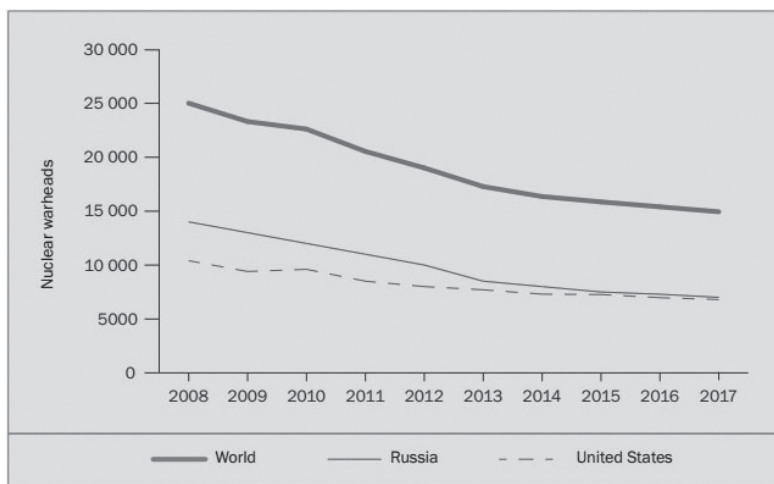

Рис. 38. Изменение общей численности ядерных боеголовок³⁶⁹

Но, в то же самое время абсолютно и относительно будут увеличиваться стратегические ядерные силы (СЯС) Китая, Индии и Пакистана, а также, возможно, Израиля. Кроме того, нельзя исключать и появления новых ядерных держав. И не только КНДР, но и Японии и других стран. Поэтому говорить о состоянии и будущем положении России вне общего мирового контекста, формирующего ВПО, — бессмысленно.

Если говорить о будущем состоянии МО, то оно неизбежно будет формироваться под влиянием изменения соотношения сил между крупнейшими экономиками и державами мира. Как видно из долгосрочных прогнозов, например, к 2050 году КНР существенно опередит США, а Индия (что часто не всегда учитывают) вплотную приблизится к США, а, может быть, даже и обгонит по важнейшим показателям нынешнего лидера. Вместе эти три страны составят ведущую «тройку» государств мира, вокруг которых будут формироваться военно-политические коалиции и развиваться центры силы.

Эта неравномерность развития по-разному отразится в регионах планеты и по-разному будет влиять на мировую и региональную ВПО. В частности, очень быстрые темпы экономического и социального развития в Китае, Индии и целом ряде других стран Юго-Восточной Азии, прежде всего, на Филиппинах, во Вьетнаме, Индонезии, Малайзии, а также в Республике Корея, Сингапуре и Гонконге неизбежно приведут к 2025 году к полному изменению в экономической расстановке сил в регионе.

В еще большей степени повлияют на ВПО в регионе Евразии и особенно Юго-Восточной Азии изменения в военной мощи новых центров силы, которые превратятся в полноценные в военном отношении государства (Вьетнам, Индонезия, Филиппины, Малайзия), а Китай и Индия — в мировые военные державы³⁷⁰.

На рисунке ниже показана динамика изменения соотношения сил в Юго-Восточной Азии между основными государствами мира и региона.

Как видно из предварительных оценок темп роста в таких странах как Филиппины, Вьетнам и Индонезия позволят превратить их в региональных лидеров, а Индонезию, возможно в региональный центр силы.

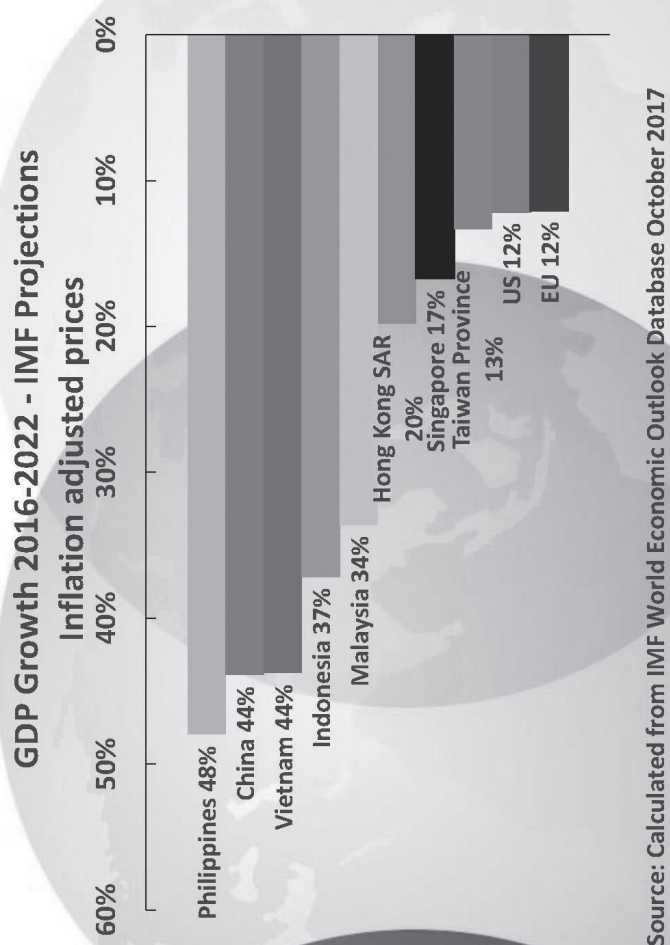

Рис. 39. Темпы роста основных экономик стран ЮВА выше, чем США и ЕС³⁷¹

На этом фоне существенно ослабнут позиции США и их союзников, которые уже с начала нового века пытаются компенсировать своё относительное отставание (США, например, более 60% военных ресурсов концентрирует именно там), в том числе и развивая свое военное присутствие, а также оказывая военно-техническую помощь своим союзникам.

5.e). Развитие локальных человеческих цивилизаций и новые центры силы

На протяжении большей части своей истории Америка не знала угрозы собственному выживанию. Когда такая угроза появилась в период холодной войны, она была полностью ликвидирована. Таким образом, американский опыт полностью подтвердил уверенность в том, что, единственная из стран, к угрозам невосприимчива и может выстоять, будучи живым примером моральных достоинств и добрых дел³⁷²

Г. Киссинджер

Формирование новых центров силы по мере опережающего развития ЛЧЦ неизбежно создаёт противоречие в отношениях США, как лидера западной ЛЧЦ, с новыми влиятельными субъектами МО. В это же самое время появятся и такие крупные в экономическом, демографическом и военном отношении державы, чье влияние будет вносить свои коррективы в отношения между лидерами, как Пакистан, Индонезия, Вьетнам, возможно даже объединенная Корея, что объективно создает угрозу американскому влиянию и неуязвимости. Типичный пример — Россия, Иран и КНДР, которые открыто заявили о неприемлемости американского доминирования, не смотря на всё давление.

Более того, встаёт проблема возможного присоединения этих новых центров силы к военно-политическим коалициям ЛЧЦ. Динамика

развития некоторых стран за последние десятилетия свидетельствует о том, что появление таких новых факторов в мировой расстановке сил неизбежно. Более того, в сравнительно короткое время такие новые страны быстро проходят этапы превращения их в новые центры силы³⁷³:

- этап быстрого (опережающего) развития;
- этап превращения в регионального лидера;
- этап превращения в региональный центр силы.

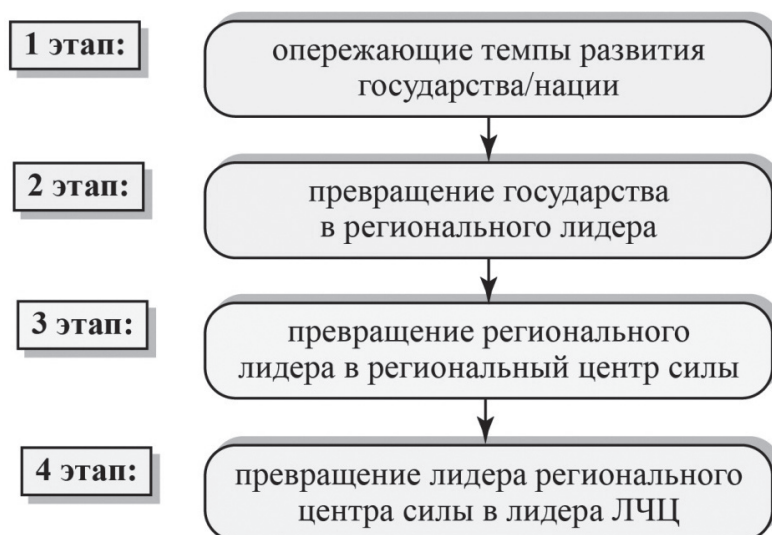

Рис. 40. Этапы превращения государства в лидера ЛЧЦ³⁷⁴

Так, Турция, Иран, Малайзия и некоторые другие государства, занимавшие еще недавно места аутсайдеров по демографическим и экономическим показателям, смогли увеличить численность населения в несколько раз, а по экономическим показателям будут вполне сопоставимы со странами, которые еще недавно определяли уровень развития мировой экономики (например, Англией, Францией и даже Германией), что неизбежно отразится на региональной ВПО. Это видно на примере изменений военных расходов некоторых стран и регионов. В частности, если мировые военные расходы увеличивались в це-

лом пропорционально темпам роста мирового ВВП, то в Азии и Океании они росли существенно быстрее, чем даже в странах Восточной Европы и Северной Америки.

Сказанное означает, что в относительно недалекой перспективе в АТР и особенно регионе Юго-Восточной Азии произойдут не только радикальные изменения в соотношении экономических и демографических сил и, как следствие, в характере МО, но и в соотношении военных сил и в характере ВПО и даже стратегической обстановки, которая ускоренно осложняется по вполне объективным причинам — нарастающим геополитическим противоречиям в регионе.

Эта тенденция, безусловно, усилится в связи с появлением в регионе таких мощных в будущем военных игроков, как Индонезия, Филиппины, Пакистан и особенно Вьетнам и Республика Корея.

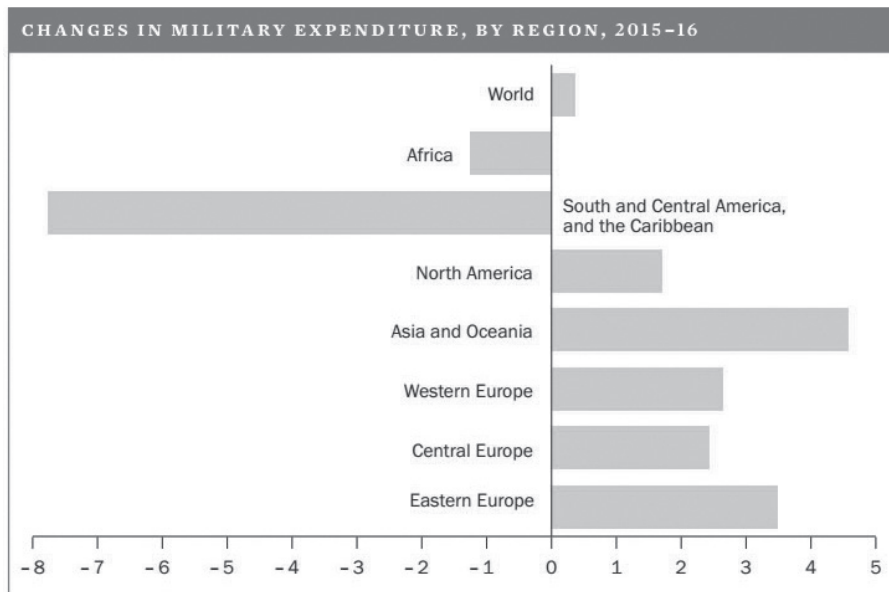

Рис. 41. Изменения в военных расходах (по регионам)³⁷⁵

Тем не менее, именно Китай, Индия и США будут иметь решающее влияние на формирование будущей модели международных отношений³⁷⁶. Именно они составят тот «стратегический треугольник», который и будет определять основные тенденции развития ВПО в регионе.

Важно отметить, что стратегические цели этих «углов» треугольника будут абсолютно разными, что означает высокую вероятность политических и военных конфликтов между ними в будущем, которые не смогут быть снивелированы ни общими торгово-экономическими интересами (как сегодня между КНР и США), ни интересами общего геополитического порядка (как между США и Индией), не говоря уже об известных противоречиях.

При этом если США будут стремиться, всячески, сохранить сложившийся мировой порядок и расширить свою коалицию, в том числе привлекая в неё Индию, то Китай будет ориентироваться исключительно на самостоятельную роль центра силы, постепенно подчиняя себе страны не только бассейна Тихого и Индийского океанов, но и Атлантики.

Что же касается Индии, то в настоящее время её экономические и научно-технологические перспективы явно недооцениваются, а военная мощь и политические амбиции старательно не замечаются. На мой взгляд, эти амбиции у правящей элиты Индии будут вполне сопоставимы с амбициями США и КНР, а экономическая и демографическая мощь к 2050 году может составить не только конкуренцию, но и превзойти мощь остальных стран-лидеров.

Эти перспективы развития ВПО в мире и регионе не являются оптимистическими для современной России, которая очень слабо представлена в региональной и межрегиональной торговле (порядка 1%) и военно-политическом балансе сил. Более того, по мере развития военно-технологической базы КНР, Индии и других стран её относительно высокая роль в военно-техническом сотрудничестве будет снижаться. Велика вероятность того, что существующие тенденции развития собственной промышленной базы в КНР и Индии, и их частичной ориентации на другие страны приведут к уменьшению доли российской военной продукции, которая может сохраняться в отдельных сегментах (современных системах ПРО и ПВО, ВВС и Сухопутных сил), но будет вытесняться другими продавцами на рынках третьих стран.

Перенос центра тяжести мировой экономики, торговли и политики в АТР неизбежно требует от России усиления политики развития регионов Дальнего Востока, начатой относительно недавно и пока еще

не дающей необходимых результатов. Необходимо, прежде всего, чтобы любой вид общегосударственной деятельности — политической, экономической, научно-технологической, гуманитарной, а тем более военной — имел свое продолжение на Дальнем Востоке. Это можно сделать только при условии перенесения центров административных и экономических решений в этот регион, в частности, части столичных функций. Размещение государственно-бюрократических институтов, как показывает практика, лучше всего содействует развитию. И прежде всего, на мой взгляд, речь может идти о военно-морской деятельности — строительстве судов, размещении и подготовки личного состава и штабов, а также сопутствующих органов управления и обеспечения.

С точки зрения военно-политической, переход от однополярности к многополярности не является ни неизбежным, ни линейно-позитивным явлением, как это иногда представляется в современной научной литературе. Западная ЛЧЦ отнюдь не собирается уступать свое военно-техническое, а тем более технологическое превосходство, как минимум, до 2040 года. Более того, как следует из официальных документов и действий Д. Трампа, она будет настойчиво бороться за сохранение военно-политической однополярности и ликвидации «прорывов» других центров силы на иных направлениях. Так, в 2018 году обострилось соревнование между США и КНР в такой важнейшей области, как суперкомпьютеры, где на какое-то время Китай вырвался вперед: в июне 2018 года в США испытали компьютер, обладающий мощностью в 200 миллионов миллиардов операций в секунду, что, как минимум, вдвое превосходит китайское достижение.

Развитие в военной области таких ЛЧЦ как китайская, индийская, а также исламская, могут привести к росту конфликтности и войнам вне связи с обострением напряженности между Россией и Западом: уже сегодня есть вооруженное противостояние между КНР и Индией, КНР и исламскими акторами, Индией и исламскими государствами, между исламскими государствами и т.д.³⁷⁷

С точки зрения экономической, ключевым вопросом для понимания развития ЛЧЦ, центров силы и государств в новейшее время становится вопрос о движущих силах их неравномерного развития. Так, в настоящее время такое «понимание» сформировано в Указе В.В. Пу-

тина №204 «О национальных приоритетах...»³⁷⁸. Принято считать, что с экономической точки зрения развитие страны определяется целым рядом относительно стабильных и переменных факторов. Рассмотрим некоторые аргументы, предлагаемые ведущим исследователем профессором В. Сергеевым.

Это, прежде всего, — по мнению В. Сергеева, — уровень образования, природные богатства, численность населения и размер инвестиций, приходящихся на каждого человека. Первые три фактора являются по существу данными, и они вряд ли могут быть изменены в течение одного десятилетия. Однако уровень инвестиций оказывается чрезвычайно чувствительным по отношению не только к указанным факторам, но и другим, не менее важным. Эта группа факторов имеет политический характер: устойчивость политического режима, его отношение к бизнесу, правам собственности и коррупции.

Естественно предположить, что инвестиции не придут в страну с неустойчивым политическим режимом, который не способствует развитию бизнеса, нарушает права собственности и не борется с коррупцией. Таким образом, вопрос о развитии новых центров силы в значительной мере, — по мнению В. Сергеева, — сводится к «способности государства создать указанные выше условия, одновременно обеспечивая и высокий уровень инвестиций»³⁷⁹.

И далее: проблема состоит в том, что большинство новых центров силы — это «молодые» государства, сложившиеся в период после Второй мировой войны. Становление их государственных институтов происходило во время распада колониальной системы. Государство, вопреки широко распространённому в середине XX века взгляду, не рождается как целое. Убеждение, что «правильный» конституционный порядок обеспечит выполнение условий для инвестирования, представляется сейчас, в первой половине XXI века, довольно наивным³⁸⁰.

В соответствии с новейшими теориями, государство в момент его рождения наследует множество социальных институтов, существовавших ранее на данной территории. Более того, «новое» государство возникает всегда как равновесие борющихся политических сил, и его становление, в том числе и конституционное, является результатом

этой борьбы. Таким образом, конституция оказывается под непрерывным воздействием прежде существовавших институтов, и представление о том, что можно произвольно «сконструировать» конституционный порядок, на деле почти никогда не оправдывается.

После Второй мировой войны многие «новые» страны пытались решить эту проблему путём создания экономической системы с полным доминированием государства. Однако практика показала, что такой подход не обеспечивает необходимые условия для экономического развития. Вне зависимости от того, однопартийной или многопартийной была система, борьба кланов, связанных с теми или иными видами деятельности, — армия, служба безопасности, министерства, занимающиеся добычей природных ресурсов, — всё равно оставались реальными политическими игроками. Избежать скрытого политического плюрализма никому не удавалось, но, когда этот плюрализм не встроен в политическую систему и не обозначен явственно, борьба часто принимает более жестокие формы, и становится малопредсказуемой³⁸¹.

Именно слабая предсказуемость, которая приводит к внезапным поворотам в политическом курсе государства, смене части правящей элиты, и является серьёзным препятствием для экономического развития. Ведь в таких условиях внешние и внутренние экономические акторы не могут уверенно чувствовать себя, не ожидая внезапного изменения политических предпочтений при распределении экономических благ.

Теперь мы рассмотрим несколько примеров подъёма новых центров силы в начале XXI века. Наиболее важным из них представляется Китай. Последние 15 лет XX века в Китае проводилась интенсивная экономическая реформа. Благодаря огромному населению в стране существовали условия для использования дешёвой рабочей силы. Сочетая традиции и современные технологии, Китай уже в конце XX века начал демонстрировать очень высокие темпы роста — около 10–12% ВВП в год.

Авторитарная политическая система Китая способствовала доверию инвесторов, так как фактически договариваться об инвестировании приходилось только с одним агентом — правительством,

которое и гарантировало сохранность инвестиций. Власти КНР прекрасно понимали, что в случае нарушения договора поток денежных средств прекратится, поэтому Китаю удавалось обеспечить исключительно высокий уровень инвестиций. Этому благоприятствовало создание специальных экономических зон вдоль морского побережья, с лёгким доступом к местам производства. Фактически территория Китая была разделена на две части — свободные экономические зоны, где уровень жизни быстро повышался благодаря высоким зарплатам, и остальная часть страны с более низкими показателями. Китайское правительство использовало этот принцип разделения, провозглашая лозунг: «одни станут богатыми раньше, чем другие». Высокие темпы роста производства сохраняются в Китае до сих пор, хотя последние годы он составляет 8–9% ВВП³⁸².

Китайские власти ориентировались на японскую модель экономического развития. В начальный период производство было сосредоточено на низкотехнологичных товарах — игрушках и одежде, которые широко экспортировались в США и страны ЕС. По мере развития успехов в лёгкой промышленности Китай перешёл к созданию бытовой электроники и компьютеров, а затем — к развитию автомобильной промышленности. Большинство товаров предназначалось для экспорта, что привело к концентрации значительных валютных средств в руках правительства Китая. Валютные резервы сейчас составляют около трёх триллионов долларов, и они продолжают увеличиваться. Такая концентрация средств сделала США и ЕС в известном смысле зависимыми от валютной политики Китая, так как Пекин получил возможность влиять на курсы основных мировых валют. Китайский юань при этом оставался сильно недооценённым, поскольку правительство специально поддерживало его низкий курс для облегчения экспорта³⁸³.

До недавнего времени Китай воздерживался от широких программ перевооружения, чтобы не вызывать опасения у своих экономических контрагентов. Но в последние годы власти КНР приняли широкую программу развития военно-морских сил в связи с интенсивной экономической экспансией страны в Африку и Латинскую Америку³⁸⁴.

Китай также стремился воздерживаться от вмешательства в международные проблемы, что в известном смысле являлось продолжением исторического курса XVI–XVIII веков, когда страна проводила политику изоляции от внешнего мира. Но в середине 1980-х годов Китай принял программу технологического развития, которая предполагала обучение за государственный счёт сотен тысяч студентов в лучших университетах США и Европы. Лишь незначительная их часть вернулась на родину по окончании обучения, но китайское правительство и не настаивало на этом. Бывшие студенты начали возвращаться в Китай в середине нулевых годов уже в другом статусе, имея возможность претендовать на более высокую зарплату, чем они могли получить на Западе. Такими средствами Китай к настоящему времени в основном решил проблему технологического отставания, превратившись в одну из ведущих индустриальных держав — «мировую фабрику». В скором времени Китай должен превзойти США не только по номинальному уровню ВВП, но и по физическим объемам, и, хотя этот показатель на душу населения продолжает оставаться относительно низким, роль КНР в мировой экономике становится одной из определяющих³⁸⁵. А, значит, и военно-политическая роль будет неизбежно возрастать, подталкивая Китай в «ловушку Фукидида».

Несколько по-иному складывался путь Индии. Эта страна достаточно поздно перешла к принципам рыночной экономики, примерно в то же время, что и Китай — в середине 80-х годов прошлого века. До этого главный упор в развитии Индии делался на индустриализацию советского образца, то есть на создание мощных промышленных комплексов, принадлежащих государству. После смены экономической политики основной акцент был сделан на создание и совершенствование информационных технологий, что в значительной степени объяснялось особенностями индийской культуры — математика в Индии достигла высокого уровня развития уже в первом тысячелетии нашей эры. Помимо этого, индийская культура всегда склонялась к развитию спекулятивных философских теорий, что тоже оказалось весьма полезным для обучения программистов и создания программного обеспечения.

Экономический рост в Индии никогда не достигал такого уровня, как в Китае. Обычные показатели составляли 5–6% в год. Но даже такой сравнительно умеренный рост, который поддерживался на протяжении нескольких десятилетий, привёл к впечатляющим объемам валового продукта. В последние годы Индия также начала широкую программу экономической экспансии в Африке, где уже в начале XX века проживало значительное количество индийских эмигрантов. К концу прошлого века Индия, как и Китай, стала ядерной державой, и начала развивать космические отрасли промышленности. В настоящий момент Индия реализует обширную программу перевооружения армии, закупая оружие, как в России, так и на Западе. Учитывая огромное население страны, Индия достаточно решительно начинает принимать участие в мировой политике³⁸⁶.

В последние годы Индия также начала широкую программу экономической экспансии в Африке, где уже в начале XX века проживало значительное количество индийских эмигрантов.

Другие примеры быстрого подъёма государств — ЮАР и Бразилия. История Южно-Африканской Республики в XX веке осложнилась расовыми конфликтами. Несмотря на то, что ЮАР является самой развитой страной Африки, обладающей действительно высоким уровнем технологического развития, трудности экономического роста ещё очень заметны, как и следы расового конфликта. Белое население ЮАР, состоящее из буров (потомков нидерландских колонистов) и англоговорящих потомков британцев, на протяжении практически всего XX века проводило политику сегрегации, пытаясь не допустить чёрное население к управлению страной. В ЮАР имеются значительные сегменты смешанного населения, а также многочисленные потомки индийских колонистов.

До исторического решения о прекращении апартеида в 1990-х годах страна успешно развивала ядерные технологии и технологии переработки угля в жидкое топливо, что было вызвано международными санкциями в отношении правительства ЮАР из-за расовой дискриминации. После заключения соглашения, положившего конец этой политике, во главе ЮАР стал лауреат Нобелевской премии мира Нельсон Мандела, который последовательно добивался смягчения расовых

конфликтов. Несмотря на это, последствия длительного расового противостояния по-прежнему ощущаются во внутренней политике. Уровень преступности весьма высок, белое население продолжает покидать ЮАР, но в целом страна, обладающая колоссальным природным потенциалом в виде алмазов, золота, урана и угля, может обеспечить высокие темпы роста экономики в XXI веке. Об этом свидетельствует, в частности, присоединение ЮАР к группе БРИКС, которая представляет собой объединение пяти перспективных и быстрорастущих экономик, и, по оценкам международных экономических аналитиков, имеет шансы к середине XXI века производить более половины мирового ВВП³⁸⁷.

Новым экономическим гигантом является Бразилия, которая обладает развитой современной промышленностью, производящей разнообразную продукцию — от компьютеров до самолётов, и успешно конкурирующей на мировых рынках. Достижению экономических успехов способствовал тот факт, что Бразилия была колонией Португалии, в отличие от большинства латиноамериканских стран, являвшихся колониями Испании — государства с жёсткой централизованной административной структурой и отсутствием навыков самостоятельности населения. Многие современные авторы отмечают, что в то время как испанская колонизация привела к строгому разделению креолов (потомков испанских колонистов) и местного населения (индейцы и метисы), в португальских колониях такого деления не было, и сейчас население страны, с социологической точки зрения, представляется достаточно однородным, несмотря на существенное различие в цвете кожи. Кроме того, торговые традиции, существовавшие в Португалии, создали в Бразилии более благоприятную атмосферу для участия в международной торговле и развитии промышленности. Бразилия приняла участие в «левом повороте» последних десятилетий в Латинской Америке, и в настоящий момент эту страну возглавляет «левое» правительство, которое имеет достаточно сбалансированный подход к распределению экономического богатства³⁸⁸.

Все четыре рассмотренных примера — это страны БРИКС, которые стремятся трансформировать систему управления международными финансами и торговли, пользуясь в первую очередь таким

инструментом, как «Группа двадцати», и интенсивно наращивают взаимную координацию. Эта согласованность действий, впрочем, не означает полного отсутствия политических конфликтов между странами БРИКС, но роль этих споров в значительной степени нивелируется стремлением к перестройке мировой экономической системы общими усилиями³⁸⁹.

Существует и много других примеров «новых государств» с быстро развивающейся экономикой, которые начинают оказывать значительное влияние на мировую политику. Это в первую очередь Саудовская Аравия и монархии Персидского залива, Индонезия, Малайзия, Таиланд, Мексика, Турция.

5.ж.). Центры силы и положение России в мире

Очень быстрое экономическое развитие некоторых ЛЧЦ уже привело к не менее быстрому социально-политическому, научно-техническому и военному развитию этих новых влиятельных субъектов ВПО, что неизбежно ведёт к росту их внешнеполитических амбиций и военных возможностей. (Рис. 42)

Сейчас идет перераспределение центров мирового влияния. Китай, Индия, исламская ЛЧЦ будут мощными экономическими и военно-политическими центрами силы к середине века. На их базе формируются коалиции ЛЧЦ и новые центры силы, которые будут бороться за пересмотр мировых правил и норм.

Это понимают практически все, но если в США, осознавая эти перемены, полагаются на сохранение военно-технологического превосходства, как минимум, на обозримую перспективу, то в других странах, пока что эти тенденции просматриваются слабо. (Рис. 43)

Проблемой новых центров является и технологический разрыв, в особенности отставание стран в области фундаментальной науки. На современной фазе экономического роста отставание фундаментальной науки может быть не так заметно, но в перспективе это неизбежно скажется на темпах развития, и если учитывать этот факт, то прогнозы

**К 2050 году новые страны будут
доминировать в мировой экономике**

	2016	2050	
<i>China</i>	1	1	<i>China</i>
<i>US</i>	2	2	<i>India</i>
<i>India</i>	3	3	<i>US</i>
<i>Japan</i>	4	4	<i>Indonesia</i>
<i>Germany</i>	5	5	<i>Brazil</i>
<i>Russia</i>	6	6	<i>Russia</i>
<i>Brazil</i>	7	7	<i>Mexico</i>
<i>Indonesia</i>	8	8	<i>Japan</i>
<i>UK</i>	9	9	<i>Germany</i>
<i>France</i>	10	10	<i>UK</i>

Новые 7
 Большая 7

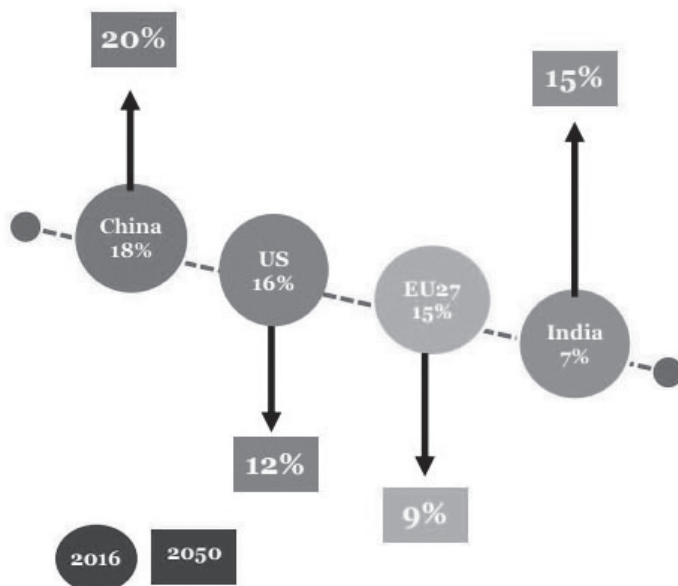
Рис. 42

аналитиков относительно будущей доли новых индустриальных стран в мировом ВВП могут оказаться чересчур оптимистичными³⁹⁰. Успешный процесс передачи технологий не сможет компенсировать пробелы в знаниях, которые существуют в новых индустриальных странах, тем более что «утечка мозгов» остаётся довольно значительной³⁹¹.

Оценивая перспективы новых индустриальных стран, следует отметить недостаток координации их усилий для достижения преимуществ в мировом разделении труда и богатства. Их вовлечённость в региональные конфликты и недостаточный уровень развития системы образования являются серьёзными препятствиями и усугубляются

США и ЕС уступят Китаю и Индии

Share of world GDP (PPPs) from 2016 to 2050...

Sources: IMF for 2016 estimates, PwC analysis for projections to 2050

Рис. 43

по мере восстановления экономического роста в развитых странах³⁹². Существенным фактором является и вовлечённость новых индустриальных стран в региональные и внутриполитические конфликты, что способно в будущем оказать значительное влияние на темпы их экономического роста и осложнить их внутриэкономическое положение. Примером такого влияния стало проявившееся в 2013 году давление на курсы национальных валют, которое привело в ряде случаев (Индия, Бразилия) к значительной девальвации. Это лишь один пример трудностей, с которыми сталкиваются экономики новых индустриальных стран.

Полная «легитимация» новых центров силы затянется как минимум до середины XXI века, а оптимистичные прогнозы некоторых аналитиков, обещавших, что к этому времени ВВП стран БРИКС

превзойдет 50% мирового ВВП, вряд ли сбудутся. Вместе с тем Россия уже сейчас должна не только прогнозировать подобное развитие событий, но и заниматься стратегическим планированием будущего. Не смотря на внешне слабые экономические позиции, у России есть другие ресурсы. В том числе те, которые достались в наследство от СССР. Так, в последние два десятилетия Россия добровольно отказалась от того, чтобы ей выплачивались долги бывшего СССР. Итак, 100 млрд. долл. России досталось в виде тяжелого наследства, долгов. Но, согласившись на погашение займов, Москва получала и бонус — союзные активы, имущество и право рассчитывать на добросовестность должников СССР. Всё вместе это оценивалось в 150 млрд. долл. Тем не менее, платя по своим счетам, Россия много раз прощала долги.

Если брать относительно крупные кредиты (свыше миллиарда долларов), то получится, что за последние 20 лет Москва списала более 140 млрд. долл. — это были самые разнообразные займы, они выдавались на поддержку экономики, на покупку продовольствия, оборудования, вооружений и так далее.

Даже в очень трудные времена кризисов РФ освобождала должников от ответственности. Правда, дело здесь не в бесконечном милосердии, а в здравом смысле — как оказалось, из таких должников просто невозможно вытрясти деньги, платить им было нечем. К примеру, в 1996 году Анголе разрешили не возвращать 3,5 млрд. долл. В том же 96-м Москва решила вернуть Парижу заем столетней давности. А в 1998-м Россия сама объявила дефолт. Через год после дефолта под кредитную амнистию попала целая группа африканских стран (Танзания, Мали, Мадагаскар, Мозамбик и другие), им списали 14 млрд. долл.

В 2000 году от большей части долга (9,5 млрд. из 11 млрд. долл.) освободили Вьетнам, в 2001-м — Эфиопию (3,8 из 4,8 млрд.; оставшийся миллиард списали в 2005 году). В 2003-м РФ простила 11-миллиардный долг Монголии. В 2004-м Москва поддержала Ирак и списала почти 10 миллиардов долларов. В феврале 2008 года Ираку разрешили не платить еще 12 млрд.³⁹³ Наибольшую щедрость проявили в отношении КНДР (11 млрд. долл.) и Кубы (более 30 млрд.). Это были самые крупные куски советского «пирога»³⁹⁴.

Уже сейчас новые центры силы начинают оказывать влияние на мировую политику. Выше говорилось о проникновении Китая в Африку, где Пекин интересуется преимущественно нефтяными ресурсами. Саудовская Аравия проводит активную политику в странах Ближнего Востока, оказывая поддержку сирийским повстанцам, борющимся против режима Башара Асада. Турция стремится обозначить свое присутствие как на Ближнем Востоке, так и в Центральной Азии. Страны БРИКС пытаются изменить положение в мировой финансовой системе, действуя в основном через саммиты «двадцатки»³⁹⁵.

В различных областях мировой политики новые центры силы бросают вызов сложившемуся соотношению сил, прежде всего в области экономики. При этом они пользуются тем обстоятельством, что «старые» мировые державы оказались ослабленными в результате экономического кризиса, а также преимуществами более высоких темпов роста ВВП. США и ЕС отвечают новым индустриальным странам мерами в финансовой сфере и в области высоких технологий. В результате за последний год Бразилия, Турция, Россия, Индия столкнулись с необходимостью существенной девальвации своих валют, что объясняется оттоком западных инвестиций с развивающихся рынков, изменением торгового баланса в пользу «старых» центров силы. Дисбаланс в области высоких технологий в пользу западных стран существенно облегчает эту задачу, так как развитие научного потенциала в новых центрах силы требует длительного времени, возможно, не одного десятилетия.

Существует целый спектр исследовательских организаций, прежде всего объединяющих усилия разведывательных служб (в США и Великобритании, например), которые стали заниматься целенаправленной подготовкой исследований в области возникновения новых центров силы. Так, в частности, в январе 2013 года Британский центр экономических и деловых исследований (Centre for Economics and Business Research) опубликовал глобальное исследование, которое представляет собой прогноз экономического развития ведущих стран мира до 2030 г. В обзоре представлены основные тенденции развития 30 стран, характеризующихся крупнейшими экономиками мира. При этом если ранее организация составляла прогнозы только на 10-летний период,

то в этом году — на 2013, 2023 и 2028 г. Основные выводы по результатам исследования Центра заключались в следующем:

- К 2028 году Китай обгонит США и станет крупнейшей экономикой в мире, но это произойдет не ранее 2022 года. Как отмечают эксперты, это произойдет потому, что США по-прежнему будут наращивать экономику, а темпы роста Китайской экономики уменьшатся.
- К 2028 году Индия станет третьей по величине экономикой мира, обогнав при этом Японию, ВВП Индии превысит \$ 6,5 трлн., тогда как объем японской экономики, которая займет четвертое место в рейтинге, составит \$ 6,4 трлн.
- Бразилия обгонит Великобританию и Германию и станет 5-й по величине экономикой мира. Германия и Великобритания к 2028 году займут шестое и седьмое место в рейтинге. При этом Великобритания к 2030 году обгонит Германию и станет крупнейшей экономикой Европы. Согласно прогнозу, к 2028 году ВВП Великобритании вырастет до \$ 4,3 трлн., а экономика Германии — до \$ 4 трлн. Каких объемов достигнут ВВП обеих стран в 2030 году, когда они поменяются местами в рейтинге, не уточняется.
- Россия к 2028 году останется на восьмом месте в рейтинге крупнейших экономик с ВВП в размере \$ 4,1 трлн.

Также весь обзор базируется на мысли о снижении цен на энергоносители, причем этот тезис не подкрепляется какими-либо данными. Учитывая современный спрос, объемы добычи и истощаемости ресурсов, цена должна как раз увеличиваться. Но это будет происходить на фоне увеличения объемов использования альтернативных источников энергии³⁹⁶.

Для сравнения военной мощи государств авторы Global Firepower Index используют сложную методику оценки, в которой учитываются свыше 50 различных факторов. По результатам подсчетов армия получает оценку (Power index или PwrIndex), примерно отражающую ее возможности. При этом для большей объективности оценок применяется система бонусных и штрафных баллов. Кроме того, объективность призваны обеспечить несколько дополнительных условий:

- в оценке не учитывается ядерное оружие;
- в оценке учитываются географические особенности государства;
- оценка учитывает не только количество вооружений и техники;
- в оценке учитывается производство и потребление некоторых ресурсов;
- государства, не имеющие выхода к морю, не получают штрафные баллы за отсутствие ВМС;
- за ограниченные возможности военного флота налагается штраф;
- в оценке не учитываются особенности политического и военного руководства страны.

Итогом подсчета становится десятичная дробь с четырьмя знаками после запятой. В идеале индекс государства должен равняться 0,0000, однако достижение столь высоких показателей в реальности невозможно. К примеру, лидер последнего рейтинга, США, имеет оценку 0,2208, а первую десятку замыкает Япония с PwrIndex 0,5586. Начиная с 25 места (Саудовская Аравия), оценки государств превышают единицу. Более того, Танзания, находящаяся на последнем 106-м месте рейтинга, имеет оценку 4,3423.

Конечно, рейтинг GFP имеет определенные проблемы, но все же позволяет составить относительно объективную картину, учитывающую множество разнообразных факторов. Обратимся к базе данных Global Firepower Index и рассмотрим, что позволило странам занять первые 5 мест в рейтинге.

1. США

Авторы рейтинга отмечают, что в последние годы Соединенные Штаты оказались в сложном положении. Две дорогостоящие войны и сложности с новыми проектами, а также сокращения военного бюджета привели к тому, что Пентагон сталкивается с многочисленными трудностями. Тем не менее, даже в таких условиях вооруженные силы США сохранили за собой первое место в рейтинге GFP, получив оценку 0,2208.

Общая численность населения США — 316,668 млн. человек. Общее число людских ресурсов, пригодных к службе — 142,2 млн. человек. 120 млн. человек в возрасте 17–45 лет при необходимости могут

быть призваны в армию. Каждый год количество потенциальных призывников пополняется 4,2 млн. человек. В настоящее время в вооруженных силах США служит 1,43 млн. человек, а резерв составляет 850 тыс. человек.

Сухопутные подразделения вооруженных сил располагают большим количеством техники различных классов и типов. В общей сложности в США используются 8325 танков, 25782 бронетранспортеров, БМП и т.п., 1934 самоходных артиллерийских установки, 1791 буксируемое орудие и 1330 реактивные системы залпового огня.

Общее количество летательных аппаратов в ВВС, авиации ВМС и КМП — 13683. Это 2271 истребитель, 2601 ударный самолет, 5222 военно-транспортных самолета, 2745 учебно-тренировочных самолетов, а также 6012 многоцелевых и 914 ударных вертолетов.

В ВМС и других структурах США в настоящее время эксплуатируется более 470 кораблей, подводок, катеров и вспомогательных судов. 10 авианосцев, 15 фрегатов, 62 эсминца, 72 подводные лодки, 13 кораблей береговой охраны и 13 тральщиков.

Несмотря на появление новейших вооружений и техники, вооруженные силы США по-прежнему нуждаются в нефти и нефтепродуктах. Нефтяная отрасль Соединенных Штатов в настоящее время добывает 8,5 млн. баррелей в день. Суточное потребление составляет 19 млн. Доказанные запасы США равны 20,6 млрд. баррелей.

В рейтинге GFP также учитываются производственные и логистические возможности стран. Общая численность рабочей силы США — 155 млн. человек. В стране имеется 393 торговых судна (ходят под американским флагом), которые могут использовать 24 крупных порта. Общая длина автомобильных дорог — 6,58 млн. миль, железных — 227,8 тыс. миль. Эксплуатируются 13,5 тыс. аэропортов и аэродромов.

Важным элементом рейтинга является финансовая составляющая вооруженных сил. Военный бюджет США — 612,5 млрд. долл. При этом внешний долг страны равен 15,9 трлн. долл. Золотовалютные резервы страны — 150,2 млрд. долл., паритет покупательной способности — 15,9 трлн.

Для прогнозирования возможностей страны в условиях оборонительной войны в рейтинге Global Firepower Index учитываются геогра-

фические особенности стран. Общая площадь США — 9,8 млн. кв. км. Береговая линия — 19,9 тыс. км, границы с соседними государствами — 12 тыс. км. Водные пути — 41 тыс. км.

2. Россия

Второе место в рейтинге GFP заняла Россия с оценкой 0,2355. Авторы рейтинга полагают, что показанный в 2013 году рост военного потенциала должен стать хорошим заделом на будущее.

Общая численность населения России — 145,5 млн. человек, 69,1 млн. которых могут нести службу. Каждый год призывного возраста достигает 1,35 млн. человек. В настоящее время воинскую службу проходят 766 тыс. человек, а резерв вооруженных сил составляет 2,48 млн.

Россия располагает одним из крупнейших парков бронетанковой техники. В ее вооруженных силах имеется 15,5 тыс. танков, 27607 бронетранспортеров, БМП и подобных машин, 5990 САУ, 4625 буксируемых орудий и 3871 РСЗО.

Общая численность летательных аппаратов в вооруженных силах — 3082 единицы. Из них 736 истребителей, 1289 ударных самолетов, 730 военно-транспортных, 303 учебно-тренировочных самолетов, а также 973 многоцелевых и 114 ударных вертолета.

В ВМФ и пограничной службе используется более 350 кораблей, катеров и вспомогательных судов. Это один авианосец, четыре фрегата, 13 эсминцев, 74 корвета, 63 подводные лодки и 65 кораблей береговой охраны. Минно-тральные силы представлены 34 кораблями.

По данным авторов рейтинга GFP, Россия ежедневно добывает 11 млн. баррелей нефти. Собственное потребление не превышает 2,2 млн. баррелей в день. Подтвержденные запасы — 80 млрд. баррелей.

«Рабочие руки» России оценены в 75,68 млн. человек. Имеется 1143 морских и речных торговых судов. Основная логистическая нагрузка приходится на семь крупных портов и терминалов. В стране имеется 982 тыс. км автомобильных дорог и 87,1 тыс. км железных дорог. Воздушный транспорт может использовать 1218 аэродромов.

Российский военный бюджет составляет 76,6 млрд. долл. Внешний долг страны — 631,8 млрд. долл. Золотовалютные резервы оцениваются в 537,6 млрд. долл. Паритет покупательной способности — 2,486 трлн. долл.

Россия является крупнейшим в мире государством и имеет площадь более 17 млн. кв. км. Береговая линия страны имеет длину 37653 км, сухопутные границы — 20241 км. Общая длина водных путей достигает 102 тыс. км.

3. Китай

Тройку лидеров рейтинга Global Firepower Index замыкает Китай, получивший оценку 0,2594. Эта страна увеличивает расходы на оборону, что позволяет ей увеличивать свое присутствие в Азиатско-Тихоокеанском регионе, а также продвигаться вверх в рейтинге GFP.

КНР является крупнейшим в мире государством по численности населения: на территории этой страны проживают 1,35 млрд. человек. При необходимости в ряды вооруженных сил могут быть призваны 749,6 млн. человек. Ежегодно призывного возраста достигают 19,5 млн. человек. На данный момент в Народно-освободительной армии Китая (НОАК) служат 2,28 млн. человек, а 2,3 млн. являются резервистами.

В НОАК имеется 9150 танков разных классов и типов, 4788 единиц бронетехники для пехоты, 1710 самоходных и 6246 буксируемых орудий. Кроме того, сухопутные войска располагают 1770 реактивными системами залпового огня.

Общее количество летательных аппаратов в ВВС и морской авиации равняется 2788. Из них 1170 — истребители, 885 — ударные самолеты. Транспортные задачи выполняют 762 самолета, для подготовки пилотов используются 380 самолетов. Кроме того, в НОАК имеются 865 многоцелевых вертолетов и 122 ударных.

Флот Китая располагает 520 кораблями, катерами и судами. В это число входит один авианосец, 45 фрегатов, 24 эсминца, 9 корветов, 69 субмарин, 353 корабля и катера береговой охраны, а также 119 кораблей минно-тральных сил.

Ежедневно КНР добывает 4,075 млн. баррелей нефти, что составляет менее половины от собственного потребления (9,5 млн. баррелей в день). Доказанные запасы нефти — 25,58 млрд. баррелей.

Рабочие силы Китая оцениваются в 798,5 млн. человек. Страна эксплуатирует 2030 торговых судов. 15 портов и терминалов имеют стратегическое значение. Общая протяженность автодорог превышает 3,86 млн. километров, а также имеются 86 тыс. км железных дорог. Авиация может использовать 507 аэродромов.

По данным GFR, оборонный бюджет Китая в прошлом году достиг 126 млрд. долл. Внешний долг страны, при этом приблизился к 729 млрд. долл. Золотовалютные резервы страны достигают 3,34 трлн. долл. Паритет покупательной способности — 12,26 трлн. долл.

Площадь Китая — чуть менее 9,6 млн. кв. километров. Береговая линия имеет длину 14,5 тыс. км, сухопутная граница — 22117 км. Имеются водные пути общей протяженностью 110 тыс. км.

4. Индия

Индия получила оценку 0,3872 и занимает четвертое место рейтинга GFR. Это государство уже стало крупнейшим импортером вооружений и военной техники, и, по-видимому, в дальнейшем продолжит военно-техническое сотрудничество с зарубежными партнерами.

Являясь вторым в мире государством по численности населения (1,22 млрд. человек), Индия при необходимости может призвать в армию до 615,2 млн. человек. Ежегодно доступные людские ресурсы пополняются 22,9 млн. человек, достигающими призывного возраста. На данный момент в индийских вооруженных силах служит 1,325 млн. человек, еще 2,143 млн. находятся в резерве.

В сухопутных войсках Индии имеется 3569 танков, 5085 БТР и БМП, 290 САУ и 6445 буксируемых артиллерийских орудий. Реактивная артиллерия представлена 292 системами залпового огня.

Воздушный флот Индии располагает 1785 летательными аппаратами всех классов и типов. Самолетный парк имеет следующую структуру: 535 истребителей, 468 ударных машин, 706 военно-транспортных и 237 учебно-тренировочных. Транспортные и вспомогательные

задачи выполняют 504 многоцелевых вертолета. Уничтожение техники и сил противника возлагается на 20 ударных вертолетов.

Военно-морские силы Индии сравнительно немногочисленны, они имеют только 184 корабля. В это число входят 2 авианосца, 15 фрегатов, 11 эсминцев, 24 корвета, 17 подводных лодок, 32 кораблей и катеров береговой охраны, а также 7 тральщиков.

На территории Индии имеются сравнительно небольшие нефтяные месторождения, однако страна остается зависимой от зарубежных поставок. Доказанные запасы — 5,476 млрд. баррелей. Ежедневно индийская промышленность добывает 897,5 тыс. баррелей нефти, а суточное потребление достигает 3,2 млн. баррелей.

Индийские рабочие силы оцениваются в 482,3 млн. человек. Под индийским флагом ходит 340 торговых судов. В стране имеются 7 крупных портов. Общая продолжительность автодорог превышает 3,32 млн. км. Для железных дорог этот параметр не превышает 64 тыс. км. Эксплуатируются 346 аэродромов.

В этом году на оборонные нужды Индия выделила 46 миллиардов долларов. Внешний долг государства приближается к 379 млрд. Золотовалютные резервы страны оцениваются в 297,8 млрд. долл., а паритет покупательной способности — в 4,71 трлн. долл.

Площадь территории Индии составляет 3,287 млн. кв. км. Страна имеет сухопутные границы общей протяженностью 14103 км и береговую линию длиной 7 тыс. км. Протяженность водных путей страны — 14,5 тыс. км.

5. Великобритания

Первую пятерку в рейтинге GFP, замыкает Великобритания, получившая оценку 0,3923. Эта страна намерена в ближайшем будущем уделить особое внимание своим вооруженным силам и в связи с этим занимается реализацией нескольких новых проектов.

Из 63,4 миллионов граждан Великобритании в армию могут попасть только 29,1 млн. человек. Количество потенциальных военнослужащих ежегодно пополняется 749 тысячами человек. В настоящее время службу в вооруженных силах проходят 205,3 тыс. человек. Резерв — 182 тысячи.

На вооружении сухопутных войск Великобритании имеются 407 танков, 6245 бронемашин для перевозки пехоты, 89 самоходных артиллерийских установок, 138 буксируемых орудий и 56 РСЗО.

В Королевских ВВС имеется 908 летательных аппаратов. В основном это самолеты: 84 истребителя, 178 ударных, 338 военно-транспортных и 312 учебно-тренировочных самолета. Кроме того, в войсках имеется 362 многоцелевых и 66 ударных вертолетов.

Некогда Великобритания располагала одним из самых мощных военных флотов в мире, но за последние десятилетия она потеряла свое морское могущество. На данный момент в британской Военно-морской службе имеется лишь 66 кораблей и судов. Это 1 авианосец, 13 фрегатов, 6 эсминцев, 11 подлодок, 24 судна береговой охраны и 15 тральщиков.

При помощи платформ в Северном море Великобритания ежедневно добывает 1,1 млн. баррелей нефти. Тем не менее, добыча не перекрывает собственное потребление страны, которое достигает 1,7 млн. баррелей в день. Доказанные запасы страны находятся на уровне 3,12 млрд. баррелей.

В промышленности и экономики Великобритании занято около 32 млн. человек. Торговый флот страны использует 504 судна и 14 крупных портов. На территории государства имеются 394,4 тыс. км автомобильных и 16,45 тыс. км железных дорог. В эксплуатации находятся 460 аэродромов и аэропортов.

Размер военного бюджета Великобритании достигает 56,6 млрд. долл., внешний долг — 10,09 трлн. долл. Золотовалютные резервы оцениваются в 105,1 млрд. долл. Паритет покупательной способности — 2,313 трлн. долл.

Площадь островного государства составляет 243,6 тыс. кв. км. Протяженность береговой линии — 12429 км. На суше Великобритания граничит только с Ирландией. Длина этой границы не превышает 390 км. Общая длина водных путей — 3200 км.

Государства, занимающие первые строчки в рейтинге Global Firepower Index, имеют несколько общих черт³⁹⁷. Эти страны уделяют большое внимание своим вооруженным силам, в том числе с финансовой точки зрения. Выводы авторов рейтинга GFP подтверждаются

иными источниками. К примеру, по данным Стокгольмского института исследования проблем мира (SIPRI), за последние несколько лет Индия (4 место в рейтинге GFP), увеличивающая затраты на покупку вооружений и военной техники, буквально взлетела вверх по списку стран-импортеров и заняла заслуженное первое место. «Серебряный призер» рейтинга GFP, Россия, в настоящее время воплощает в жизнь Государственную программу вооружений, в соответствии с которой до 2020 года на покупку вооружений и техники будет затрачено чуть менее 20 трлн. руб.

Закупку техники и оружия можно считать одним из главных факторов, которые позволяют странам держаться в верхней части рассматриваемого рейтинга. Тем не менее, одни только инвестиции в новое оснащение не могут поднять страну в верхнюю часть списка. Помимо закупок требуется грамотное управление, правильная работа различных структур вооруженных сил и т.д. При подсчете индекса PwrIndex учитываются полсотни факторов, каждый из которых может сказаться на месте конкретной страны в списке. Тем не менее, существует некоторая зависимость между количеством и качеством техники и положением страны в рейтинге. Чтобы ее увидеть, нужно снова обратиться к таблице, составленной журналистами издания Business Insider.

Авторы публикации The 35 Most Powerful Militaries In The World не только представили информацию в удобном виде, но и отметили лидеров в тех или иных «областях». Так, мировым лидером по размерам военного бюджета безоговорочно являются США с оборонными тратами в размере 612,5 млрд. долл. Этой же стране принадлежит первенство в области авиации (13683 летательных аппаратов) и авианосного флота (10 авианосцев). Как результат, США оказываются на первом месте рейтинга.

Россия заняла второе место и тоже лидирует по некоторым показателям. На вооружении российской армии имеется 15 тыс. танков — больше чем у кого-либо еще. Кроме того, журналисты Business Insider взяли на себя такую смелость и дополнили данные рейтинга GFP сведениями о ядерных арсеналах стран. По их подсчетам, Россия располагает 8484 ядерными боеприпасами различных классов и типов.

Тройку лидеров замыкает КНР, лидирующий в области людских ресурсов. Теоретически в китайскую армию могут быть призваны 749,6 млн. человек. Кроме того, необходимо отметить растущий военный бюджет КНР, который, по данным Business Insider, уступает только американскому и уже достиг 126 млрд. долл.

Интересен тот факт, что в таблице из статьи «35 самых сильных армий мира» лидерство по одному из пунктов осталось за небольшой и не слишком мощной в военном отношении страной. КНДР занимает 35-ю строчку в рейтинге GFP и его доработанной версии от Business Insider. Несмотря на столь низкую позицию, северокорейские ВМС являются мировым лидером в области подводного флота: согласно имеющимся данным, они имеют 78 подводных лодок различных типов. Тем не менее, мировое лидерство в такой области не помогло Северной Корее подняться выше 35 места.

Рейтинг Global Firepower Index, несмотря на то, что он был опубликован уже несколько месяцев назад, до сих пор представляет определенный интерес. Ввиду сложности методики определения оценки, учитывающей большое количество разнообразных факторов, этот рейтинг можно считать в достаточной мере объективным и показывающим примерную картину реального положения дел в военной области.

Кроме того, нельзя не отметить, что он может порадовать российского читателя, поскольку наша страна в нем заняла одно из первых мест и обошла почти все прочие страны из учитываемых в рейтинге. Публикация в издании Business Insider, в свою очередь, напоминает о рейтинге GFP и позволяет снова почувствовать гордость за российские вооруженные силы.

К сожалению, Россия в настоящее время фактически остаётся «за скобками» процесса формирования отдельных полюсов, сохраняя лишь оставшиеся признаки лидера ЛЧЦ и центра силы:

- географическое положение и территорию;
- природные ресурсы;
- ядерное оружие и ряд ВВСТ;
- членство в СБ ООН и других международных организациях;
- историческое, культурное и духовное наследие

Существует опасность, что Россия отстанет «навсегда» после 2024 года не только в экономическом, но и в технологическом, и в политическом отношении. Чем больше отсталость в научно-технологической и экономической области, тем медленнее развитие и нарастающее отставание от процессов ускорения (прирост ВВП в КНР за год уже больше всего ВВП России). В военно-политической области это выражено в нарастающем качественном отставании, в политической области — в нарастающей изоляции, которую может проиллюстрировать сегодня соотношение сил в международных отношениях, например, по результатам голосований Генассамблеи по поводу вывода войск РФ из Приднестровья 21 июня 2018 года:

- 15 **против**;
- 64 **за** (члены западной коалиции);
- более 80 **воздержались**.

Но Россия может к 2050 году остаться в числе 10-ти стран-лидеров, но ее слабая экономика (прирост ВВП 2%) делает её зависимой от стран-лидеров ЛЧЦ.

5.3). Возможные последствия для России перехода от однополярности к многополярности.

Существует ряд возражений против жесткой дихотомии между политикой и наукой³⁹⁸

*Авторы толкового англо-русского
политического словаря*

Развитие ЛЧЦ и новых центров силы будет иметь для ВПО в мире как позитивные, так и негативные последствия. Этот очевидный и даже банальный факт, однако, отнюдь не позволяет нам сделать предположения о характере и масштабе этих последствий³⁹⁹. (Рис.44)

Это — просто факт, который важно признать потому, что «многополярность» рассматривается пока что исключительно как

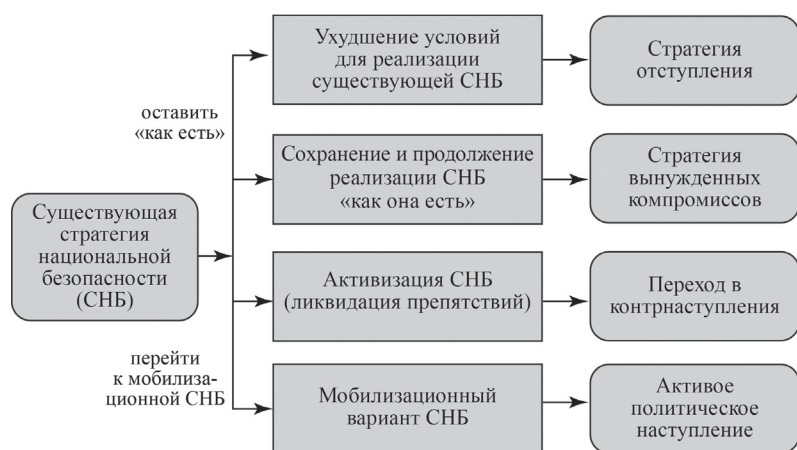
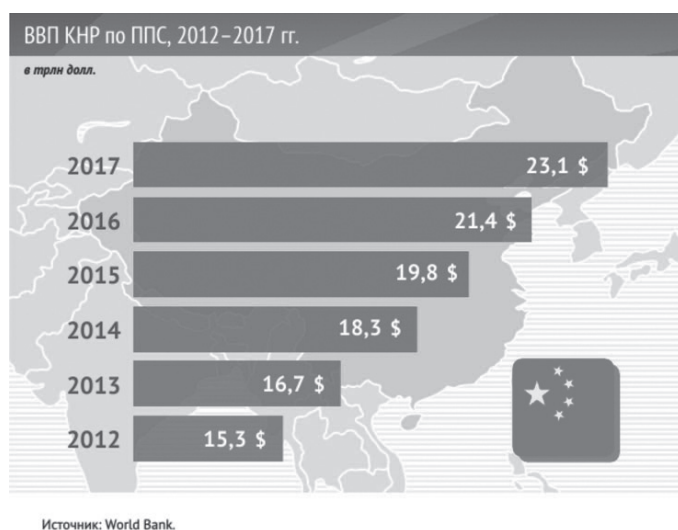

Рис. 44. Возможные последствия как результат выбора стратегии безопасности

положительное явление современности и будущего. Просто потому, что это понятие антоним «однополярности», существующей сегодня в мире. Но уход от одного опасного состояния ВПО к другому может быть не уход в безопасность, а в еще большую опасность. Об этом пока что говорят очень мало. Между тем уже сегодня могут настораживать определенные возможные последствия будущей многополярности⁴⁰⁰.

Рис. 45. Пример темпов роста ВВП Китая всего за 5 лет.⁴⁰¹

Сохранение темпов роста ВВП КНР, США и Индии после 2025 года будет равнозначно всему объему экономики России. Но, главное, мы не можем прогнозировать военно-политических последствий этого развития.

Расходы на оборону КНР в эти годы росли БЫСТРЕЕ прироста всего ВВП.

Как следствие расходы на оборону стран лидеров будут расти опережающими темпами:

Таблица 9

2018 г.	2025 г.
Россия : США (1 : 10)	Россия : США (1 : 20)
Россия : КНР (1 : 4)	Россия : КНР (1 : 15)
Россия : КНР (1 : 1)	Россия : КНР (1 : 5)

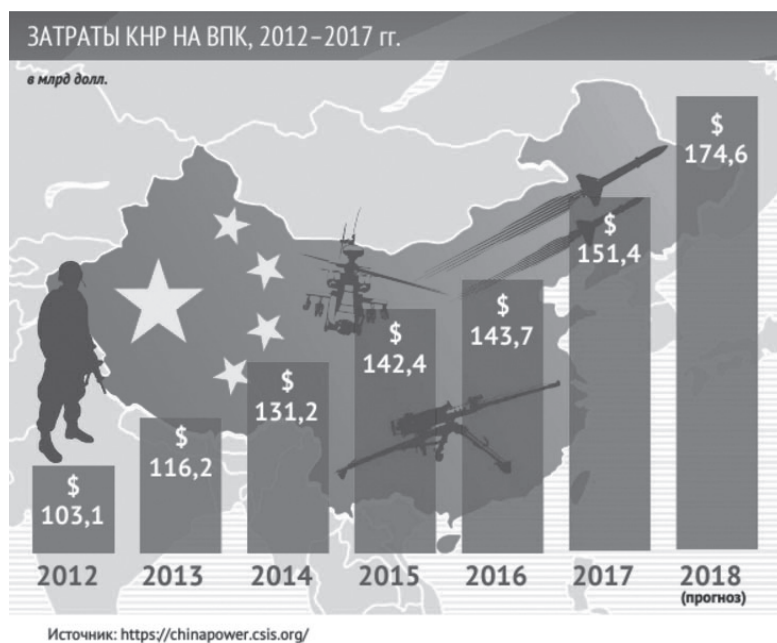

Рис. 46⁴⁰²

Россия: Западная коалиция

Таблица 10.

2018 г.	2025 г.
1 : 30	1 : 50

Особенно быстрыми темпами растут новые, наукоёмкие отрасли экономики, что хорошо видно на примере подотраслей интернета вещей, измеряемых до 2025 года в триллионах долларов.

Ситуация с разницей в уровнях развития в наукоемких областях России и других ЛЧЦ намного хуже, чем в целом в экономике.

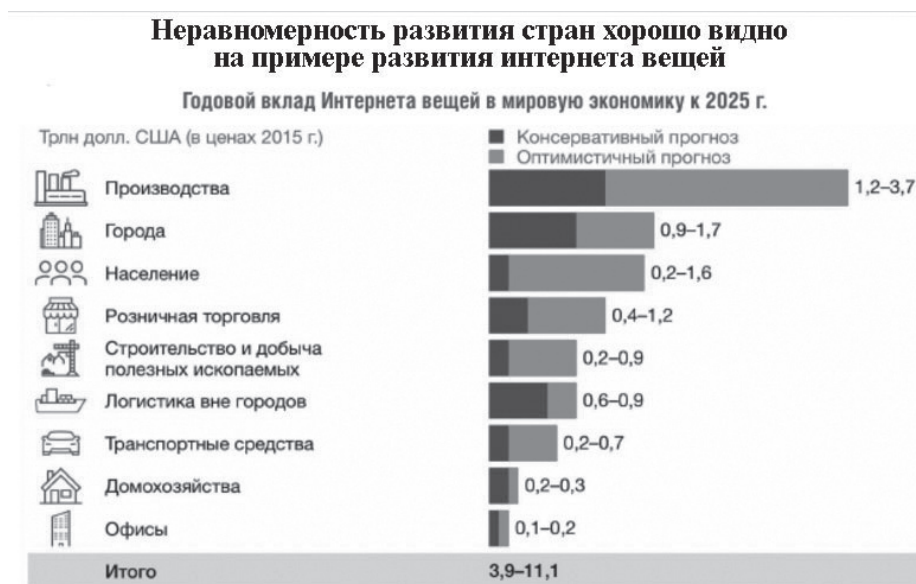
Рис. 47⁴⁰³

Таблица 11.

2018 г.	2025 г.
1 : 100	1 : 300
(Россия и западная коалиция)	(Россия и западная коалиция)

Неравномерность в развитии основных субъектов ВПО видна хорошо на временном отрезке с 1990 года, но особенно после 2008 года. — Т. е. за последние десять лет. Как видно из графика, с 1990 года нарастание отставания России от США, КНР и Индии происходило нарастающими темпами.

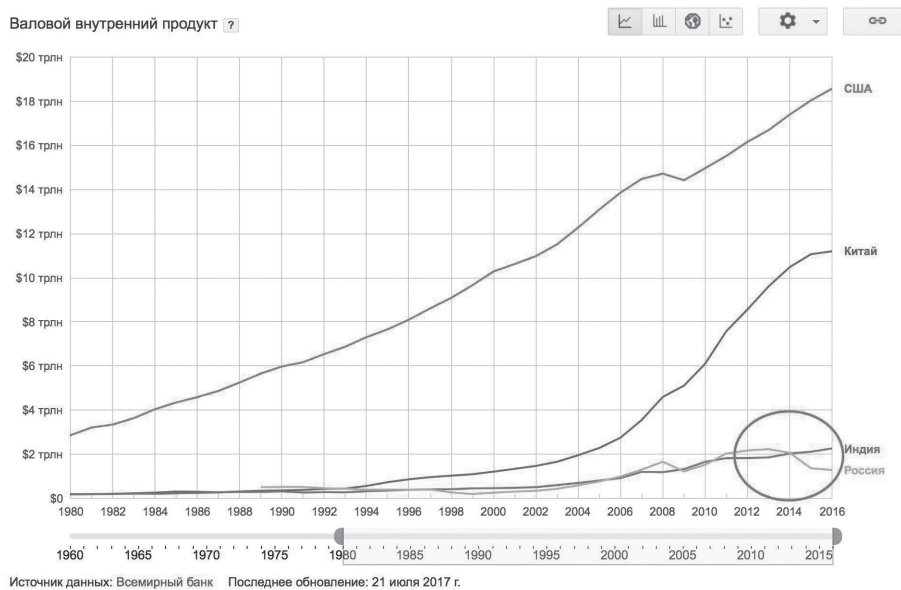

Рис. 48

Учитывая, что динамика роста ВВП и демографических факторов после 2016 года остается для России такой же негативной, **растущее отставание России превращается в геополитическую угрозу национальной безопасности**. Об этом ясно сказал в своём послании ФС РФ В.В. Путин 1 марта 2018 года. Именно с 1990 года отставание России становится не только относительным, но и абсолютным, что хорошо видно в сравнении с двумя «провалами» — гражданской и Великой отечественной войной.

Революция и Гражданская война остановили развитие России на 15–20 лет. А компенсация этого отставания произошла в годы Великой депрессии, когда Россия оказалась рынком сбыта для терпящих кризис перепроизводства европейских стран и США.

Рис. 49

Сверхзадача — не допустить таких провалов в период до 2025 года!

Если относительно последствий — негативных и позитивных — развития западной ЛЧЦ мы можем строить какие-то предположения и даже долгосрочные прогнозы, то в отношении будущей политики других ЛЧЦ, о которых мы знаем чрезвычайно мало, мы не имеем сколько-нибудь точных научных знаний и вынуждены полагаться на субъективные представления и рассуждения, относящиеся не столько к научной, сколько религиозной, культурно-исторической, психологической и другим областям, в которых выражены особенности развития тех или иных представителей ЛЧЦ⁴⁰⁴.

Между тем очень быстрое экономическое развитие некоторых ЛЧЦ уже привело к не менее быстрому социально-политическому,

научно-техническому и военному развитию этих новых влиятельных субъектов ВПО, что неизбежно приведёт к росту их внешнеполитических амбиций и военных возможностей. Об этом уже наглядно свидетельствует не только результат развития Китая и Индии, но и Пакистана, Индонезии, Мексики и целого ряда других стран⁴⁰⁵. Они достаточно быстро превращаются во влиятельные субъекты региональной и даже мировой политики, а прогнозы их экономического роста можно (с определенной степенью условности) экстраполировать на государственную мощь и внешнеполитические амбиции к середине века.

В частности, уже видно, что «первая десятка» экономических стран-лидеров к 2050 году будет выглядеть по-иному. Причём в первой пятёрке останется только одно западное государство — США. — Т. е. традиционные страны, формирующие сегодня «лицо мира» — ОЭСР, — станут державами второго эшелона. Этот сдвиг в расстановке сил можно сопоставить со сдвигом в начале XX столетия, когда традиционные лидеры мира — Великобритания, Франция и Германия — вдруг превратились в державы второго эшелона, сохранившие лишь некоторые атрибуты бывших стран-гегемонов.

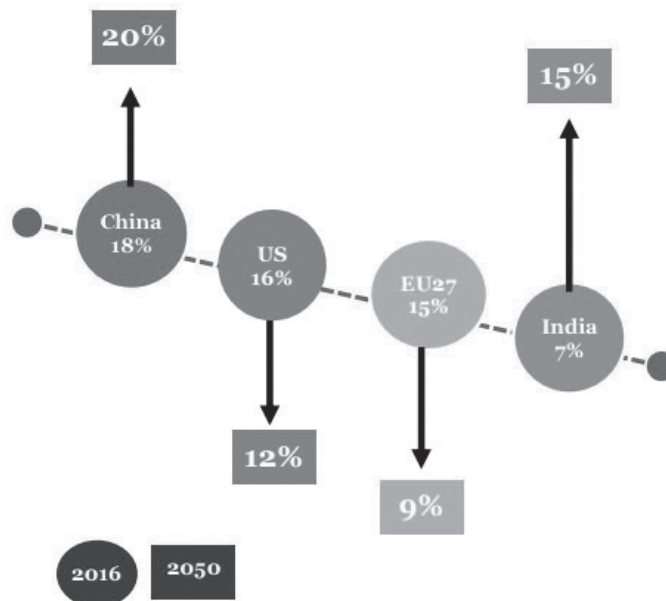
Более того, оказывается, что и во втором эшелоне их могут потеснить державы, о которых в прежние годы не было принято говорить, как о факторах решающего влияния на формирование повестки дня МО и ВПО: Вьетнам, (возможно) объединенная Корея, Филиппины, Нигерия, Египет, Турция и целый ряд других государств могут вплотную приблизиться к странам-лидерам, образовав мощный «второй эшелон».

Сказанное означает, что, по сути дела образуется не 5–6 новых центров силы и ЛЧЦ, и их коалиций, а 10–12, может быть даже больше. Так, объединенная исламская коалиция (даже в случае её разделения на две части — сунитскую и шиитскую — во главе с разными лидерами) сможет вполне составить конкуренцию не только России, но и США, и Китаю, и Индии, и другим военно-политическим коалициям. Для России это может означать появление новых, помимо традиционных, «партнёров-соперников». Например, среди исламской коалиции, либо китайской, либо созданной на европейских и советских обломках коалиции во главе, например, с Польшей.

Сегодня, очевидно, что Китай и Индия будут мощными экономическими центрами силы к середине века. Это понимают практически все, но если в США, осознавая эти перемены, полагаются на сохранение военно-технологического превосходства, как минимум, на обозримую перспективу, то в других странах, которые могут стать союзниками КНР и Индии, пока что эти тенденции просматриваются слабо. Между тем можно попытаться представить себе мощную коалицию во главе с Индией в бассейне всего Индийского океана, либо не менее мощную китайскую коалицию, охватывающую весь Юго-восток и даже территорию Филиппин, Индонезии, Австралии и Новой Зеландии.

The US and Europe will steadily lose ground to China and India

Share of world GDP (PPPs) from 2016 to 2050...

Sources: IMF for 2016 estimates, PwC analysis for projections to 2050

Рис. 50⁴⁰⁶

Особая роль при этом будет принадлежать новым экономическим гигантам, которые смогут в середине века, навязать свою повестку дня в мире, отодвинув в сторону не только Россию и Европу, но и США. На мой взгляд, быстрое развитие «новой семёрки» может привести к тому, что именно эта группа стран начнёт доминировать не только в экономике, но и в военно-политической области.

Эти новые страны хотят отстаивать свои интересы, в том числе, участвуя в формировании международной повестки дня, задавая свою тональность, особенно в том, что касается регионов, где формируются соответствующие центры силы — Китай, Индия, Бразилия, в известной степени Южная Африка⁴⁰⁷. Хотя на Африканском континенте есть страны и покрупнее, но устойчивость развития характерна пока только для ЮАР.

Повторю еще раз, это тенденция, в ходе которой новые формирующиеся центры силы берут на себя ответственность за обеспечение безопасности и стабильности в своих регионах и в целом на международной арене. Этот процесс невозможно остановить, потому что, по большому счету, многополярность — это отражение реально существующего культурно-цивилизационного многообразия современного мира и, конечно же, желаний народов самим определять свою судьбу и стремиться к установлению справедливости примерно так, как ее видели те, кто писал Устав ООН, где все основополагающие принципы, сохраняющие свою актуальность и сегодня, закреплены, являясь универсальными для всех государств.

Так, нас интересуют, прежде всего, военно-политические последствия будущей многополярности, в частности:

- когда военные потенциалы Китая и Индии в 2025 году станут сопоставимыми с потенциалами России и США;
- когда потенциал исламской ЛЧЦ (или её частей) станет доминировать на Ближнем, среднем Востоке и в Центральной Азии;
- когда потенциал Бразилии сможет доминировать в Латинской Америке в качестве региональной сверхдержавы.

Эти ЛЧЦ и государства отнюдь не гарантируют Россию от⁴⁰⁸:

- опасного развития национализма и шовинизма — китайского, индийского, исламского, бразильского и т. д., — что уже не раз

- проявлялось в истории, а тем более от канализации этих амбиций во внешней политике в антироссийском направлении;
- превращение этих центров силы в «политический» ислам, буддизм и др. идеологии и агрессивные мировоззрения, которые, также, как и сегодня, либеральный протестантизм, будут претендовать на универсальность;
 - столкновения, в т. ч. вооруженного, с российской ЛЧЦ или Россией, или нападок на этнических или неэтнических русских, как это было во время периода «дружбы» между КНР и СССР в 60-е годы, или русских погромов в Средней Азии, на Северном Кавказе и Казахстане;
 - использования части населения и территории России против основной территории и нации, как это было на Украине, где за короткий период времени превратили часть граждан в русофобов. То, что это пока не является в Евразии доминирующей тенденцией, отнюдь не означает, что это будет в будущем⁴⁰⁹.

Причем эти оценки могут иметь огромное значение не только для внешней, но и внутренней политики России. Так, рост влияния исламской ЛЧЦ неизбежно ведет к усилению политического ислама не только во всем мире, но и, в частности, в России. Свидетельством этому стали события в Мьянме и реакция на них мусульман России. Трагедия мусульман-рохинджа в мьянманском штате Ракхайн, сотни которых были убиты в столкновениях с правительственными войсками, а более 120 тыс. вынуждены покинуть страну и стать беженцами в Бангладеш, оказалась неожиданно близка российским верующим. 3 сентября в Москве на Большой Никитской улице прошел несанкционированный митинг — мусульмане протестовали против геноцида народа рохинджа, который, по их мнению, в Мьянме организованно проводят правительственные войска. Акция напротив посольства Мьянмы собрала несколько сотен: один из ее участников, выложивший видеозапись митинга в Facebook, оценил количество собравшихся в 1–1,5 тыс. протестующих. На следующий день, 4 сентября, в столице Чеченской Республики Грозном прошел еще один митинг, на этот раз согласованный и куда более масштабный. Участие в нем принял глава Чечни Рамзан Кадыров⁴¹⁰.

Этот внутренний конфликт не может остаться незамеченным. Политолог Малащенко, например, считает, что в текущей ситуации налицо раскол российских элит, где уже есть определенное пространство для острых высказываний, на которых можно заработать политические очки. Кадыров в полной мере воспользовался им, однако последствия такого шага просчитать сложно. «В Мьянме была провокация со стороны исламских сепаратистов. Представьте себе, что завтра ИГ заявит, что поддерживает их! В какой компании тогда окажется Рамзан Кадыров? Сама ситуация потрясающая. Россия выступает за мир вместе с Китаем, но хочет выстраивать особые отношения с миром исламским, делая это в том числе и при помощи Кадырова, — а вот тут такое! России приходится даже не выбирать между ними, а сочетать одно с другим. Отсутствие нормального политического курса и взаимодействия в среде элиты порождает кавардак во внутренней и внешней политике, который Кадыров блестяще использовал»⁴¹¹.

Напомню, что таких поводов может быть много. В мире зреют сотни религиозных конфликтов уже не одно десятилетие. Так, конфликт населяющих штат Ракхайн рохинджа с правительством, продолжается уже не первое десятилетие. Фактически он начался еще в 1930-е годы, тлел во время японской оккупации британских колоний (в 1942 году между рохинджа и араканцами-буддистами произошла так называемая ракхайнская бойня), а с момента провозглашения независимости страны в 1948 году присутствовал фоном во время гражданской войны, продолжавшейся в разных регионах до 2012 года. С точки зрения государства рохинджа — это потомки переселившихся в страну до 1948 года бенгальцев, которые не являются полноценными гражданами страны: так, они не могут получать высшее образование и ограничены в передвижении.

Для России, где после развала СССР выходцев-мусульман из Средней Азии и республик Кавказа стало на несколько миллионов больше, а вместе с российскими мусульманами они смогут составить к 2025 году группу численностью не менее 30 миллионов человек, их политическая позиция будет иметь чрезвычайное значение. Во вся-

ком случае, уже станет ясно, что кандидаты от политического ислама смогут претендовать на лидирующие посты в российской политической системе.

²⁹⁸ Подберёзкин А.И. «Переходный период»: эволюция политики военно-силового противоборства западной военно-политической коалиции (2010–2024 гг.) // Обозреватель, 2019. — № 5 — С. 5.

²⁹⁹ Carr. E.H. The Twenty Years' Crisis, 1919–1939 — L.: Macmillan, 2001. — P. XIII.

³⁰⁰ Фридман Дж. «Следующие 100 лет: Прогноз событий XXI века». — М.: Эксмо, 2010. — 336 с.

³⁰¹ **Локальная человеческая цивилизация (ЛЧЦ)** — зд.: объединение нескольких наций, государств и сообществ на основе некоторых интересов, идей, ценностей, принципов и норм в некую достаточно устойчивую общественно-политическую общность, контролирующую определенную территорию и деятельность под эгидой одного государства.

³⁰² См., например: Долгосрочное прогнозирование развития отношений между локальными цивилизациями в Евразии: монография / А.И.Подберёзкин и др. — М.: Издательский дом «Международные отношения», 2017. — 357 с.

³⁰³ Подберёзкин А.И. «Переходный период»: эволюция политики военно-силового противоборства западной военно-политической коалиции (2010–2024 гг.) / Обозреватель, 2019. — № 5. — С. 5–25.

³⁰⁴ **Основа локальной человеческой цивилизации (ЛЧЦ)** — зд.: объединение государств и акторов вокруг одного государства-лидера.

³⁰⁵ **Военно-политическая коалиция** — зд.: одна из наиболее «мягких» форм военно-политического сотрудничества (в отличие от блоков и союзов) государств и других акторов ВПО, предполагающая самый широкий спектр сил и средств силового (не всегда военного) взаимодействия в общих интересах. Часто формируется на основе ЛЧЦ.

³⁰⁶ Цит. по: Почему в Риме были запрещены штаны / Яндекс-дзен. 8.08.2019 / <http://zen.yandex>.

³⁰⁷ Summary of the 2018 National Defense Strategy of The United States of America. — Wash., 2018, March, 18. — P. 8.

- ³⁰⁸ Haass R. How a World Order Ends // *Foreign Affairs*, 2019. Winter.
- ³⁰⁹ President Donald Trump, Executive Order 13806 / <https://www.whitehouse.gov/presidential-actions/presidential-executive-order-assessing-strengthening-manufacturing-defense-industrial-base-supply-chain-resilience-united-states/>
- ³¹⁰ Дегтерёв Д.А. Основные тенденции многополярного мира: прикладной анализ. — М.: ВАГШ ВС РФ, 2019. 16 мая.
- ³¹¹ Тойнби А. Подъём и падение цивилизаций / Тойнби А., Хантингтон С. Вызовы и ответы. Как гибнут цивилизации. — М.: ООО «ИД Алгоритм», 2016. — С.8.
- ³¹² Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. — М.: АСТ, 2018. — С. 115.
- ³¹³ Дегтерёв Д.А. Основные тенденции многополярного мира: прикладной анализ. — М.: ВАГШ ВС РФ, 2019. 16 мая.
- ³¹⁴ Дегтерёв Д.А. Основные тенденции многополярного мира: прикладной анализ. — М.: ВАГШ ВС РФ, 2019. 16 мая.
- ³¹⁵ Подберёзкин А.И. Состояние и долгосрочные военно-политические перспективы развития России в XXI веке / Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) М-ва иностр. дел Рос. Федерации, Центр военно-политических исследований. — М.: Издательский дом «Международные отношения», 2018. — 1596 с.
- ³¹⁶ См. подробнее: Киселёв В.Д., Рязанцев О.Н. и др. Информационные технологии в оборонно-промышленных комплексах России и стран НАТО. — М.: Знание, 2017. — С. 19.
- ³¹⁷ Долгосрочное прогнозирование развития отношений между локальными цивилизациями в Евразии: монография / А.И.Подберёзкин и др. — М.: Издательский дом «Международные отношения», 2017. — 357 с.
- ³¹⁸ Макрон объявил о конце эпохи доминирования Запада // Известия. 27.08.2019
- ³¹⁹ Цит. по: Лукин В.В. Трудности нашей безопасности // Россия в глобальной политике, 2017. — № 4. — С. 101.
- ³²⁰ Подберёзкин А.И. Состояние и долгосрочные военно-политические перспективы развития России в XXI веке /; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) М-ва иностр. дел Рос. Федерации, Центр военно-политических исследований. — М.: Издательский дом «Международные отношения», 2018. — 1596 с. — С. 25–59.

³²¹ Мир в XXI веке: прогноз развития международной обстановки по странам и регионам: монография / [А.И. Подберёзкин, М.И. Александров, О.Е. Родионов и др.]; под ред. М.В. Александрова, О.Е. Родионова. — М.: МГИМО-Университет, 2018. — С. 30–31.

³²² Путин В.В. Официальный текст послания президента РФ Владимира Путина Федеральному Собранию 01 марта 2018, ПАИ / <https://cont.ws@89825721067/868792>

³²³ Путин В.В. Указ «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». — № 204 от 7 мая 2018 г.

³²⁴ Путин В.В. Указ «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». 7 мая 2018 г. / kremlin.ru/d/57425

³²⁵ Эл. ресурс: «Русская весна» / <http://rusvesna.su/news/1529012923>. 15.06.2018

³²⁶ Цит. по: Кокошин А.А. Выдающийся отечественный военный теоретик и военачальник Александр Андреевич Свечин. О его жизни, идеях, трудах и наследии для настоящего и будущего. — М.: МГУ, 2013. — С. 363.

³²⁷ Этому, в частности, была посвящена специальная работа сотрудников ЦВПИ «Мир в XXI веке: прогноз развития международной обстановки по странам и регионам: монография» / [А.И. Подберёзкин, М.И. Александров, О.Е. Родионов и др.]; под ред. М.В. Александрова, О.Е. Родионова. — М.: МГИМО-Университет, 2018. — 680 с.

³²⁸ Лавров С.В. Выступление и ответы на вопросы Министра иностранных дел С.В. Лаврова в рамках Всероссийского молодежного образовательного форума 11 августа 2017 года / Эл. ресурс: сайт МИД РФ / www.mid.ru

³²⁹ Роли и значению НЧК и его институтов была посвящена целая серия моих работ, опубликованных с конца прошлого столетия, из которых в обобщенном виде см.: Подберёзкин А.И. Национальный человеческий капитал. В 3-х т. — М.: МГИМО-Университет, 2011–2013 гг.

³³⁰ Грибин Н.П. Будущее глазами американской разведки. Аналитический обзор доклада Национального разведывательного совета США «Глобальные тенденции: парадоксы прогресса». // Аналитические доклады ИМИ. — МГИМО-Университет, 2017. Май. — Вып. № 2 (48). — С. 8.

³³¹ Summary of 2018 National Defense Strategy of The United States of America. — Wash., 2018. Jan 18. — P. 2.

³³² См. также: *Кравченко С.А., Подберёзкин А.И.* Динамика знания о насилиии: военные и социокультурные аспекты / Гуманитарий Юга России, 2018. — № 3. — С. 40–41.

³³³ **Singularity** — это английское слово, означающее уникальное в своем роде событие с крайне особенными последствиями. Это слово используется математиками для обозначения значения, которое превосходит любое конечное ограничение, такое как взрывообразный рост величины, который возникает при делении константы на переменную, значение которой все больше приближается к нулю.

³³⁴ См., например: *Подберёзкин А.И.* Национальный человеческий капитал. — М.: МГИМО-Университет, 2011–2012. — Т. 1–3.

³³⁵ Мир в XXI веке: прогноз развития международной обстановки по странам и регионам: монография / [А.И. Подберёзкин, М.В. Александров, О.Е. Родионов и др.]; под ред. М.В. Александрова, О.Е. Родионова; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) М-ва иностр. дел Рос. Федерации, Центр военнo-политич. исследований. — М.: МГИМО-Университет, 2018. — 768 с.

³³⁶ *Белкин С.Н.* Колонка главного редактора // Фокус, апрель 2017 г. — С. 5.

³³⁷ *Дегтерёв Д.А.* Основные тенденции многополярного мира: прикладной анализ. — М.: ВАГШ ВС РФ, 2019. 16 мая.

³³⁸ *Подберёзкин А.И.* Состояние и долгосрочные военно-политические перспективы развития России в XXI веке /; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) М-ва иностр. дел Рос. Федерации, Центр военно-политических исследований. — М.: Издательский дом «Международные отношения», 2018. — 1596 с. — С. 25–59.

³³⁹ Подробнее: *Подберёзкин А.И.* Современная военная политика России. — М.: МГИМО-Университет, 2017. — Т. 2. — 987 с.

³⁴⁰ См., например: *Уоррик Джоби.* Чёрные флаги. Ближний Восток на рубеже тысячелетий. — М.: АСТ, 2018. — 448 с.

³⁴¹ *Хантингтон С.* Борьба между цивилизациями / Вызовы и ответы. Как гибнут цивилизации. — М.: «ТД Алгоритм», 2016. — С. 257.

³⁴² Мировая торговля оружием: доминирующая роль США растёт, поставки оружия на ближний восток увеличиваются (Стокгольм, 11 марта 2019).

³⁴³ См. подробнее: Мир в XXI веке: прогноз развития международной обстановки по странам и регионам: монография / [А.И. Подберёзкин, М.В. Александров, О.Е. Родионов и др.]; под ред. М.В. Александрова, О.Е. Родионова; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) М-ва иностр. дел Рос. Федерации, Центр военно-политич. исследований. — М.: МГИМО-Университет, 2018.

³⁴⁴ Хантингтон С. Борьба между цивилизациями / Вызовы и ответы. Как гибнут цивилизации. — М.: «ТД Алгоритм», 2016. — С. 284.

³⁴⁵ См. подробнее: Подберёзкин А.И. Состояние и долгосрочные военно-политические перспективы развития России в XXI веке;/ Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) М-ва иностр. дел Рос. Федерации, Центр военно-политических исследований. — Москва: Издательский дом «Международные отношения», 2018. —1596 с.

³⁴⁶ Путин В.В. Путин назвал опасным вмешательство в духовную жизнь на постсоветском пространстве // ИТАР-ТАСС, 01.11.2018.

³⁴⁷ Transformation is feasible. A. Read to the Club of Rome 17 October 2018. — P. 46.

³⁴⁸ Transformation is feasible. A. Read to the Club of Rome 17 October 2018. — P. 46.

³⁴⁹ См. подробнее: Подберёзкин А.И. Повышение эффективности стратегического сдерживания — основное направление политики безопасности России. Часть 1 // Обозреватель-Observer, 2018. — № 5. — С. 19–35.

³⁵⁰ The long view: how will the global economic order change by 2050? — P. 28.

³⁵¹ Путин В.В. Указ ««О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». — № 204 от 7 мая 2018 г.

³⁵² Стратегический прогноз развития отношений между локальными человеческими цивилизациями в Евразии: аналит. доклад / А.И. Подберёзкин, О.Е. Родионов, М.В. Харкевич. — М.: МГИМО-Университет, 2016. —123 с.

³⁵³ См. подробнее: Подберёзкин А.И. Формирование современной военно-политической обстановки / Latvia, Riga: Lap Lambert Academec Publishing. — 2018. — P. 101–103.

³⁵⁴ См. подробнее: Подберёзкин А.И. Русский путь: сделай шаг! — М. 1998. (3-е изд., перераб. и доп.).

³⁵⁵ См. также: *Кравченко С.А., Подберёзкин А.И.* Динамика знания о насилиии: военные и социокультурные аспекты / Гуманитарий Юга России, 2018. — № 3. — С. 40–41.

³⁵⁶ *Подберёзкин А.И.* Состояние и долгосрочные военно-политические перспективы развития России в XXI веке /; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) М-ва иностр. дел Рос. Федерации, Центр военно-политических исследований. — М.: Издательский дом «Международные отношения», 2018. — 1596 с. — С. 25–59.

³⁵⁷ См. подробнее: *Подберёзкин А.И.* Формирование современной военно-политической обстановки / Latvia, Riga: Lap Lambert Academec Publishing. — 2018. — Р. 104.

³⁵⁸ См. подробнее: *Подберёзкин А.И.* Стратегия национальной безопасности России в XXI веке. — М.: МГИМО-Университет, 2016.

³⁵⁹ *Бжезинский Зб.* Предисловие к книге. *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций. — М.: АСТ, 2016. — С. 3.

³⁶⁰ *Подберёзкин А.И., Боришполец К.П., Подберёзкина О.А.* Евразия и Россия. — М.: МГИМО-Университет, 2013. — 517 с.

³⁶¹ *Подберёзкин А.И.* Военные угрозы России. — М.: МГИМО-Университет, 2014.

³⁶² См. подробнее: *Подберёзкин А.И.* Повышение эффективности стратегического сдерживания — основное направление политики безопасности России. Часть 1 // *Обозреватель-Observer*, 2018. — № 5. — С. 19–35.

³⁶³ *Лосев А.* «Трампономика»: первые результаты. Эрозия Pax Americana и торможение глобализации / Валдайские записки. 2018. — № 87. — С. 25.

³⁶⁴ *Подберёзкин А.И.* Стратегия для будущего президента России. — М.: ВОПД «Духовное наследие», 2000.

³⁶⁵ *Подберёзкин А.И.* Состояние и долгосрочные военно-политические перспективы развития России в XXI веке /; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) М-ва иностр. дел Рос. Федерации, Центр военно-политических исследований. — М.: Издательский дом «Международные отношения», 2018. — 1596 с. — С. 25–59.

³⁶⁶ См. подробнее: *Подберёзкин А.И.* Стратегия национальной безопасности России в XXI веке. — М.: МГИМО-Университет, 2016. — С. 82–101.

³⁶⁷ 2019 Missile Defense Review. Office of the Secretary of Defense. — Wash., Jan. 2019. — Р. 8–14.

³⁶⁸ См. также: *Кравченко С.А., Подберёзкин А.И.* Динамика знания о насилии: военные и социокультурные аспекты / Гуманитарий Юга России, 2018. — № 3. — С. 40–41.

³⁶⁹ Trends in World Nuclear Forces, 2017 / https://www.sipri.org/sites/default/files/2017-06/fs_1707_wnf.pdf. — P. 5.

³⁷⁰ См. подробнее: *Подберёзкин А.И.* Формирование современной военно-политической обстановки / Latvia, Riga: Lap Lambert Academec Publishing. — 2018. — P. 121–123.

³⁷¹ Stratbase ADRI Occasional Paper, Monthly / Checkigin on the Belt and Road Initiative / https://docviewer.yandex.ru/view/35247875/?*=15uke-j8YZmKNvIKykQhR25PgZWx7InVybcI6InlhLW1haWw6Ly8xNjQwOTk5MTE0MjIzMTc1NTYvMS40liwidGI0bGUiOiJnc3AucGRmliwidWkljoiMzUyNDc4NzUiLCJ5dSI6IjE5Mjc4ODg4NjE1MDY1ODM0MDUiLCJub2lmcmFtZSI6ZmFsc2UsInRljoXNTEuNDYyMTUxMjAzfQ%3D%3D

³⁷² *Киссинджер Г.* Дипломатия. — М.: АСТ, 2018. — С. 830.

³⁷³ *Подберёзкин А.И.* Состояние и долгосрочные военно-политические перспективы развития России в XXI веке /; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) М-ва иностр. дел Рос. Федерации, Центр военно-политических исследований. — М.: Издательский дом «Международные отношения», 2018. — 1596 с. — С. 25–59.

³⁷⁴ Stratbase ADRI Occasional Paper, Monthly / Checkigin on the Belt and Road Initiative / https://docviewer.yandex.ru/view/35247875/?*=15uke-j8YZmKNvIKykQhR25PgZWx7InVybcI6InlhLW1haWw6Ly8xNjQwOTk5MTE0MjIzMTc1NTYvMS40liwidGI0bGUiOiJnc3AucGRmliwidWkljoiMzUyNDc4NzUiLCJ5dSI6IjE5Mjc4ODg4NjE1MDY1ODM0MDUiLCJub2lmcmFtZSI6ZmFsc2UsInRljoXNTEuNDYyMTUxMjAzfQ%3D%3D

³⁷⁵ SIPRI Yearbook 2017. Summary / <https://www.sipri.org/sites/default/files/2017-09/yb17-summary-eng.pdf>

³⁷⁶ См. также: *Кравченко С.А., Подберёзкин А.И.* Динамика знания о насилии: военные и социокультурные аспекты / Гуманитарий Юга России, 2018. — № 3. — С. 40–41.

³⁷⁷ Мир в XXI веке: прогноз развития международной обстановки по странам и регионам: монография / [А.И. Подберёзкин, М.В. Александров, О.Е. Родионов и др.]; под ред. М.В. Александрова, О.Е. Родионова; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) М-ва иностр. дел Рос. Федерации, Центр воен-

но-политич. исследований. — М.: МГИМО-Университет, 2018. — 768 с. — С. 30–31.

³⁷⁸ Путин В.В. Указ «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». — № 204 от 7 мая 2018 г.

³⁷⁹ Сергеев В.М. Новые центры силы на мировой арене / Эл. ресурс: «РСМД», 2014.26.10 / <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments>

³⁸⁰ См. также: Кравченко С.А., Подберёзкин А.И. Динамика знания о насилиии: военные и социокультурные аспекты / Гуманитарий Юга России, 2018. — № 3. — С. 40–41.

³⁸¹ Подберёзкин А.И. Состояние и долгосрочные военно-политические перспективы развития России в XXI веке /; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) М-ва иностр. дел Рос. Федерации, Центр военно-политических исследований. — М.: Издательский дом «Международные отношения», 2018. — 1596 с. — С. 25–59.

³⁸² Сергеев В.И. Новые центры силы на мировой арене / Эл. ресурс: «РСМД», 2014.26.10 / <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments>

³⁸³ Сергеев В.И. Новые центры силы на мировой арене / Эл. ресурс: «РСМД», 2014.26.10 / <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments>

³⁸⁴ Мир в XXI веке: прогноз развития международной обстановки по странам и регионам: монография / [А.И. Подберёзкин, М.В. Александров, О.Е. Родионов и др.]; под ред. М.В. Александрова, О.Е. Родионова; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) М-ва иностр. дел Рос. Федерации, Центр военно-политич. исследований. — М.: МГИМО-Университет, 2018. — 768 с. — С. 30–31.

³⁸⁵ Лосев А. «Трампономика»: первые результаты. Эрозия Pax Americana и торможение глобализации / Валдайские записки, 2018. — № 87. — С. 25.

³⁸⁶ Сергеев В.И. Новые центры силы на мировой арене / Эл. ресурс: «РСМД», 2014.26.10 / <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments>

³⁸⁷ Мир в XXI веке: прогноз развития международной обстановки по странам и регионам: монография / [А.И. Подберёзкин, М.И. Александров, О.Е. Родионов и др.]; под ред. М.В. Александрова, О.Е. Родионова. — М.: МГИМО-Университет, 2018. — С. 30–31.

³⁸⁸ Сергеев В.И. Новые центры силы на мировой арене / Эл. ресурс: «РСМД», 2014.26.10 / <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments>

³⁸⁹ *Подберёзкин А.И.* Состояние и долгосрочные военно-политические перспективы развития России в XXI веке /; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) М-ва иностр. дел Рос. Федерации, Центр военно-политических исследований. — М.: Издательский дом «Международные отношения», 2018. — 1596 с. — С. 25–59.

³⁹⁰ *Подберёзкин А.И.* Состояние и долгосрочные военно-политические перспективы развития России в XXI веке /; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) М-ва иностр. дел Рос. Федерации, Центр военно-политических исследований. — М.: Издательский дом «Международные отношения», 2018. — 1596 с. — С. 25–59.

³⁹¹ *Сергеев В.И.* Новые центры силы на мировой арене / Эл. ресурс: «РСМД», 2014.26.10 / <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments>

³⁹² Мир в XXI веке: прогноз развития международной обстановки по странам и регионам: монография / [А.И. Подберёзкин, М.И. Александров, О.Е. Родионов и др.]; под ред. М.В. Александрова, О.Е. Родионова. — М.: МГИМО-Университет, 2018. — С. 30–31.

³⁹³ *Селезнев М.* Так вышло / Эл. ресурс: «Лента.ру», 28.08.2017.

³⁹⁴ *Подберёзкин А.И.* Состояние и долгосрочные военно-политические перспективы развития России в XXI веке /; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) М-ва иностр. дел Рос. Федерации, Центр военно-политических исследований. — М.: Издательский дом «Международные отношения», 2018. — 1596 с. — С. 25–59.

³⁹⁵ *Сергеев В.И.* Новые центры силы на мировой арене / Эл. ресурс: «РСМД», 2014.26.10 / <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments>

³⁹⁶ *Подберёзкин А.И.* Состояние и долгосрочные военно-политические перспективы развития России в XXI веке /; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) М-ва иностр. дел Рос. Федерации, Центр военно-политических исследований. — М.: Издательский дом «Международные отношения», 2018. — 1596 с. — С. 25–59.

³⁹⁷ *Подберёзкин А.И.* Россия и мир в период глобализации: в поисках концепции долгосрочного развития. — М.: Экспертно-консультативный совет Счетной палаты РФ, 2003.

³⁹⁸ *Политика: толковый словарь: Русско-английский.* — М.: «Инфра-М», 2001. — С. 460.

³⁹⁹ *Кравченко С.А., Подберёзкин А.И.* «Переоткрытие» знания о будущем: перспективы безопасности России до 2050 года // Вестник МГИМО-Университет, 2017. — № 4. — С. 112–118.

⁴⁰⁰ Эту сторону многополярности вообще стараются — умышленно или нет — обходить при теоретических исследованиях развития МО и ВПО. В частности, надо признать, что и исследователи из ЦВПИ в своих работах даже не обозначали её в качестве предмета исследований. См., например. Некоторые аспекты анализа военно-политической обстановки: монография / под ред. *А.И. Подберёзкина, К.П. Боришполец.* — М.: МГИМО-Университет, 2014. — 874 с.

⁴⁰¹ *Бордачёв Т., Кашин В., Куприянов А., Лукьянов Ф., Суслов Д.* Возвышение Римланда: новая политическая география и стратегическая культура / Доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай». Июнь, 2018 / 20784 / ru.valdaiclub.com

⁴⁰² *Бордачёв Т., Кашин В., Куприянов А., Лукьянов Ф., Суслов Д.* Возвышение Римланда: новая политическая география и стратегическая культура / Доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай». Июнь, 2018 / 20784 / ru.valdaiclub.com

⁴⁰³ Укрепление международной безопасности: роль парламентов / Международный форум «Развитие парламентаризма» / S4WP9ufS56PUIPw2V3McH8FRuSM2tr4h.pdf / duma.gov.ru

⁴⁰⁴ *Подберёзкин А.И.* Состояние и долгосрочные военно-политические перспективы развития России в XXI веке /; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) М-ва иностр. дел Рос. Федерации, Центр военно-политических исследований. — М.: Издательский дом «Международные отношения», 2018. — 1596 с. — С. 25–59.

⁴⁰⁵ См. подробнее: *Подберёзкин А.И.* Повышение эффективности стратегического сдерживания — основное направление политики безопасности России. Часть 1 // Обозреватель-Observer, 2018. — № 5. — С. 19–35.

⁴⁰⁶ The long view: how will the global economic order change by 2050? — P. 4.

⁴⁰⁷ Мир в XXI веке: прогноз развития международной обстановки по странам и регионам: монография / [А.И. Подберёзкин, М.И. Александров, О.Е. Родионов и др.]; под ред. *М.В. Александрова, О.Е. Родионова.* — М.: МГИМО-Университет, 2018. — С. 30–31.

⁴⁰⁸ Мир в XXI веке: прогноз развития международной обстановки по странам и регионам: монография / [А.И. Подберёзкин, М.И. Александров, О.Е. Родионов и др.]; под ред. М.В. Александрова, О.Е. Родионова. — М.: МГИМО-Университет, 2018. — С. 30–31.

⁴⁰⁹ Подберёзкин А.И., Боришполец К.П., Подберёзкина О.А. Евразия и Россия. — М.: МГИМО-Университет, 2014.

⁴¹⁰ Скрыльников П. Мьянма пробудила в России политический ислам // Независимая газета. 2017.06.09.

⁴¹¹ Скрыльников П. Мьянма пробудила в России политический ислам // Независимая газета, 2017.06.09.

Источники и литература

ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» от 28 июня 2014 г. № 172.

Путин В.В. Указ № 762 от 31 декабря 2015 г. «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации».

Путин В.В. Указ №646 от 5 декабря 2016 г. «Об утверждении доктрины информационной безопасности Российской Федерации».

Путин В.В. Указ «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года», № 204 от 7 мая 2018 г.

Путин В.В. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации 1 марта 2018 г.

Бэзил Лиддл Гарт. Стратегия не прямых действий. — М.: АСТ, 2018. — 508 с.

Введение в прикладной анализ международных ситуаций: Учебник / под ред. Т.А. Шаклеиной. — М.: Аспект Пресс, 2014. — 256 с.

Владимиров А.И. Основы общей теории войны. Монография в 2 частях. — М.: Синергия, 2013.

Зиновьева Е.С. Цифровая публичная дипломатия как инструмент урегулирования конфликтов / в монографии: Публичная дипломатия: Теория и практика: Научное издание / под ред. М.М. Лебедевой. — М.: Издательство «Аспект Пресс», 2017. — С. 54–69.

Ильин И.А. Пути России. — М.: Вагриус, 2007. — С. 234.

Кейтель В. Размышления перед казнью. — М.: Вече, 2017. — С. 311.

Клаузевиц К. Фон. «О войне. Избранное». — М.: АСТ, 2019. — 320 с.

Кокошин А.А. Выдающийся отечественный военный теоретик и военачальник Александр Андреевич Свечин. О его жизни, идеях, трудах и наследии для настоящего и будущего. — М.: Изд. МГУ, 2013. — 408 с.

Красинский В.В. Экстремистские интернет-ресурсы северокавказского бандподполья / В сб.: Актуальные проблемы противодействия терроризму и экстремизму: тематический сборник / под ред. В.В. Красинского. — М.: 2017. — С. 154–155.

Лавров С.В. Выступление и ответы на вопросы Министра иностранных дел С.В. Лаврова в рамках Всероссийского молодежного образовательного форума 11 августа 2017 года / Эл. ресурс: сайт МИД РФ / www.mid.ru

Подберёзкин А.И., Александров М.В., Родионов О.Е. и др. Мир в XXI веке: прогноз развития международной обстановки по странам и регионам: монография; под ред. М.В. Александрова, О.Е. Родионова. — М.: МГИМО-Университет, 2018. — С. 30–31.

Пантин В.И., Малков С.Ю., Гринин Л.Е. Основные угрозы и риски России при переходе к новому мировому порядку и пути их минимизации: Стратегический анализ. — М.: Московская редакция издательства «Учитель», 2018. — 24 с.

Подберёзкин А.И. Национальный человеческий капитал. — М.: МГИМО. — Т. 3. 2011.

Подберёзкин А.И. Современная военная политика России: учебно-методический комплекс. В 2-х т. — Т. 2. — М.: МГИМО-Университет, 2017. — С. 64–83.

Подберёзкин А.И., Мунтян М.А., Харкевич М.В. Долгосрочное прогнозирование сценариев развития военно-политической обстановки: аналит. доклад. — М.: МГИМО-Университет, 2014. — С. 17–44.

Подберёзкин А.И., Подберёзкина О.А. Влияние санкций Запада на политический курс и экономику России // Научно-аналитический журнал «Обозреватель». Часть 2. 2018. — № 12. — С. 6–8.

Подберёзкин А.И. «Переходный период» развития военно-силовой парадигмы (2019–2025 гг.). Часть I и Часть II // Научно-аналитический журнал «Обозреватель», 2019 — №4, №5. — С. 5–28 и С. 5–31.

Подберёзкин А.И. (рук. авт. кол.) и др. Проект долгосрочной стратегии национальной безопасности России с методологическими и методическими комментариями: аналит. доклад — М.: МГИМО-Университет, 2016. 86 с.

Подберёзкин А.И. Состояние и долгосрочные военно-политические перспективы развития России в XXI веке. ИД «Международные отношения», 2018. 1496 с.

Подберёзкин А.И. Политика стратегического сдерживания России в XXI веке. М.: Издательский дом «Международные отношения», 2019. 808 с.

Подберёзкин А., Крылов С. Политика, война и международная безопасность в XXI веке // *Обозреватель*, 2019, № 10, СС. 21- 41.

Публичная дипломатия: Теория и практика: Научное издание / под ред. *М.М. Лебедевой*. — М.: Издательство «Аспект Пресс», 2017. — С. 42–46.

Снесарев А.Е. Философия войны. — М.: Финансовый контроль, 2003. — 287 с.

Стратегическое прогнозирование и планирование внешней и оборонной политики: монография: в 2-х т. / *под ред. А.И. Подберёзкина*. — М.: МГИМО-Университет, 2015. — Т. 1. Теоретические основы системы анализа, прогноза и планирования внешней и оборонной политики. — 2015. — С. 112–123.

Шапошников Б.М. Мозг армии. — М.: Общество сохранения литературного наследия, 2015. — С. 653.

Шапошников Б.М. Битва за Москву. — М.: Эксмо: Яуза, 2018.

Шойгу о 30-и кратном росте числа высокоточных крылатых ракет / Эл. ресурс: «РБК». 11.03.2019 / https://www.rbc.ru/politics/11/03/2019/5c8630839a79474155eae6eb?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop

Assessing the impact of cost-imposing options / RAND report. April 2019. — P. 15.

China-India in 2030: A Net Assessment. — P. 16 / http://www.defence.gov.au/ADC/Publications/Commanders/2012/01_India%20-%20China%20NA%20-%20Full%20Paper%20v16%20-%202015%20Dec%2011%20-%20final.pdf

Fitch отметило устойчивость российской экономики к санкциям США / Эл. ресурс: «ТАСС». См.: подробнее на РБК: <https://www.rbc.ru/economics/18/08/2018/5b7738449a794737af02361a>

Gompert D., Binnendijk H. The Power to Coerce. — Cal., RAND, 2016. — P. 3–41.

Mattis Jim. Summary of the 2018 National Defense Strategy of The United States of America. — Wash., DOD, 2018. — P. 2.

Nelson R.M. U.S. Sanctions and Russian Economy. Congressional Research Service. February 17, 2017.

Overextending and Unbalancing Russia: assessing impact of cost-imposing options. — Cal., RAND, 2019. — 39 P.

Joint Operating Environment (JOE) 2035. 14 July 2016. — P. 53.

The National Military Strategy of the United States of America 2015. — Wash., June 2015. — P. 17.

President Donald Trump, Executive Order 13806 / <https://www.whitehouse.gov/presidential-actions/presidential-executive-order-assessing-strengthening-manufacturing-defense-industrial-base-supply-chain-resiliency-united-states/>

Научное-популярное издание

Подберезкин Алексей Иванович

**ВОЙНА И ПОЛИТИКА
В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ**

Согласно Федеральному закону РФ от 29.12.2010 № 436-ФЗ
данная продукция не подлежит маркировке

Редактор *О.Е. Родионов*
Компьютерная верстка *Е.В. Лабыгина*
Художественное оформление обложки *Е.С. Игнатова*

Подписано в печать 16.11.2020. Формат 70×100^{1/16}.
Уч. изд. л. 13,00. Тираж 500 экз. Заказ

ИД «Международные отношения»
125481, г. Москва, ул. Свободы, д. 91/2